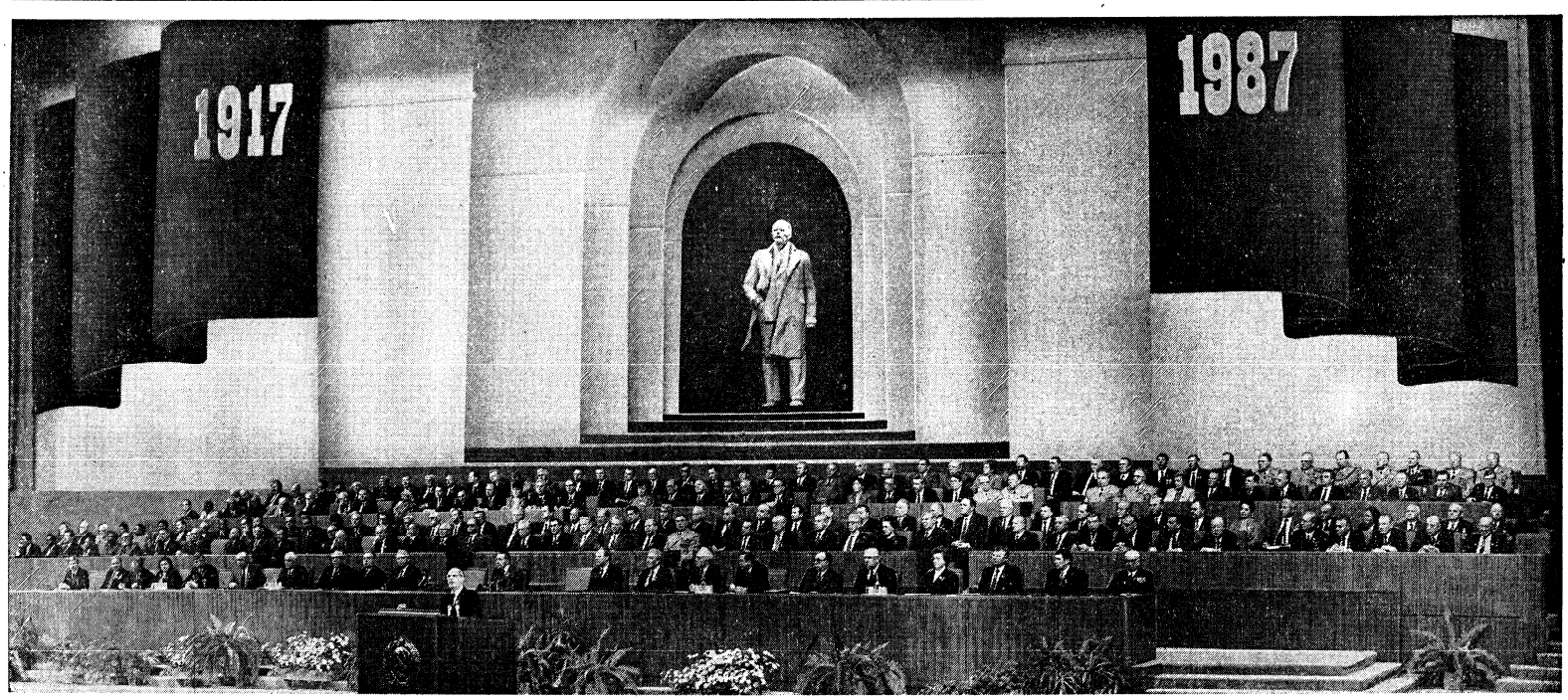
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

4 ноября
1987 г.
45 (5163)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С 1929 г.
ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
ЦЕНА 20 коп.



Во время Торжественного заседания.

Фото С. СМИРНОВА, А. СТЕШАНОВА («ИЗВЕСТИЯ»)

ОКТЯБРЬ И ПЕРЕСТРОЙКА: РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА

на совместном Торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции

Дорогие товарищи!

Уважаемые зарубежные гости!

Семь десятилетий отделяют нас от незабываемых дней Октября 1917 года. Тех легендарных дней, которые начали свой счет новой эпохе общественного прогресса, подлинной человеческой истории. Октябрь — поистине «звездный час» человечества, его рассветная заря. Октябрьская революция — это революция народа и для народа, для человека, его освобождения и развития.

Семь десятилетий — совсем небольшой отрезок времени в многовековом восхождении мировой цивилизации, но по масштабам свершений история еще не знала такого периода, который прошла наша страна после победы Великого Октября. И нет выше чести, чем идти путем первопроходцев, отдавать все силы, энергию, знания, способности во имя торжества идей и целей Октября! (Аплодисменты).

Юбилей — это момент гордости. Гордости свершенным. Тяжелейшие испытания выпали на нашу долю. И мы выдержали их с честью. Не просто выдержали. Вырвали страну из разрухи и отсталости, сделали ее могучей державой, преобразили жизнь, неузнаваемо изменили духовный мир человека. В жесточайших схватках, какие только видел XX век, отстояли право на собственный образ жизни, защитили свое будущее. Мы с полным основанием гордимся и тем, что наша революция, труд и борьба продолжают оказывать глубочайшее воздействие на все стороны мирового развития — политику и экономику, социальную сферу и сознание современников.

Юбилей — это момент памяти. О тех миллионах людей, каждый из которых внес вклад в наши общие социалистические завоевания. О тех, кто варил сталь, сеял хлеб, учил детей, двигал вперед науку и технику, достигал высот искусства. Скорбной памяти о тех, кто, защищая Родину, пал в бою, ценой своей жизни дал возможность обществу идти вперед. Неизгладимой памяти о прожитом, пройденном, ибо все это и создало день сегодняшний.

Юбилей — это момент размышлений. О том, как непросто и неоднозначно складывались порой наши дела и судьбы. Было всякое — и героическое, и трагическое, великие победы и горькие неудачи. Мы размышляем о семидесяти годах напряженного созидания с позиций народа, готового мобилизовать все свои силы, весь огромный потенциал социализма для революционного преобразования жизни.

Юбилей — это и взгляд в будущее. Наши достижения грандиозны, весомы и значимы. Они являются прочным фундаментом, основой для новых свершений, для дальнейшего развития общества. Именно в развитии социализма, продолжении идей и практики ленинизма и Октября мы видим суть наших сегодняшних дел и забот, свою первейшую задачу и нравственную обязанность. А это диктует необходимость серьезного и основательного анализа исторического значения Октября, всего того, что сделано за семь послеоктябрьских десятилетий. (Аплодисменты).

I. Октября — путь первопроходцев

Товарищи! Наш путь первопроходцев — огромен и сложен. Его кратким анализом не охватишь, не обнимешь. И тяжесть материального и нравственного наследия старого мира, первой мировой и гражданской войн, интервенции. И новизна преобразований, связанные с ними надежды людей, темпы и масштабы вторжения нового, непривычного, не оставляющие подчас времени, чтобы оглядеться, поразмыслять. И субъективные факторы, играющие особую роль в периоды революционных бурь. И проникнутые максимализмом революционной поры, подчас упрощенные, спрямленные представления о будущем. И чистое, неистовое стремление борцов за новую жизнь сделать все как можно быстрее, лучше, справедливее.

Пройденное — его героизм и драматизм — не может не волновать умы современников. История у нас одна, она неделима. И какие бы эмоции она ни вызывала — это наша история, она дорога нам. (Аплодисменты). Сегодня мы обращаемся к октябрьским дням, которые потрясли мир, ищем и находим в них и прочную духовную опору, и поучительные уроки. Еще и еще раз убеждаемся в правильности социалистического выбора, сделанного Октябрем.

К этому рубежу вела сама объективная логика исторического прогресса человечества. Октябрьская революция — при всей противоречивости и многовариантности путей поступательного движения цивилизации — явилась закономерным результатом развития идей и практики многовековой борьбы трудящихся за свободу и мир, за социальную справедливость, против классового, национального и духовного угнетения.

Год 1917-й показал, что выбор между социализмом и капитализмом — это главная социальная альтернатива нашей эпохи, что в XX веке вперед идти нельзя, не идя к более высокой форме социальной организации — к социализму. Этот фундаментальный ленинский вывод сегодня не менее актуален, чем тогда, когда он был сделан. Такова закономерность поступательного общественного развития.

Революция в России стала как бы вершиной освободительных устремлений, живым воплощением мечтаний лучших умов человечества — от великих гуманистов прошлого до пролетарских революционеров XIX и XX веков. Год 1917-й впитал в себя энергию народной борьбы за самостоятельное развитие и независимость, прогрессивных национальных движений, антикрепостнических крестьянских восстаний и войн, характерных для нашей истории. Он воплотил в себе духовные искания просветителей XVIII столетия, героев и мучеников декабристского движения, пламенных трибунов революционной демократии, нравственное подвижничество великих деятелей нашей культуры.

Для судеб нашей страны решающее значение имело время, когда на заре XX века Владимир Ильич Ленин повел за собой тесно сплоченную группу единомышленников по пути создания в России пролетарской партии нового типа. Именно эта великая ленинская партия подняла народ, лучшие, честные его силы на штурм старого мира.

В фундамент успеха Октября краеугольные камни заложены первой российской революцией 1905—1907 годов. Здесь и горькие уроки Девятого января, и отчаянный героизм декабрьских московских баррикад, и подвиг тысяч известных и безвестных борцов за свободу, и рождение первых рабочих Советов — прообраза Советской власти.

Самым выдающимся событием XX века, возвестившим начало новой эры в жизни человечества, вошла в историю Великая Октябрьская социалистическая революция. Она стала беспримерным взлетом исторического творчества масс, разорвавших цепи угнетения и эксплуатации.

70-летию Великого Октября посвящено совместное Торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, открывшееся в Москве 2 ноября. В Кремлевском Дворце съездов собрались члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, депутаты Верховных Советов Союза ССР и Российской Федерации, посланцы профсоюзов и комсомола, ветераны партии, участники гражданской и Великой Отечественной войн, ударники двенадцатой пятилетки, многочисленные зарубежные гости, прибывшие в нашу страну на юбилейные торжества, дипломатический корпус, представители прессы.

Десять часов утра. Аплодисментами встретили собравшиеся товарищей Горбачева М. С., Воротникова В. И., Громыко А. А., Зайкова Л. Н., Лигачева Е. К., Никонова В. П., Рыжкова Н. И., Слюнькова Н. Н., Соломенцева М. С., Чебрикова В. М., Шеварднадзе Э. А., Щербицкого В. В., Яковлева А. Н., Демичева П. Н., Долгих В. И., Ельцина Б. Н., Соловьева Ю. Ф., Талызина Н. В., Язова Д. Т., Бирюкову А. П., Добрынина А. Ф., Лукьянова А. И., Медведева В. А., Разумовского Г. П., Капитонова И. В.

В президиуме также — руководители союзных республик, ветераны ленинской партии, участники Октябрьской революции, герои ратных и трудовых побед социалистического Отечества, известные ученые, мастера культуры, военачальники, видные общественные деятели.

Здесь же — главы партийно-государственных и партийно-правительственных делегаций социалистических стран, президенты и главы правительств ряда государств, руководители коммунистических и рабочих партий, революционно-демократических, национально-демократических партий, освободительных движений, представители социал-демократии, выдающиеся общественные деятели.

Вступительным словом совместное Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко.

Отсюда, из стен Кремля, сказал он, мы поздравляем с праздником весь советский народ и каждого гражданина в отдельности. У нас нет безымянных героев. Каждый должен знать, что его труд нужен обществу, Этот труд — честный, с

Победа Великого Октября вырастала и из завоеваний Февральской революции 1917 года, которая стала первой победоносной народной революцией эпохи империализма. Как подчеркнул Ленин, после февральской победы развитие революции пошло с невероятной быстротой. Главными ее действующими лицами были рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели. Весна 1917 года показала мощь общенародного движения. Одновременно выявились и его ограниченности, противоречивость революционного сознания на этом этапе, сила исторической инерции, в результате которых уходящие со сцены эксплуататорские классы смогли на время воспользоваться плодами народной победы.

Февральская революция дала в руки Октября главное оружие — организацию власти в лице возрожденных Советов. Февраль — это первый опыт реального демократизма, политического воспитания масс на практике, приобретавшийся в сложнейших условиях двоевластия. Февраль уникален и по своей возможности мирного перехода власти в руки трудящихся, возможности, не ставшей, к сожалению, в силу исторических обстоятельств действительностью. Февраль был важнейшим историческим этапом на пути к Октябрю.

В сложном переплетении и противоборстве классовых сил, участвовавших в Февральской революции, Ленин гениально разгадал открывшиеся возможности победы революции социалистической. Апрельские тезисы были научным предвидением и образцом революционной программы действий в этих исторических условиях. Ленин показал не только логику перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, но и форму этого процесса — через Советы, через их большевизацию, суть которой состояла в том, чтобы помочь народу, массам понять смысл их собственной борьбы и сознательно вершить революцию в своих интересах. Путь от Февраля к Октябрю — это время стремительных общественных перемен, время быстрого политического мужания масс, консолидации сил революции и ее авангарда — ленинской партии.

В тот период — от Февраля к Октябрю — с особой силой проявилось политическое искусство Ленина и его соратников, давших поучительный урок живой диалектики революционной мысли и действия. Руководство партии продемонстрировало способность к коллективному творческому поиску, отказу от стереотипов, от лозунгов, которые еще вчера, в другой обстановке казались непререкаемыми и единственно возможными. Можно сказать, что само течение ленинской мысли, вся деятельность большевиков, которая отличалась быстрой сменой форм и методов работы, гибкостью и неординарностью тактических решений, политической смелостью, — ярчайший образец антидогматического, подлинно диалектического, а значит — нового мышления. Так и только так мыслят и действуют настоящие марксисты-ленинцы, особенно во времена переломные, критические, когда решаются судьбы революции и мира, социализма и прогресса. (Аплодисменты).

Вернемся к апрелю 1917-го: ленинская программа поворота к социалистической революции казалась многим — и друзьям, и недругам — утопией, чуть ли не плодом безудержной фантазии. Но жизнь показала, что только такая программа могла стать и на деле стала политической основой дальнейшего развития революции, а по существу — основой социального спасения, предотвращения национальной катастрофы.

Вспомним июльские дни 1917 года. С какой болью партия была вынуждена отказаться от лозунга передачи всей власти Советам. Но иначе поступить было нельзя, ибо Советы оказались на некоторое время в руках эсеров и меньшевиков и бессильными перед лицом контрреволюции. И как чутко держал Ленин руку на пульсе революции, как гениально определил начало нового возрождения Советов, которые в процессе борьбы обретали истинно народную суть, что позволило им стать органами победоносного вооруженного восстания, а затем и политической формой рабоче-крестьянской власти.

Все это не просто страницы летописи великой революции. Это еще и постоянное напоминание нам, ныне живущим, о высоком долге коммунистов всегда быть на острие событий, уметь принимать смелые решения, брать на себя всю полноту ответственности за настоящее и будущее. (Аплодисменты).

● ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 2—3-Я СТР.

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ ОКТЯБРЯ

Торжественное заседание в Кремлевском Дворце съездов

полной отдачей — лучший вклад в историческое дело перестройки.

Дело Октября живет в нашей стране. Но не только в нашей. Его можно видеть в успехах стран социализма. Оно — в делах братских коммунистических и рабочих партий, в национально-освободительной борьбе народов, в движении всех прогрессивных сил планеты за мир. Об уважении к Советскому государству, к нашей партии и народу свидетельствует тот факт, что в сегодняшнем празднике вместе с нами участвуют 163 делегации из 119 стран, сообщил оратор.

Звучит Государственный гимн Советского Союза.

Слово для доклада «Октябрь и перестройка: революция продолжается» предоставляется Генеральному секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза **М. С. Горбачеву.**

Доклад товарища Горбачева М. С., выслушанный с большим вниманием, сопровождался продолжительными аплодисментами.

● ОКОНЧАНИЕ НА 5-Я СТР.

ОКТЯБРЬ И ПЕРЕСТРОЙКА: РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

● ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

Октябрьская революция явилась могучим порывом миллионов людей, в котором соединились коренные интересы рабочего класса, вековечные чаяния крестьянства, жажда мира солдат и матросов, неистребимая тяга народных многонациональной России к свободе и свету. В сложном переплетении различных интересов партия большевиков смогла найти главное, объединить разнообразные тенденции и устремления, направить их на решение основного вопроса революции — вопроса о власти. И в первых же своих Декретах — о мире и земле — государство диктатуры пролетариата делом ответило на требования времени, выразило глубинные интересы не только рабочего класса, но и абсолютного большинства народа.

И еще об одном важнейшем, принципиальном уроке октябрьских дней необходимо сегодня напомнить. В наше время необычайно актуален ленинский ответ на вопрос, который задает жизнь, революционная действительность, — это вопрос о соотношении теоретической «модели» пути к социализму и реальной практики социалистического строительства. Марксизм-ленинизм как творческое учение не набор готовых рецептов и доктринерских предписаний. Чуждое узколобому догматизму марксистско-ленинское учение обеспечивает активное взаимодействие новаторской теоретической мысли с практикой, с самим ходом революционной борьбы. Поучительнейший пример тому — Великий Октябрь.

Как известно, многие даже крупные деятели рабочего движения того времени отказывались видеть в Октябрьской социалистической революции закономерное явление: она-де произошла «не по правилам», не в соответствии со сложившимися теоретическими воззрениями. Российский капитализм, по их представлениям, не создал к Октябрю 1917 года все необходимые материальные и культурные предпосылки социализма. Поучительно и полезно, думается, вспомнить, как отвечал Ленин подобным критикам нашей революции. «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность, — возражал он. — Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»

Догматически, педантски трактующим марксизм не дано понять главного в этом учении — его революционной диалектики. Именно она отличает всю послеоктябрьскую деятельность Ленина. Именно она помогла совершить буквально на грани возможного и невозможного политический и нравственный подвиг Брестского мира, спасшего тысячи и тысячи жизней, само существование социалистического Отечества.

Другой пример. Ленин, как Маркс и Энгельс, был убежден, что вооруженной защитой революции станет народная милиция. Но конкретные условия продиктовали иное решение. Навязанная народу гражданская война, внешняя интервенция потребовали нового подхода. По Декрету Ленина была создана Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Это была армия нового типа, покрывшая себя бессмертной славой в гражданской войне и отражении иностранной интервенции. (Аплодисменты).

Суровые испытания принесли эти годы молодой Советской власти. Во всей своей простоте и суровости встал вопрос: быть или не быть социализму. Партия сплотила и мобилизовала народ на оборону социалистического Отечества, завоеваний Октября. Голодные, раздетые и разутые, плохо вооруженные красные бойцы разгромили хорошо обученную и вооруженную контрреволюционную армию, которую обильно подкармливали империалисты Запада и Востока. Огненная жажда гражданской войны прошла по всей стране, по каждой семье, перепахала привычный уклад жизни, психологию и судьбы людей. В этой смертельной схватке победила воля народа, стремление миллионов к новой жизни. (Аплодисменты). Страна делала все, чтобы помочь молодой армии, жила и действовала под лозунгом, выдвинутым Лениным: «Все для победы».

В нашей памяти навеки останется подвиг легендарных героев — отважных моряков и конармейцев, бойцов и командиров молодой Красной Армии и красных партизан. Они защитили революцию, вечная им слава! (Продолжительные аплодисменты).

Глубочайшей революционной диалектикой пронизано и решение о новой экономической политике, которая существенно раздвинула горизонты представлений о социализме, о пути его построения.

Или возьмите такой вопрос. Как известно, Ленин критиковал «ограниченности «кооперативного социализма». В конкретных же условиях, которые сложились после Октября в результате завоевания власти народом, он по-новому взглянул на этот вопрос. В статье «О кооперации» разрабатывается положение о социализме как обществе «цивилизованных кооператоров».

Таковы были сила и смелость марксистской диалектики, которая выражала саму суть революционного учения и которой так блестяще владел Ленин. Он считал, что в созидании нового мира «доделывать, переделывать, начинать с начала придется ему еще не раз».

Да, нам пришлось не раз доделывать и переделывать начатое, выдержать продолжительную и упорную борьбу, пережить исторические процессы поворотного, революционного характера. И они во многом изменили обстановку, условия нашего движения вперед. Они изменили и нас самих — закалили, обогащали опытом, знаниями, вселяли еще большую уверенность в успехе дела революции.

Оценивая во всемирно-историческом масштабе пройденный нами путь, вновь и вновь убеждаешься: за короткий срок мы проделали то, на что другим понадобились столетия. (Аплодисменты).

Социалистическая революция свершилась в стране со средним уровнем развития капитализма, высокой концентрацией промышленности, преобладанием крестьянского населения, глубокими пережитками феодализма и даже предшествующих общественных формаций. Россия дала миру величайшие достижения в области науки и культуры, но три четверти ее населения были неграмотными. Страна до крайности была разорена империалистической войной и бездарным управлением.

Строительство новой жизни не имело образцов, оно предполагало неустанный поиск созидательных решений. Для партии коммунистов цель была ясна — революция и путь социализма. Советская власть, Ленин и повел партию по этому пути.

В живом творчестве масс, из сложнейшего материала многоукладной России выкристаллизовывались принципы и нормы будущего социалистического устройства, небывалые в истории формы организации общества. Утверждались, наполнялись реальным жизненным содержанием такие чисто теоретические представления о формах народовластия, путях и границах обобществления собственности, организации социалистического производства, налаживании новой, товарищеской дисциплины, о месте и роли человека в новом обществе.

Главный смысл Октября — в созидании новой жизни. Оно не прерывалось ни на один день. Использовалась даже кратковременная передышка, чтобы строить, искать пути в социалистическое будущее.

Величайшим взлетом народной инициативы и творчества отмечены начало двадцатых годов. Они стали подлинной революционной лабораторией социального новаторства, поиска оптимальных форм союза рабочего класса и трудового крестьянства, формирования механизма реализации всего спектра интересов людей труда.

От вынужденных в условиях войны и разорения военно-коммунистических методов организации производства и потребления партия переходила к более гибким, экономически обоснованным, «регулярным» инструментам воздействия на социальную действительность. Меры новой экономической политики были направлены на построение материального фундамента социализма.

Мы все чаще обращаемся сейчас к последним работам Ильича, к ленинским идеям новой экономической политики, стремимся взять из этого опыта все ценное, необходимое нам сегодня. Конечно, было бы ошибочным ставить знак равенства между нэпом и тем, что делаем мы в настоящее время, находясь на принципиально иной ступени развития. В стране сегодня нет того единоличного крестьянства, налаживание союза с которым определяло самые насущные цели экономической политики двадцатых годов.

Но нэп имел и более дальний прицел. Была поставлена задача строить новое общество «не на энтузиазме непосредственно, — как писал Ленин, — а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете... Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции».

Говоря о творческом потенциале нэпа, следует, видимо, еще раз сказать о политическом и методологическом богатстве идеи продналога. Нас, разумеется, привлекают не тогдашние его формы, которые призваны были обеспечить смычку рабочих и крестьян, а заложенная в идее продналога возможности раскрепощения созидательной энергии масс, повышения инициативы человека, снятия бюрократических препон, ограничивающих действие основного принципа социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

Начатое под руководством Ленина социалистическое строительство принесло много принципиально нового.

Впервые в мировой истории были разработаны и применены методы планового хозяйствования. План ГОЭЛРО — это поистине открытие, целая ступень в движении мировой экономической мысли и практики. Не только грандиозный план электрификации, а проект, по мысли Ленина, «гармонического соединения» земледелия, промышленности и транспорта, по современному же говоря, — комплексная программа размещения и развития производительных сил страны. Ленин назвал в этой программой партии, «планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники».

Рождалась новая культура, вбиравшая и опыт прошлого, и многоцветное богатство, смелость, оригинальность талантов, ярких индивидуальностей, которые революция всколыхнула и вдохновила на служение народу. Непреходящее значение не только по своим результатам, но и по опыту, по методологии имеет для нас начальный, ленинский этап формирования многонационального государства Советов.

Задумываешь о том времени, когда «на России изподвской будет Россия социалистическая», Ленин не мог, да и не ставил перед собой задачу нарисовать картину будущего общества во всех деталях и подробностях. Но сами пути, способы движения к социализму через создание машинной индустрии, широкое кооперирование, поголовное вовлечение трудящихся масс в управление государством, организацию работы государственного аппарата по принципу «чуть меньше, да лучше», через «культурное развитие всей народной массы», укрепление федерации свободных наций «без лжи и лицемерия» — именно это должно было формировать облик страны, выходящей на принципиально новый уровень общественного устройства.

В последних, необычайно насыщенных интеллектуально и эмоционально ленинских работах сложилась система взглядов и сама концепция строительства социализма в нашей стране. Это — огромное теоретическое богатство партии.

Величайшим потрясением для всей партии и советского народа была преждевременная смерть Владимира Ильича Ленина. Горе было непомерным, потеря — невосполнимой. Это понимали все. Предстояли дела колоссальной исторической значимости. Руководство партии должно было без Ленина, опираясь на его учение и советы, искать оптимальные решения, способные закрепить завоевания революции и вести страну к социализму в конкретных условиях тогдашней Советской России.

История предъявила новому строю жесткий ультиматум: либо, создав в кратчайшие сроки свою социально-экономическую и техническую базу, выжить и дать человечеству первый опыт справедливой организации общества, либо погаснуть и остаться в памяти веков в лучшем случае лишь героическим, но неудавшимся социальным экспериментом. Жизненно важное, в полном смысле слова, судьбоносное значение приобретал прежде всего вопрос об ускоренных темпах социалистических преобразований.

Период после Ленина — 20-е и 30-е годы — занял особое место в истории Советского государства. За какие-то полтора десятка лет были осуществлены коренные общественные изменения. В эти годы вместилось так много — с точки зрения поисков оптимальных вариантов социалистического строительства, и с точки зрения реального достигнутого в создании основ нового общества. Это были годы упорного труда на пределе человеческих возможностей, острой и многоплановой борьбы. Индустриализация, коллективизация, культурная революция, укрепление многонационального государства, утверждение международных позиций СССР, новые формы управления экономикой и всей общественной жизнью — все это приплось именно на этот период. И все это имело далеко идущие последствия.

На грани двух десятилетий мы вновь и вновь возвращаемся к этому времени. Это естественно. Ибо тогда начиналось, строилось первое в мире социалистическое общество. Это был подвиг исторических масштабов и исторического значения. Восхищение подвигами отцов и дедов, идеи наших подлинных достижений будут жить вечно, как и сами эти подвиги и достижения. (Аплодисменты). И если сегодня мы вглядываемся в свою историю порой критическим взором, то лишь потому, что хотим лучше, полнее представить себе пути в будущее.

Необходимо оценить прошлое с чувством исторической ответственности и на основе исторической правды. Это надо сделать, во-первых, в силу огромной важности тех лет для судеб нашего государства, судеб социализма. Во-вторых, потому что эти годы находятся в центре многолетних дискуссий как у нас в стране, так и за рубежом, где наряду с поисками истины нередко предпринимаются попытки дискредитировать социализм как новый общественный строй, как реальную альтернативу капитализму. Наконец, нам нужны правдивые оценки этого и всех других периодов нашей истории особенно сейчас, когда развернулась перестройка,— нужны не для того, чтобы сводить политические счеты или, как говорится, надрывать душу, а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов.

Итак, о 20—30-х годах после Ленина. Несмотря на то, что партия и общество имели на вооружении ленинскую концепцию построения социализма, работы Владимира Ильича послеоктябрьского периода, поиск пути шел очень непросто, в острой идейной борьбе, в обстановке политических дискуссий. В центре их оказались коренные проблемы развития общества, прежде всего — вопрос о возможности строительства социализма в нашей стране. Теоретическая мысль и практика искали: по каким направлениям и в каких формах осуществлять социально-экономические преобразования, как обеспечить их решение на социалистических началах в тех конкретных исторических условиях, в каких находился Советский Союз.

В повестку дня встала практическая, конструктивная работа, которая потребовала высочайшей ответственности. Прежде всего остро встал вопрос об индустриализации страны и реконструкции экономики, без чего немыслимо было социалистическое строительство, укрепление обороноспособности. Не шаткою из прежних указаний Ленина, из его теоретического наследия. В этой же плоскости и также в соответствии с ленинскими заветами встал вопрос о социалистических преобразованиях в деревне.

Таким образом, речь шла о крупнейших, поворотных делах, проблемах и задачах. И хотя партия, повторяю, располагала ленинскими установками по этим вопросам, вокруг них развернулись острые дискуссии.

Стоит, видимо, сказать о том, что и до, и после революции, в первые годы социалистического строительства, отнюдь не все руководители партии разделяли ленинские взгляды по ряду важнейших проблем. Кроме того, ленинские рекомендации не могли охватить все конкретные вопросы строительства нового общества. Анализируя идейные споры того времени, надо иметь в виду, что проведение гигантских революционных преобразований в той стране, какой была тогда Россия, — само по себе труднейшая задача. Страна находилась на историческом марше, резко ускорялось ее развитие, быстро и глубоко преображались все стороны общественной жизни.

Идейная борьба, отражавшая всю гамму интересов классов, социальных групп и прослоек, требований и задач времени, исторических традиций и давление неотложных задач, а также условия враждебного капиталистического окружения, — эта идейная борьба неразрывно сплеталась с событиями и процессами в экономике, политике, во всех сферах жизни людей.

Словом, разобраться в наследии ленинского вождя курс в столь непростой и бурной обстановке было архитрудно. Характер идейной борьбы в значительной мере осложнялся и личным соперничеством в руководстве партии. Старые разногласия, имевшие место еще при жизни Ленина, дали о себе знать и в новой обстановке, причем в очень острой форме. О возможности такой опасности, как известно, предупреждал Ленин. В «Письме к съезду» он подчеркивал, что «это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение». Так во многом и получилось.

Меняющуюся натура взяла верх у некоторых авторитетных деятелей. Они повели себя фракционно. Это лихорадило партийные организации, уводило от живого дела, мешало работать. Они продолжали провоцировать раскол даже тогда, когда подавляющему большинству в партии стало ясно, что их взгляды идут вразрез с ленинскими идеями и планами, что их предложения ошибочны и могут сбить страну с правильно взятого курса.

Это относится прежде всего к Л. Д. Троцкому, который после смерти Ленина проявил непомерные притязания на лидерство в партии, в полной мере подтвердив ленинскую оценку его как «чрезмерно самоуверенного, всегда являющего и жульничающего политика. Троцкий и троцкисты отрицали возможность построения социализма в условиях капиталистического окружения. Во внешней политике делали ставку на экспорт революции, а во внутренней — на «завинчивание гаек» по отношению к крестьянству, на эксплуатацию деревни городом, на перенесение в управление обществом административно-военных методов. Троцкизм — это политическое течение, идеологи которого, прикрываясь левой, псевдореволюционной фразой, по существу занимали капитулянтскую позицию. По сути дела, это была атака на ленинизм по всему фронту. Речь шла практически о судьбе социализма в нашей стране, о судьбе революции.

В этих условиях необходимо было всенародно развенчать троцкизм, показать его антисоциалистическую сущность. Ситуация осложнялась тем, что троцкисты выступили в блоке с «новой оппозицией» во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. Лидеры оппозиции, понимая, что они в меньшинстве, вновь и вновь навязывали партии дискуссию, рассчитывая на раскол партийных рядов. Но в конечном итоге партия высказалась за линию ЦК, против оппозиции, которая была идейно и организационно разгромлена. (Аплодисменты).

Таким образом, руководящее ядро партии, которое возглавляли И. В. Сталин, оставшийся ленинцем в идейной борьбе, сформулировало и стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства, получило одобрение политического курса со стороны большинства членов партии и трудящихся. Важную роль в идейном разгроме троцкизма сыграли Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак и другие. (Аплодисменты).

В самом конце 20-х годов острая борьба развернулась и по вопросу о путях перевода крестьянства на рельсы социализма. В ней по сути выявилось разное отношение большинства Политбюро и группы Бухарина к применению принципов нэпа на новом этапе развития советского общества.

Конкретные условия того времени — и внутренние, и международные — выдвинули как насущную задачу значительное повышение темпов социалистического строительства. Бухарин и его сторонники в своих расчетах, теоретических положениях практически недооценили значение фактора времени в строительстве социализма в 30-е годы. Их позиция во многом определялась догматическим мышлением, недиалектичностью оценки конкретной обстановки. И сам Бухарин, и его сторонники вскоре признали свои ошибки.

В этой связи уместно вспомнить характеристику Бухарина, которую дал ему Ленин: «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». Жизнь снова подтвердила ленинскую правоту.

Таким образом, политические дискуссии того времени отразили сложный процесс в развитии партии, характеризующийся острой борьбой по важнейшим проблемам социалистического строительства. В этой борьбе, через которую пришлось пройти, сложилась концепция индустриализации и коллективизации.

Под руководством партии, ее ЦК в сравнительно короткие сроки были созданы практически заново тяжелая индустрия, включая машиностроение, оборонную промышленность, современное по тем временам химическое производство, выполнен план ГОЭЛРО. Славными символами этих достижений стали Магнитка, Кузбасс, Днепрогэс, Уралмаш, Хибинский комбинат, автомобильные заводы в Москве и в Горьком, авиационные заводы, Сталинградский, Челябинский и Харьковский тракторные заводы, Ростсельмаш, Комсомольск-на-Амуре, Турксиб и Большой Ферганский канал, многие другие великие стройки первых пятилеток. В это время возникли десятки научно-исследовательских институтов, широкая сеть высших учебных заведений.

Партия предложила неведомый ранее путь индустриализации — не надеясь на внешние источники финансирования, не дожидаясь многолетних накоплений за счет развития легкой промышленности, сразу двинуть вперед тяжелую индустрию. Это был единственно возможный в тех условиях, хотя и немыслимо трудный для страны и народа путь. Это был новаторский шаг, в котором революционный порыв масс учитывался как составляющая экономического роста. Индустриализация одним рывком вывела страну на качественно новый уровень. К концу 30-х годов Советский Союз по выпуску промышленной продукции вышел на первое место в Европе и на второе место в мире, став поистине великой индустриальной державой. Это был трудовой подвиг всемирно-исторического значения, подвиг освобожденного труда, подвиг партии большевиков. (Аплодисменты).

И глядя на историю трезвыми глазами, учитывая всю совокупность внутренних и международных реальностей, нельзя не задаться вопросом: можно ли было в тех условиях избрать иной курс, чем тот, который был предложен партией? Если мы хотим остаться на позициях историзма, правды истины, ответ может быть один: нет, нельзя. (Аплодисменты). В тех условиях, когда зримо нарастало ощущение угрозы империалистической агрессии, в партии утвердилось убеждение в необходимости не пройти, а в кратчайшие исторические сроки буквально пробежать расстояние от кувалды и крестьянской сохи к развитой индустрии, без которой была бы неминуема гибель всего дела революции.

Жизненность выдвинутых партией планов, понятых и воспринятых массами, лозунгов и замыслов, в которых был воплощен революционный дух Октября, нашла свое выражение в том порывающем мир энтузиазме, с которым миллионы советских людей включились в строительство советской индустрии. В тяжелейших условиях, при отсутствии механизации, на полуголодном пайке люди творили чудеса. Их вдохновляло то, что они приобщались к великому историческому делу, что будучи достаточно грамотными, они классовым чутьем понимали, участниками какого грандиозного, невиданного дела они стали.

Наш долг и долг тех, кто пойдет за нами, помнить об этом подвиге наших дедов и отцов. Каждый должен знать, что их труд и бескорыстная самоотдача не были напрасными. Они преодолели все, что выпало на их долю, и внесли величайший вклад в утверждение завоеваний Октября, в создание тех основ нашей силы, которая позволила отстоять Родину от смертельной опасности, спасти Родину для будущих для нас, вами, товарищи. Слава им и добрая память! (Продолжительные аплодисменты).

Вместе с тем, период, о котором идет речь, принес и потери. Они находились в определенной связи с самими успехами, о которых я говорил. Тогда уверовали в универсальную эффективность жесткой централизации, в то, что командные методы — самый короткий, лучший путь к решению любых задач. Это сказывалось на отношении к людям, к их жизненным условиям.

Возникла административно-командная система партийно-государственного руководства страной, усиливался бюрократизм, об опасности которого предупреждал в свое время Ленин. Начали складываться и соответствующие структура управления и методы планирования. В промышленности при огромных ее объемах, когда буквально на виду были все основные объекты индустриального здания, такие методы, такая система управления в общем-то дали свои результаты. Однако столь же жесткая система централизации и командования была недопустима при решении задач преобразования деревни.

Надо откровенно сказать: на новом этапе не хватило по-ленински внимательного отношения к интересам трудового крестьянства. И главное — недооценили того факта, что крестьянство как класс коренным образом изменилось за годы после революции. Основной фигурой стал середняк. Он утвердился как хозяин, этот крестьянин-труженик, получивший землю от революции и за целое десятилетие убедившийся в том, что Советская власть — это и его власть. Он стал верным и надежным союзником рабочего класса, союзником на новой основе, убедился на практике, что его жизнь все более говорачивается к лучшему.

И если бы больше посчитались с объективными экономическими законами и было бы проявлено больше внимания к тем социальным процессам, которые происходили в деревне; если бы вообще отношение к этому огромному массиву трудового крестьянства, большинство которого участвовало в революции и защищало ее от белогвардейцы и интервентов, было политически более выверенным; если бы последовательно продолжалась линия на союз с середняком против кулака, то не было бы и тех перегибов, которые имели место при проведении коллективизации.

Сегодня ясно: в огромном деле, которое затрагивало судьбы большинства населения страны, было допущено отступление от ленинской политики по отношению к крестьянству в условиях классовый, острый и очень сложным социальным процессом, где очень многое зависело от местных условий, осуществлялось преимущественно административными методами. Возникла убежденность, что все проблемы можно решить одним махом в кратчайшие сроки. Целые области и регионы стали соревноваться, кто быстрее проведет полную коллективизацию. Сверху давались произвольные процентные разнарядки. Грубые нарушения принципов коллективизации приобрели повсеместный характер. Не обошлось без перегибов в проведении борьбы против кулачества. Сама по себе правильная линия на борьбу с кулачеством зачастую так широко трактовалась, что захватила и значительную часть середняков. Такова историческая реальность.

Но, товарищи, если в целом оценить значение коллективизации в укреплении позиций социализма в деревне, то она в конечном счете была поворотом принципиального значения. Коллективизация означала коренное изменение всего уклада жизни основной массы населения страны на социалистических основах. Она создала социальную базу для модернизации аграрного сектора и перевода его на рельсы культурного хозяйствования, позволила значительно повысить производительность труда, высвободила значительную часть рабочих рук, необходимых для других сфер социалистического строительства. Все это имело исторические последствия.

Для понимания ситуации тех лет следует иметь в виду, что административно-командная система, начавшая формироваться в ходе индустриализации и получившая новый импульс во время коллективизации, сказалась на всей общественно-политической жизни страны. Утвердившись в экономике, она распространилась и на надстройку, ограничивая развертывание демократического потенциала социализма, сдерживая прогресс социалистической демократии.

Но сказанное не вскрывает всей сложности того периода. Что здесь произошло? Оставалась фактически позади полоса наиболее серьезных для партии идейно-политических испытаний. Миллионы людей с энтузиазмом включились в работу по осуществлению социалистических преобразований. Стали появляться первые успехи. И в это же время методы, диктуемые периодом борьбы с враждебным сопротивлением эксплуататорских классов, механически переносятся на период мирного социалистического строительства, когда условия изменились кардинальным образом. В стране создается атмосфера нетерпимости, вражды, подозрительности. В дальнейшем такая политическая практика расширялась и обосновывалась ошибочной «теорией» обострения классовой борьбы в процессе строительства социализма.

Все это оказало пагубное воздействие на общественно-политическое развитие страны, обернулось тяжелыми последствиями. Совершенно очевидно, что именно отсутствие должного уровня демократизации советского общества сделало возможными и культ личности, и нарушения законности, произвол и репрессии 30-х годов. Прямо говоря — настоящие преступления на почве злоупотребления властью. Массовым репрессиям подверглись многие тысячи членов партии и беспартийных. Такова, товарищи, горькая правда. Был нанесен серьезный ущерб делу социализма и авторитету партии. И мы должны прямо сказать об этом. Это необходимо для окончательного и бесповоротного утверждения ленинского идеала социализма.

Сейчас много дискуссий о роли Сталина в нашей истории. Его личность крайне противоречива. Оставаясь на позициях исторической правды, мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм, защиту его завоеваний, так и грубые политические ошибки, просчеты, допущенные им и его окружением, за которые наш народ заплатил великую цену и которые имели тяжелые последствия для жизни нашего общества. Иногда утверждают, что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений.

Конечно, вопреки утверждениям наших идейных противников культ личности не был неизбежным. Он чужд природе социализма, представляет собой отступление от его основополагающих принципов и, таким образом, не имеет никакого оправдания. На XX и XXII съездах партия сурово осудила и сам культ Сталина, и его последствия. Мы знаем теперь, что политические обвинения и репрессии против ряда деятелей партии и государства, против многих коммунистов и беспартийных, хозяйственных и военных кадров, ученых и деятелей культуры были результатом преднамеренной фальсификации.

Многие обвинения в последующем — в особенности после XX съезда партии — были сняты. Тысячи безвинно пострадавших полностью реабилитированы.

Но процесс восстановления справедливости не был доведен до конца и фактически приостановлен в середине 60-х годов. Сейчас в соответствии с решениями октябрьского (1987 года) Пленума ЦК приходится вновь возвращаться к этому. Политбюро ЦК создало комиссию для всестороннего рассмотрения новых и уже известных ранее фактов и документов, относящихся к этим вопросам. По итогам работы комиссии будут приняты соответствующие решения.

Все это найдет отражение и в очерке истории КПСС, подготовка которого будет поручена специальной комиссии ЦК. Мы должны это сделать. Тем более, что и сейчас еще встречаемся с попытками отвернуться от больных вопросов нашей истории, замолчать их, сделать вид, будто ничего особенного на произошло. С этим мы не можем согласиться. Это было бы пренебрежением к исторической правде, неуважением к памяти тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и произвола. Не менее еще раз скажу, что правдивый анализ должен помочь нам решать сегодняшние наши проблемы: демократизации, законности, гласности, преодоления бюрократизма — словом, насущные проблемы перестройки. Вот почему нам нужны и здесь полная ясность, четкость и последовательность. (Аплодисменты). Чистое понимание как огромных наших достижений, так и прошлых бед, полная и верная политическая их оценка дадут настоящий нравственный ориентир на будущее. (Аплодисменты).

Подводя общий итог периоду 20-30-х годов после Ленина, можно сказать так: мы прошли трудный, полный противоречий и сложностей, но большой и героический путь. Ни грубейшие ошибки, ни допущенные отступления от принципов социализма не могли свернуть наш народ, нашу страну с того пути, на который она встала, сделав свои выбор в 1917 году. Слишком велик был импульс Октября! Слишком сильны были идеи социализма, овладевшие массами! Народ почувствовал себя участником великого дела, начал пользоваться плодами своего труда. Его патриотизм приобрел новое, социалистическое содержание. (Аплодисменты).

И это со всей силой проявилось в суровых испытаниях Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Сегодня на Западе активно обсуждается ситуация кануна войны. Правду перемешивают с полуправдой. Особенно рьяны те, кто недоволен итогами второй мировой войны — политическими, территориальными и социальными, кто продолжает прикидывать, как бы их подправить. Поэтому и заинтересованы в том, чтобы представить историческую правду с ног на голову, перетасовать причинно-следственные связи, сфальсифицировать хронологию. В этом контексте прибегают к любой лжи, чтобы взвалить на Советский Союз вину за вторую мировую войну, путь для которой был якобы открыт пактом Риббентропа—Молотова о ненападении. Вопрос заслуживает того, чтобы о нем сказать несколько подробнее.

В сущности, вторая мировая война стала трагической реальностью нитюдь не 1 сентября 1939 года. Захват Японией Северо-Восточного Китая («маньчжурский инцидент» 1931—1932 годов), нападение Италии на Эфиопию (1935 год) и Албанию (весна 1939 года), германо-итальянская интервенция против республиканской Испании (1936—1939 годы), вооруженное вторжение Японии в Северный, а затем в Центральный Китай (лето 1937 года) — вот они, начавшиеся пожары второй мировой войны.

Другой вопрос, что тогда на Западе еще делали вид, будто это их не касается или касается не настолько, чтобы встать на защиту жертв агрессии. Ненависть к социализму, долговременные расчеты, классовый эгоцентризм мешали трезво осмыслить реальные опасности. Больше того, фашизму настойчиво предлагалась миссия ударного отряда в крестовом антикоммунистическом походе. Вслед за Эфиопией и Китаем в топку «умиротворения» полетели Австрия, Чехословакия, меч завис над Польшей, всеми государствами Балтийского моря и Дунайского бассейна, в открытую велась пропаганда превратить Украину в пшеничное поле и сочный дюф «третьего рейха». В конечном счете основные потоки агрессии сконцентрировались против Советского Союза, в поскольку делить нашу страну приняли задолго до войны, то нетрудно представить себе, каким ограниченным был у нас выбор.

Говорят, что решение, которое приняла Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени. И в этих условиях вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского

ОКТЯБРЬ И ПЕРЕСТРОЙКА: РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле.

СССР сделал многое, чтобы создать систему коллективной безопасности и предотвратить всемирную бойню. Но советские инициативы не встретили отклика у западных политиков и политиканов, хладнокровно рассчитывавших, как бы половчее втянуть социализм в огонь войны, напрямую столкнуть его с фашизмом.

Отверженные уже по своему социалистическому рождению, мы ни при каких обстоятельствах не могли быть для империализма правыми. Как я уже говорил, западные правящие круги, пытаясь отмыть свои грехи, стараются убедить людей, что старт нападению нацистов на Польшу и тем самым второй мировой войне дал советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года. Как будто и не было ни Мюнхенского соглашения с Гитлером, подписанного Англией и Францией еще в 1938 году при активном содействии США, ни аншлюса Австрии, ни распятия Испанской Республики, ни оккупации нацистами Чехословакии и Клайпеды, ни заключения в 1938 году Лондоном и Парижем пактов о ненападении с Германией. Кстати, заключила подобный пакт и довоенная Польша. Все это, как видите, вполне укладывалось в структуру империалистической политики, считалось и считается в порядке вещей.

Из документов известно, что дата нападения Германии на Польшу («не позднее 1 сентября») была установлена еще 3 апреля 1939 года, то есть задолго до советско-германского пакта. В Лондоне, Париже, Вашингтоне знали в малейших деталях подготовку подготовки к польскому походу, как знали и о том, что единственной преградой, способной остановить гитлеровцев, могло быть заключение не позднее августа 1939 года англо-франко-советского военного союза. Знали об этих планах и руководство нашей страны, поэтому и убеждало Англию и Францию в необходимости коллективных мер. Оно призывало к сотрудничеству в целях пресечения агрессии и тогдашнее польское правительство.

Но у западных держав расчет был другой: помнить СССР обещанием союза и помешать тем самым заключению предложенного нам пакта о ненападении, лишить нас возможности лучше подготовиться к неизбежному нападению гитлеровской Германии на СССР. Мы не можем забыть и того, что в августе 1939 года Советский Союз стоял перед реальной угрозой войны на два фронта — на западе с Германией, а на востоке — с Японией, развязывшей кровопролитный конфликт у реки Халхин-Гол.

Но жизнь и смерть, презрев мифы, вышли на реальные орбиты. Открывалась новая глава — тяжелейшая и сложнейшая в новейшей истории. На том этапе, однако, нам удалось отсрочить схватку с врагом, таким врагом, который оставлял и себе, и противнику один выбор — победить или погибнуть.

Навязанная нам агрессия была беспощадным экзаменом на жизненность социалистического строя, на крепость многонационального Советского государства, на силу патриотического духа советских людей. И этот экзамен огнем и мечом был нами выдержан, товарищи! (Продолжительные аплодисменты).

Выдержан потому, что для нашего народа эта война стала Великой Отечественной, ибо в борьбе с таким врагом, как германский фашизм, народ стоял о жизни или смерти, о том, быть нам свободными или впасть в порабощение.

Выдержан потому, что война стала всенародной. На защиту Отчизны поднялись все: и старр, и млад, мужчины и женщины, все нации и народности великой страны. В свой первый бой вступило и поколение, рожденное Октябрем и воспитанное социалистическим строем. Невиданная стойкость и героизм на полях сражений, мужественная борьба партизан и подпольщиков за линией фронта, почти круглосуточный, неустанный труд в тылу — вот чем была для нас эта война.

Советские люди сражались и трудились, защищая Родину, социалистический строй, идеи и дело Октября. Когда в наш общий дом пришла огромная беда, советский народ не дрогнул, не согнулся — ни под ударами первых неудач и поражений, ни под тяжестью миллионов смертей, мук и страданий. С первого дня войны он твердо верил в грядущую Победу. В солдатской шинели и рабочей спецовке он сделал все, что было на пределах сверх предела человеческих сил, чтобы приблизить этот долгожданный день. И когда на 1418 день войны пришла Победа, весь спасенный мир вздохнул свободно, воздавая должное советскому народу-победителю, герою и труженику, его доблестной армии, прошедшей с боями тысячи километров, каждый из которых стоил многих жизней, немалой крови и пота. (Аплодисменты).

В Великую Отечественную войну во всю мощь проявился талант вышедших из глубин народа выдающихся полководцев— Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. М. Василевского, И. С. Конева, других прославленных маршалов, генералов и офицеров — тех, кто командовали фронтами и армиями, корпусами, дивизиями и полками, ротами и взводами. В достижении Победы сыграли свою роль огромная политическая воля, целеустремленность и настойчивость, умение организовать и дисциплинировать людей, проявленные в годы войны И. В. Сталиным. Но главную тяжесть войны вынес на себе простой советский солдат—плоть от плоти народа, великий труженик, мужественный, любящий свое Отечество. Великая ему честь и вечная слава! (Продолжительные аплодисменты).

Миллионы ветеранов Великой Отечественной и сегодня в строю, по-боевому участвуют в делах революционной перестройки, обновления общества. Им — наша сыновняя благодарность! (Аплодисменты).

Душою всех ратных и трудовых дел была наша ленинская партия. На фронте, в окопах коммунисты первыми поднимались в атаку, своим примером увлекая за собой других; в тылу последними уходили от станков, с полей и ферм. Советские люди, как никогда, почувствовали, что ВКП(б) — это их родная партия, а коммунисты на деле показывают, что значит быть авангардом народа, когда бушует пламя войны, когда вопрос стоит о жизни или смерти.

Можно с уверенностью сказать: годы Великой Отечественной войны — одна из самых славных и героических страниц в жизни самой партии, написанных мужеством и отвагой, величайшей самоотдачей и самопожертвованием миллионов коммунистов. (Аплодисменты). Война показала, что советский народ, партия, социализм и Октябрь нерушимы и нет в мире сил, которые могли бы сокрушить это единство.

Социализм не только устоял и не просто одержал победу. Он вышел из самой страшной, разрушительной из войн окрепшим морально, политически, укрепил свой авторитет и влияние во всем мире.

По окончании войны недруги предвещали нам экономический упадок, выпадение нашей страны надолго из мировой политики, считали, что нам за полстолетия, а то и более лет не справиться с последствиями войны. Но советский народ в кратчайшие сроки восстановил разрушенные города и села, поднял из руин заводы и фабрики, колхозы и совхозы, школы и вузы, культурные учреждения.

И вновь проявила себя великая сила социалистического государства: воля партии, движимая пониманием высших интересов Родины Октября; стойкость и пролетарская мудрость рабочих, взявших на свои плечи главную тяжесть мирного преобразования индустриальной мощи страны и восстановления порушенного; самоотверженность, терпение и патриотизм крестьянства, отдававшего последнее, чтобы прокормить разоренную страну. И дружба народов, их взаимопомощь, готовность сообща, по-братски помочь тому, кто особенно пострадал, подняться тем районам общей Родины, по которым особенно тяжелым катком беспощадно прошла война.

В героизме трудовых будней нелегких послевоенных лет — источник наших достижений, экономического и научно-технического прогресса, освоения атомной энергии, первых стартов космических кораблей, роста материального и культурного благосостояния народа.

Но в то же время — время нового народного подвига во имя социализма — все более ощутимо давало о себе знать противоречие между тем, каким стало наше общество, и прежними методами руководства. Продолжались злоупотребления властью, нарушения социалистической законности. Были сбалансированы «ленинградское дело», «дело врачей». И не только это. Люди самозабвенно работали, учились, рвались к новым знаниям, мирились с трудностями и нехватками, но чувствовали, что в обществе накапливается и тревога, и надежда. И все это захватило общественное сознание вскоре после смерти Сталина.

В середине 50-х годов, особенно после XX съезда КПСС, над страной пронесся ветер перемен, народ воспрянул, ожил, стал смелее и увереннее. Немало мужества от партии и ее руководства во главе с Н. С. Хрущевым потребовали критика культа личности и его последствий, восстановление социалистической законности. Стали рушиться прежние стереотипы во внутренней и внешней политике. Были сделаны попытки сломать утвердившееся в 30—40-х годах командно-бюрократические методы управления, придать социализму больше динамизма, подчеркнуть гуманистические идеалы и ценности, возродить творческий дух ленинизма в теории и практике.

Стремлением изменить приоритеты экономического развития, ввести в действие стимулы, связанные с личной заинтересованностью в результатах труда, были проникнуты решения сентябрьского (1953 года) и июльского (1955 года) Пленумов ЦК КПСС. Больше внимания стало уделяться развитию сельского хозяйства, жилищному строительству, легкой промышленности, сфере потребления, всему тому, что связано с удовлетворением потребностей человека.

Словом, происходили изменения к лучшему — и в советском обществе, и в международных отношениях. Однако было совершенно немало субъективных ошибок, которые осложнили выход социализма на новый этап, а во многом и скомпрометировали прогрессивные начинания. Дело в том, что качественно новые задачи внутренней и внешней политики, партийного строительства решались нередко волюнтаристскими методами, с помощью старого политического и экономического механизма. Но главные причины неудач реформ, предпринимавшихся в тот период, заключались в том, что они не опирались на широкое развертывание процессов демократизации.

На октябрьском (1964 года) Пленуме ЦК КПСС произошла смена руководства партии и страны, приняты решения, направленные на преодоление волюнтаристских тенденций и перекосов во внутренней и внешней политике. Партия стремилась добиться известной стабилизации в политике, придать ей реалистические черты и основательность.

Мартовский и сентябрьский (1965 года) Пленумы ЦК КПСС выдвинули новые подходы в руководстве экономикой. Были разработаны и стали проводиться в жизнь хозяйственная реформа, крупные программы по освоению новых районов, развитию производительных сил. Это к лучшему изменило в первые годы ситуацию в стране. Рос экономический и научный потенциал, укреплялась обороноспособность, повышался уровень благосостояния людей. Были осуществлены многие внешнеполитические акции, упрощавшие международный авторитет нашего государства. Обеспечен военно-стратегический паритет с США.

Страна располагала большими возможностями для дальнейшего ускорения своего развития. Но для того, чтобы использовать эти возможности, привести их в действие, нужны были новые кардинальные перемены в обществе и, прежде, соответствующая политическая воля. Ни того, ни другого не хватило. И даже многое из того, что было решено, осталось на бумаге, повисло в воздухе. Темпы нашего развития серьезно замедлились.

На апрельском (1985 года) Пленуме ЦК, XXVII съезде партия откровенно назвала причины сложившейся ситуации, обнажила механизм торможения нашего развития и дала ему принципиальную оценку.

Было подчеркнуто, что в последние годы жизни и деятельности Л. И. Брежнева поиск путей дальнейшего продвижения вперед во многом сдерживала приверженность прежним формулам и схемам, не отражавшим новых реальностей. Усилился разрыв между словом и делом. Нарастали негативные процессы в экономике, создавшие по существу предкризисную ситуацию. Возникли многие аномальные явления в социальной и духовно-нравственной сфере, которые искажали, деформировали принципы социальной справедливости, подрывали в народе веру в нее, порождали социальное отчуждение и вморализм в разных его формах. Растущее расхождение между высокими принципами социализма и повседневной реальностью жизни стало неотвратимым.

Здоровые силы в партии и в обществе в целом все острее ощущали настоятельную потребность и необходимость преодолеть негативные явления, переломить течение событий, обеспечить ускорение социально-экономического развития страны, добиться нравственного очищения и обновления социализма.

Ответом на эту острейшую общественную потребность и явились выдвинутые апрельским (1985 года) Пленумом ЦК концепция и стратегия ускорения социально-экономического развития страны, курс на обновление социализма, которые получили теоретическое и политическое развитие в решениях XXVII съезда, последующих Пленумов ЦК и оформились в генеральную линию революционной перестройки всех сторон жизни социалистического общества.

Идея перестройки опирается на нашу 70-летнюю историю, на прочный фундамент построенного в Советской стране принципиально нового социального здания, соединяет преемственность и новаторство, исторический опыт большевизма с современностью социализма. Нам предстоит продолжить и приумножить дело первопроходцев революции и социализма. И мы непременно добьемся этого своим трудом, творчеством, используя опыт поколений, прокладывавших дорогу Октября до нас и для нас! (Аплодисменты).

Товарищи! Мы идем революционным путем, а это дорога не для слабых и робких: это — дорога для сильных и смелых. Таким всегда был советский народ — и в годы величайших социальных преобразований, и в годы военных испытаний, и в годы мирного созидательного труда. Именно народ творит свою историю, свою судьбу — всегда непростую, но неповторимую и бесценную, как сама жизнь человеческая. И это сто крат верно, когда речь идет об истории социализма, о продолжении дела Великой Революции.

Цементирующей и авангардной силой народа был и остается рабочий класс. Еще в заре революционного движения он следовал ленинскому призыву: «бороться за свободу, *ни на минуту* не оставляя мысли о социализме и работы над его осуществлением, подготовки сил и организации для завоевания социализма». Именно рабочий класс в союзе со всеми трудящимися совершил Великую Октябрьскую революцию, построил социализм, отстоял его в тяжелейших схватках с врагом. Все перенес, все испытал и все выдержал! Он и сегодня — в авангарде развивающегося социализма, революционной перестройки. Слава ему и великая честь! (Продолжительные аплодисменты).

Наша ленинская партия возникла и развивалась как боевой, активный отряд рабочего класса. От него она впитала могучую силу уверенности, твердости, дисциплинированности, стойкости в борьбе за идеалы социализма, мудрое и гуманное понимание жизни. И теперь, будучи партией всего народа, она сохраняет эти лучшие черты атакующего и созидающего класса. Сегодня и на всех этапах истории социализма! (Аплодисменты).

Главный определяющий смысл нашей истории заключается в том, что все семьдесят лет наш народ жил и трудился под руководством партии во имя социализма, во имя лучшей и справедливой жизни. Это — судьба народа-творца, народа-созидателя! (Аплодисменты).

II. Развивающийся социализм и перестройка

Товарищи! К выводу о необходимости перестройки нас привели жгучие и неотложные потребности. Но чем глубже мы вникали в наши проблемы, постигали их смысл, тем яснее становилось, что перестройка имеет и более широкий общественно-политический и исторический контекст.

Перестройка — не только избавление от застойности и консерватизма предшествующего периода, исправление допущенных ошибок, но и преодоление исторически ограниченных, изживших себя черт общественной организации и методов работы. Это придание социализму самых современных форм, соответствующих условиям и потребностям научно-технической революции, интеллектуальному прогрессу советского общества. Это сравнительно длительный процесс революционного обновления общества, имеющий свою логику и этапы.

Историческую задачу социализма Ленин видел в том, чтобы работой долгого ряда лет подготовить переход к коммунизму. Вождь революции высоко ценил умение Маркса и Энгельса «с чрезвычайной тщательностью... анализировать именно переходные формы, чтобы учесть, в зависимости от конкретно-исторических особенностей каждого отдельного случая, переходом *от чего к чему* данная переходная форма является». Словом, наши учителя многократно предупреждали, что путь строительства нового общества — это длинный ряд переходов.

Мы имеем все основания взглянуть на перестройку как на определенный исторический этап в поступательном прогрессе нашего общества. И отвечая на ленинский вопрос «от чего к чему» мы переходим, надо сказать совершенно определенно: нам необходимо придать социализму новое качество, как говорят, второе дыхание, а для этого осуществить глубокое обновление всех сторон жизни общества — как материальной, так и духовной, наиболее полно раскрыть гуманистический характер нашего строя.

Цель перестройки — теоретически и практически полностью воплотить ленинскую концепцию социализма, в которой непререкаемый приоритет — за человеком труда с его идеалами, интересами, за гуманистическими ценностями в экономике, социальных и политических отношениях, культуре.

Наша надежда на революционное очищение и возрождение заключается в том, чтобы раскрыть огромные социальные ресурсы социализма посредством активизации личности, человеческого фактора. В результате перестройки социализм может и должен в полной мере реализовать свои возможности как строй реального гуманизма, служащий человеку и возвышающий его. Это общество для людей — для расцвета их творческого труда, благополучия, здоровья, физического и духовного развития, общество, где человек чувствует себя полноправным хозяином и на деле является им.

Две ключевые проблемы развития общества определяют судьбу перестройки. Это демократизация всей общественной жизни и радикальная экономическая реформа.

Продолжая дело Октября, перестройка выдвинула как первейшую задачу — дальнейшее углубление и развитие социалистической демократии. Демократизация общества — душа перестройки, и от того, как она пойдет, зависит и успех самой перестройки, и, можно без преувеличения сказать, будущее социализма в целом. Это самая прочная гарантия преобразований в политике и экономике, исключающая любое движение вспять.

Преобразования, которые происходят в стране сейчас, — пожалуй, крупнейший после Октября шаг по пути развития социалистического демократизма.

Перестраивая нашу экономическую и политическую систему, мы обязаны создать, во-первых, надежный и гибкий механизм реального вовлечения всех трудящихся в решение государственных и общественных дел. Во-вторых, на практике изучить людей жить в условиях углубляющейся демократии, расширять и укреплять права человека, взращивать современную политическую культуру масс. Иными словами — учить и учиться демократии.

Отмечая 70-летие нашей революции, задумываясь над будущим, мы должны пристальней всмотреться, как идет процесс демократизации общества, что ему мешает. Трудности и противоречия здесь немалые и порой неожиданные, не обходится без борьбы нового, передового со старым, отжившим. Есть определенная неуверенность и нерешительность.

В первые дни после Октября Ленин отмечал, что рабочие «в крестьяне еще верят», еще недостаточно решительны, еще не освоились с тем, что именно они должны взять в свои руки все рычаги управления. «Но в том-то и сила, в том-то и жизненность, в том-то и непобедимость Октябрьской революции 1917 года, — писал Ленин, — что она *будит* эти качества, ломает все старые перепонки, рвет обветшавшие путы, выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества новой жизни».

И сейчас мы видим, как трудно люди осваиваются с новой обстановкой, с возможностью и необходимостью жить и решать все вопросы демократическими методами. Многие пока «робеют», действуют с оглядкой, боятся ответственности, находятся еще в плену устаревших правил и инструкций. Задача состоит в том, чтобы прививать людям вкус к самостоятельности и ответственности в подходе к производственным и общественным делам, любого масштаба, развивать самоуправление как власть народа, осуществляемую самим народом и в интересах народа.

Развитие самоуправления будет идти прежде всего через Советы, которые должны, согласно замыслам партии, полностью оправдывать свою роль полномочных и решающих органов. В последнее время права и возможности Советов на всех уровнях существенно расширены. Этот процесс будет и дальше продолжаться — значит Советы будут набирать силу, будет углубляться советская демократия.

Мы начали совершенствовать избирательную систему. Выборы, проведенные в июне нынешнего года, убедили нас в активности и плодотворности новых подходов. Они показали возросшую политическую активность народа, заинтересованность людей в том, чтобы в Советы избирались действительно лучшие представители трудящихся, хотя и на этот раз не обошлось без формализма и заорганизованности.

Перестройка, развитие демократии позволяют на полную мощь включить энергию, возможности и права профсоюзов, комсомола, других общественных организаций, в том числе и возникших в последние годы. Сейчас в рассекречивании акция ветеранов войны и труда, женсоветы, Советский фонд культуры, Детский фонд имени В. И. Ленина. Важно, чтобы их повседневная деятельность была связана с решением жизненно важных задач, отражала интересы широких масс трудящихся.

Много нового, обнадеживающего появилось в трудовых коллективах, в работе по месту жительства. Открывается широкий простор полезной инициативе, для того чтобы оперативно, без волокиты решались все насущные вопросы.

Развернувшиеся в стране новые процессы пока могут ставить и вопросы общей, политической и правовой культуры, в бы сказал, культуры социалистического демократизма. Именно с недостатком этой культуры во многом связаны такие пороки, как бюрократизм и злоупотребления властью, чинопочитание, бесхозяйственность и безответственность. Подлинная культура социалистической демократии не приемлет ни командный, «начальнический» стиль, ни организационную расплывчатость, подмену дела пустопорожними разговорами. И то, и другое чуждо социализму. Не подлежит сомнению и другое — чем шире и глубже демократия, тем больше внимания требуют к себе социалистическая законность и правопорядок, тем больше нужны нам организованность и сознательная дисциплина.

Культура демократии не может ограничиваться сферой политики. Она должна пронизывать все сферы человеческих отношений. Мы исходим из того, что социализм — это общество нарастающего многообразия в суждениях, взаимоотношениях, деятельности людей. У каждого человека свой социальный опыт, свои уровень знаний, образованности, свои особенности восприятия происходящего. Отсюда огромный диапазон мнений, убеждений, оценок, которые, естественно, требуют внимательного учета, сопоставления. Мы за разнообразие общественного мнения, богатство духовной жизни. Нам не надо бояться открыто ставить и решать трудные проблемы общественного развития, критиковать и спорить. В таких условиях как раз и рождается истина, формируются правильные решения. Социалистическая демократия должна всецело служить социализму, интересам людей труда. (Аплодисменты).

Товарищи! Прочная основа для ускоренного продвижения вперед на всех направлениях может быть создана лишь на базе коренных перемен в экономике. Да и сама перестройка набирает полную силу только тогда, когда она глубоко всхолыхнет народное хозяйство. А это в свою очередь упирается в глубокие преобразования хозяйственного механизма, всей системы управления экономикой.

Цель начатой в стране радикальной экономической реформы — в ближайшие два-три года обеспечить переход от чрезмерно централизованной, командной системы управления к демократической, основанной преимущественно на экономических методах, на оптимальном сочетании централизма и самоуправления. Она предполагает резкое расширение самостоятельности объединений и предприятий, перевод их на полный хозрасчет и самофинансирование, наделение трудовых коллективов всеми необходимыми для этого правами.

Экономическая реформа — это уже не только планы и намерения и тем более не абстрактные теоретические рассуждения. Она прочно и глубоко входит в жизнь. Сегодня значительное число объединений и предприятий промышленности, строительства, транспорта, сельского хозяйства работают на началах самофинансирования и самоокупаемости. С начала будущего года на этих условиях будут работать предприятия, выпускающие 60 процентов промышленной продукции. Вступит в силу Закон о государственном предприятии (объединении).

Все это уже сказывается на практике хозяйствования. В коллективах заметно возрастает интерес к финансово-экономическим результатам работы. Начинают по-настоящему считать затраты и результаты, экономить в большом и малом, находить наиболее эффективное решение проблем. Сегодня еще раз мы должны твердо сказать — никаких отступлений от принятых принципов экономической реформы партия не допустит. Все намеченные преобразования должны быть и будут полностью осуществлены.

Экономическая реформа и перестройка в целом активно выдвигают на первое место человека. Социальная справедливость требует, чтобы мы больше уделяли внимания проявлению индивидуальных способностей личности, отмечали морально и материально тех, кто лучше и больше работает, показывая пример другим.

Истинные таланты, яркие личности — это бесценное богатство общества, и о них надо заботиться, создавать все необходимые условия для творчества и жизни. Мы хотим, чтобы всюду уважали достоинство, знания, труд и способности каждого. Чтобы честный, работящий, творческий человек был уверен, что его труд будет должным образом оценен, что он может всегда доказать свою правоту и найти поддержку, а бездельника, хапугу, бюрократа и хама осадят, выведут на чистую воду. Те положительные перемены, которые тут происходят у нас, — а они широко освещаются в средствах массовой информации, — горячо поддерживаются трудящимися.

Сегодня особенно нетерпимо недобросовестное отношение к делу. Человек, вооруженный современными знаниями и техникой, производит все больше продукции, а его труд все теснее зависит от деятельности тысяч других участников общественного производства. В таких условиях небрежность даже одного рабочего, инженера, ученого может обернуться чрезвычайно серьезными последствиями, чревата огромными потерями для общества.

Особо хотелось бы подчеркнуть возрастающую значимость интеллектуального труда, взаимодействия науки, техники и общества, гуманности, нравственно-этической направленности науки и научно-технического прогресса. Мы за то, чтобы все достижения науки и техники были поставлены на службу человеку, не вели к нарушениям экологической среды. Мы извлекаем суровые уроки из такого трагического события, как авария на Чернобыльской АЭС. Мы за то, чтобы покончить с использованием науки в военных целях. Повышать социальную ответственность и профессиональную компетентность, творческую отдачу — таков сегодня долг инженеров и ученых, врачей и учителей, деятелей литературы и искусства. (Аплодисменты).

Восстанавливая в правах материально заинтересованность работников, усиливая при этом внимание к коллективным ее формам, мы не должны допускать недооценки стимулов социально-культурных и нравственно-психологических. Они необычайно важны для нормального развития отношений коллективизма, товарищества, социалистического образа жизни, для утверждения наших, советских ценностей в сознании и поведении людей.

Товарищи! Мы справедливо говорим, что национальный вопрос у нас решен. Революция проложила путь не только юридическому, но и социально-экономическому равноправию наций, сделав необычайно много для выравнивания экономического, социального и культурного развития всех республик и регионов, всех народов. Одним из величайших завоеваний Октября является дружба советских народов. Она сама по себе — уникальное явление в мировой истории. Для нас же — одна из главных опор могущества и прочности Советского государства. (Аплодисменты).

Отмечая сегодня выдающиеся достижения ленинской национальной политики, народы нашей страны отдают дань глубокого уважения и признательности великому русскому народу за его бескорыстие, подлинный интернационализм, неоценимый вклад в создание, развитие и укрепление социалистического Союза свободных и равноправных республик, в экономический, социальный и культурный прогресс всех народов Советской страны. (Аплодисменты).

Будем же беречь, товарищи, наше великое общее достояние — дружбу народов СССР. (Аплодисменты). И поэтому никогда не будем забывать о том, что мы живем в многонациональном государстве, где любые социально-экономические, культурные, правовые решения прямо и непосредственно всегда затрагивают и национальный вопрос. Будем действовать по-ленински: максимально развивать потенциал каждой нации, каждого из советских народов. (Аплодисменты).

Национальные отношения в нашей стране — это живой вопрос живой жизни. Мы должны быть предельно внимательными и тактичными во всем, что касается национальных интересов или национальных чувств людей, обеспечивать самое активное участие трудящихся всех наций и народностей в решении многообразных задач жизни нашего многонационального общества. Мы намерены более глубоко проанализировать и обсудить эти вопросы в ближайшем будущем с учетом того, что вносит в жизнь страны перестройка, демократизация, новый этап ее развития.

Дружба и сотрудничество народов СССР для нас — святое дело. Так было и так будет. Это соответствует духу ленинизма, традициям Великого Октября, коренным интересам всех наций и народностей, населяющих нашу Родину. (Продолжительные аплодисменты).

Товарищи! Переход советского общества в качественно новое состояние, прорыв в будущее может быть совершен лишь на широком фронте, включающем в себя и духовную сферу социализма — науку и образование, литературу и искусство, всю совокупность социальных и нравственных ценностей советского народа. Духовная культура — не только украшение общества, в сфере его жизнеобеспечения, интеллектуальной и культурной потенциал общества. Это как бы легирующий материал для его социальной прочности и катализатор для его динамичности.

Мы должны еще выше поднять авторитет социалистической культуры. Ученые и изобретатели, писатели и журналисты, художники, артисты, учителя — все работники разных сфер культуры и образования призваны быть поборниками перестройки. Партия рассчитывает на активную гражданскую и социальную позицию нашей интеллигенции. (Аплодисменты).

Советский народ стал просвещенным народом, о чем могли лишь мечтать великие просветители прошлого. Но самоуспокоенность и здесь непозволительна. Наши достижения не должны заслонять огромность и ответственность задач, которые предстоит решать сегодня. Мы видим, что система образования во многом перестала удовлетворять современным потребностям. Качество обучения в школах и вузах, подготовка рабочих и специалистов далеко не полностью отвечают требованиям жизни.

Необходимо сделать серьезный рывок вперед, добиться и в этой сфере коренных перемен. Именно так партия подходит к реформе среднего и профессионального образования, к перестройке высшей школы. Центральный Комитет КПСС решил рассмотреть назревшие вопросы образования на одном из своих пленумов.

Таковы, товарищи, наши стратегические задачи, которые мы должны решить в ходе революционной перестройки всех сторон жизни социалистического общества.

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС прошло два с половиной года. Что нам удалось сделать? На каком рубеже мы находимся? Полагаю, такие вопросы и уместны, и неизбежны на сегодняшнем Торжественном заседании.

Общий вывод на сей счет только что завершившегося Пленума ЦК КПСС такова: мы переживаем переломный момент. В основном завершен первый этап работы по перестройке. На основе глубокого анализа положения и перспектив развития страны выработана концепция перестройки. В стране создана новая политическая, нравственно-психологическая обстановка. Партии удалось поднять заинтересованность людей в общественных делах, их активность, повысить уровень требовательности, критики и самокритики, гласности, создать предпосылки для реальных перемен в мышлении и настроениях людей.

Главное, что определяет позицию большинства советских людей на этом этапе,— поддержка перестройки, требование того, чтобы она непрерывно продвигалась вперед. Рабочие, колхозники, интеллигенция с пониманием относятся к необходимости подлинной дисциплины, эффективность, качество труда. На заводах и стройках, в колхозах и совхозах, научно-исследовательских организациях идет напряженный поиск новых форм организации и оплаты труда. Люди сейчас становятся более требовательными и к себе, и к руководителям, специалистам, решительно выступают против бесхозяйственности и безответственности. Эту гражданскую позицию трудящихся мы высоко ценим, рассматриваем ее как неотъемлемую и весомую поддержку курса партии на перестройку.

Есть основания говорить и о некоторых положительных сдвигах в практических делах, прежде всего в социально-экономической сфере. Возросли темпы роста производства. Наметились качественные изменения в экономике, реализуются крупнейшие научно-технические программы, модернизируется отечественное машиностроение. Стало устойчивее развиваться сельское хозяйство, особенно животноводство.

Все вы знаете, товарищи, какие неблагоприятные погодные условия сложились в этом году в большинстве районов страны. И тем не менее нам удалось собрать урожай зерна более чем 210 миллионов тонн. Это — результат огромных усилий нашего народа, партии, поднявшей его на работу по-новому! (Аплодисменты).

Начавшееся оздоровление экономики позволило приступить к реализации крупных мер в социальной сфере. Заметно возросли масштабы жилищного строительства, расширяется сфера услуг. Растут

● ОКОНЧАНИЕ НА 4—5-я СТР.

ОКТЯБРЬ И ПЕРЕСТРОЙКА: РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1—3-Я СТР.

доходы трудящихся. Повышена заработная плата учителям и врачам. Реализуются крупные программы в области образования и медицинского обслуживания населения.

И все же это только начало. Сейчас мы можем говорить о вступлении в новый этап перестройки, когда вся наша политика, все наши решения трансформируются в конкретные дела, воплощаются в жизнь. Это требует огромных усилий всего народа — рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, всех наших кадров. Теперь уже сама жизнь будет проверять наши идеи, планы, подходы и методы работы.

Во всем сегодня чувствуется нарастающая напряженность жизни. Но это напряженность созидания, активного труда, политической и интеллектуальной деятельности. Хорошее напряжение, товарищи, мобилизующее!

Хотелось бы подчеркнуть, что с этой точки зрения наиболее сложными, решающими, в известном смысле критическими будут предстоящие дни, может быть, три года. Прежде всего потому, что надо будет одновременно решать крупномасштабные задачи и в экономике, и в социальной сфере, и в перестройке государственного и общественного управления, и в идеологии и культуре.

В экономике необходимо осуществить глубокие структурные сдвиги, добиться перелома в ускорении научно-технического прогресса, перейти в основном перестройку хозяйственного механизма и сделать, таким образом, решающий шаг в переводе народного хозяйства на рельсы интенсификации.

Сложность предстоящего периода и в том, что преобразования будут затрагивать интересы все большей массы людей, социальных групп и слоев населения, всех кадров. Мы уверены, что обстановку в стране будут и впредь определять широкая поддержка трудящимися перестройки, глубокое понимание необходимости перемен, энергичного продолжения перестройки, несмотря на известные трудности на этом пути.

Но было бы непростительно не видеть определенного усиления сопротивления консервативных сил, усматривающих в перестройке угрозу своим корыстным интересам и целям. И это проявляется не только в тех или иных звеньях управления, но и в трудовых коллективах. Вряд ли можно сомневаться и в том, что силы консерватизма не преминут воспользоваться любыми трудностями, чтобы попытаться дискредитировать перестройку, вызвать недовольство трудящихся. Кое-кто уже сегодня предпочитает вести счет промахам, вместо того, чтобы засучив рукава бороться с недостатками, искать новые решения. При этом, разумеется, никто не говорит, что он против перестройки. Нет, скорее он выступает борцом с ее издержками, радетелем идейных устоев, которые будто бы могут быть поколеблены растущей активностью масс.

Но сколько же можно, товарищи, пугать нас всякими издержками! Конечно, издержки неизбежны в любом деле, тем более в новом. Но последствия топтания на месте, застоя и равнодушия куда значительнее и дороже, чем издержки, которые на какое-то время возникают в процессе творческого создания новых форм общественной жизни.

Надо учиться распознавать, выводить на чистую воду, нейтрализовать маневры противников перестройки — тех, кто тормозит дело, вставляет палки в колеса, злорадствует по поводу трудностей и неудач, кто пытается тянуть нас в прошлое. Мы не должны поддаваться нажиму и со стороны не в меру ретивых и нетерпеливых тех, кто не желает считаться с объективной логикой перестройки, выражает недовольство медленными, как они считают, темпами преобразований, тем, что они якобы не приносят быстро необходимых плодов. Должно быть ясно — нельзя перескакивать через этапы и пытаться все сделать одним махом.

Перестройка продолжает дело революции. И сегодня крайне необходимо умение в совершенстве владеть оружием революционной выдержки. Эта выдержка не в том, чтобы сидеть на месте или плыть по течению. Она — в способности реалистически оценивать обстановку, не пасовать перед трудностями, не паниковать, не терять голову ни от успехов, ни от неудач, — в способности упорственно и целенаправленно трудиться каждый день, каждый час, везде и во всем находить, проводить оптимальные решения, которые диктует сама жизнь. (Аплодисменты).

Отсюда — необходимость уверенной, настойчивой, целеустремленной работы по осуществлению того, что мы наметили, по реализации поставленных целей и задач. Вскрывать, анализировать противоречия, понимать их природу и на этой основе выстраивать систему политических, экономических, социальных, организационных и идеологических мер — таким должен быть наш подход, и не иначе! (Аплодисменты)

Товарищи! Успех перестройки зависит прежде всего от энергии, целеустремленности, силы примера партии, каждого коммуниста. В этот исторически ответственный момент социально-экономических преобразований Коммунистическая партия смело и решительно повела борьбу за обновление общества, взяла на свои плечи самое трудное бремя работы. И мы можем с уверенностью сказать, что великое дело Октября — дело революционной перестройки — находится в твердых руках. Коммунисты исполнят свой долг с высокой ответственностью перед народом и временем. (Продолжительные аплодисменты).

Коренное улучшение деятельности партийных организаций, партийных органов и кадров становится главной задачей сегодняшнего дня. Нужно добиться перелома в деятельности каждой партийной организации, активизировать работу каждого партийного комитета, каждого коммуниста. Там, где это уже удалось сделать, где партийные руководители, коммунисты разбудили инициативу и самодеятельность масс, смело встали на путь демократизации и гласности, внедрения хозрасчета, коллективного подряда, дали простор новым формам организации и стимулирования труда, удовлетворения потребностей людей, — дело пошло вперед и пошло решительно. Но мы видим — в ряде городов, районов и областей и даже в некоторых республиках перестройка по-настоящему еще не развернулась. И это — прямой результат политической и организационной вялости, безынициативности партийных комитетов и их руководителей. Это тоже надо видеть. Это тоже наши реальности.

Особая ответственность за улучшение дел ложится на первичные партийные организации. К ним по существу сходятся все нити перестройки. Именно от инициативы первичных партийных организаций прежде всего зависит ход преобразований, умение мобилизовать и вдохновить людей, умение добиться конкретного улучшения в работе. В общем, товарищи, без резкой активизации жизни всех партийных организаций нам перестройки не свершить. Поэтому — больше деловитости, больше демократизма, больше организованности и дисциплины. И тогда мы сумеем вывести на полный ход перестройку, придать новые импульсы развивающемуся социализму. (Аплодисменты).

всеобъемлющей системы международной безопасности в условиях разоружения. Теперь надо доказать необходимость и реальность идти и прийти к этой цели. Выявить закономерности взаимодействия сил, которые в борьбе, в противоречиях, в столкновениях интересов могут дать искомый результат. И в этой связи мы прежде всего — опять же с позиций нашего ленинского учения, пользуясь его методологией, — должны задать себе трудные вопросы.

Первый относится к природе империализма. В ней, как известно, коренится главная военная опасность. Природа общественного строя, конечно, не может быть изменена под влиянием внешних условий. Но возможно ли в нынешней фазе мирового развития, на новом уровне взаимозависимости и целостности мира такое воздействие на эту природу, которое блокировало бы наиболее опасные ее проявления? Иначе говоря, можно ли рассчитывать на то, что закономерности развития мира, в котором общечеловеческие ценности являются главным приоритетом, смогут ограничить диапазон разрушительного действия агоцентрических, узноклассовых закономерностей капиталистической системы?

Второй вопрос. Он связан с первым: в состоянии ли капитализм освободиться от милитаризма, может ли он экономически функционировать и развиваться без него? И не утопично ли наше приглашение странам Запада подготовить и сопоставить программы реконверсии экономики, то есть перевода ее на мирные рельсы?

Третий вопрос. Может ли обойтись капиталистическая система без неоколониализма, который является одним из источников ее нынешнего жизнеобеспечения? Иначе говоря, в состоянии ли эта система функционировать без неэквивалентного обмена с «третьим миром», чреватого непредсказуемыми последствиями?

И рядом с этими еще один вопрос. Насколько реалистична надежда на то, что понимание катастрофической опасности, в которой находится мир, — а оно, мы знаем, проникает даже в верхние эшелоны правящей элиты западного мира — перейдет в практическую политику? Ведь как ни сильны аргументы разума, как ни развито чувство ответственности, как бы ни был велик инстинкт самосохранения — есть вещи, которые никак нельзя недооценивать и которые определяются экономическими, а следовательно, и классовым интересом.

Иными словами, речь идет о том, сможет ли капитализм адаптироваться к условиям безъядерного и разоруженного мира, условиям нового, справедливого экономического порядка, условиям честного сопоставления духовных ценностей двух миров? Это далеко не праздные вопросы. От ответа на них зависит, как будут развертываться исторические события в ближайшие десятилетия.

Но достаточно поставить хотя бы один эти вопросы, чтобы увидеть всю серьезность задачи. Ответы дает жизнь. Правильность же самой программы безъядерного и безопасного мира будет проверяться не только безукоризненностью ее научного обоснования. Она будет проверяться ходом событий, который подвержен воздействию самых разных и новых сил.

И уже проверяется. И здесь мы тоже верны ленинской традиции, самой сути ленинизма. А именно — органическому сплаву теории и практики, подходу к теории как к орудию практики и к практике — как контрольному механизму правильности теории. Так мы и действуем, переводя новое мышление во внешнеполитическую деятельность, корректируя, уточняя его опытом, полученным из реальной политики.

Итак на что мы рассчитываем, зная, что строить безопасный мир придется вместе с капиталистическими странами?

Послевоенный период дал свидетельства глубокой модификации противоречий, которые определяли главные процессы мировой экономики и политики. Я имею в виду, прежде всего, такое их развитие, которое в прошлом неумолимо приводило к войне, к мировым войнам между самими капиталистическими государствами.

Теперь ситуация иная. Не только уроки прошлой войны, но и боязнь ослабить себя перед социализмом, ставшим мировой системой, не позволили капитализму доводить свои внутренние противоречия до крайней черты. Они стали трансформироваться в технологическую гонку друг с другом, «разряжались» с помощью неоколониализма. Происходил своего рода новый, «мирный» передел мира — по тому же правилу, которое выявил Ленин, — «по капиталу», то есть кто богаче, сильнее на данный момент, тому и больше дано. В ряде стран напряжение в экономике стали «снимать» путем перекачки средств в военно-промышленный комплекс под предлогом «советской угрозы». Уклоняя противоречия, балансировать интересы помогали также и преобразования, происходившие в технологической и организационной основе капиталистического хозяйства.

Но дело не только в этом. Если в прошлом перед лицом фашистской угрозы стал возможен союз социалистического и капиталистических государств, то разве из этого не следует определенный урок для настоящего, когда весь мир оказался перед угрозой ядерной катастрофы, перед необходимостью обеспечить безопасность ядерной энергетики, преодолеть экологическую опасность? Все это — вполне реальные и грозные вещи, требующие не только их осознания, но поиска практических решений.

Далее. Может ли капиталистическая экономика развиваться без милитаризации? Тут приходит на память «экономическое чудо» в Японии, Западной Германии, Италии. Правда, когда «чудо» кончилось, они вновь обратились к милитаризму. Однако надо разобраться, насколько этот поворот был обусловлен сущностными законами функционирования современного монополистического капитала и какую роль сыграли приходящие моменты: «заразительный пример» военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов, обстановка «холодной войны», престижные соображения, потребность иметь собственный «военный кулак», чтобы разговаривать с конкурентами на понятном в этой среде языке, а также желание подкрепить свое экономическое вторжение в «третий мир» силовой политикой. Как бы

там ни было, период быстрого развития современной капиталистической экономики в ряде стран при минимальных военных расходах имел место. И опыт его остался в истории.

Можно подойти к проблеме и с другой стороны — как бы от противного. Экономика Соединенных Штатов со времен войны была неизменно ориентирована и опиралась на милитаризм. Поначалу это вроде бы ее стимулировало. Но потом такая бесполезная и ненужная обществу растрата ресурсов обернулась астрономическим государственным долгом и другими бедами и пороками. Оказалось, что сверхмилитаризация в конечном счете ведет к нарастающему обострению положения в самой этой стране и лихорадит экономику других. Недавняя паника, беспрецедентная по почти за 60 лет, паника на нью-йоркской и других биржах мира — серьезный симптом, серьезное предупреждение.

Третий момент — неэквивалентные, эксплуататорские отношения с развивающимися странами. Неужели их в «третьем» новшества в области создания «второй» (искусственной) природы, развитой капитализм не смог и не сможет обойтись без ресурсов этих стран. Это — объективная реальность.

Ставка на разрушение исторически сложившихся мирохозяйственных связей опасна и выхода не даст. Но и пользование чужими ресурсами неоколониалистскими методами, произвол транснациональных корпораций, долговая кабала, триллионные, явно неоплатные долги заводят в тупик. Это порождает серьезные проблемы и внутри самих капиталистических стран. Спекуляций тут есть отбавай. А суть их в том, чтобы сделать «третий мир» своеобразным козлом отпущения за многие трудности, в том числе — за падение жизненного уровня в метрополиях капитала.

То и дело предпринимаются попытки на шовинистической основе «сплотить нацию», вовлечь трудящихся в «партнерство» по эксплуатации других стран и одновременно побудить их смириться с политикой новой капиталистической модернизации. Однако никакие подобные и иные ухищрения не снимают самой проблемы, лишь иногда временно приглушают ее. Неэквивалентный обмен остается и ведет к концу-концов к кризису. Возможность такого исхода, кажется, начинают понимать лидеры Запада. И ищут выхода пока в разного рода паллиативах.

Действительно, новизна международных экономических и политических процессов нашего времени еще не до конца осознана и освоена. Но к этому придется идти, ибо развернувшиеся процессы обладают силой объективного закона. Либо враз, либо совместный поиск нового экономического порядка, при котором учитывались бы интересы и тех, и других, и третьих — на равноправной основе. Путь к установлению такого порядка, как представляется сейчас, просматривается: это — реализация концепции «разоружение для развития».

Так что в поисках ответа и на наш третий вопрос мы видим: ситуация не выглядит неразрешимой. И в этой сфере противоречия поддаются модификации. Но для этого надо понять реальности выстроить практические действия в духе нового мышления. А это в свою очередь облегчит движение к более безопасному миру. Словом, и здесь — исторический выбор, диктуемый закономерностями во многом взаимозависимого и целостного мира.

Есть еще одно важнейшее, даже решающее обстоятельство. Составной частью этого мира является социализм. Начав свою историю 70 лет назад, а затем превратившись в мировую систему, он определил облик XX столетия. Сейчас он выходит на новый этап своего развития, вновь, как конструируя заложенные в нем возможности.

Можно, например, представить себе, какой крупный резерв мирного сосуществования кроется в одной только перестройке в Советском Союзе. Обеспечив нам выход на мировой уровень по всем важнейшим экономическим показателям, она позволит огромной и богатейшей стране так включиться во всемирное разделение труда и ресурсов, как этого никогда еще не было. Ее великий научный, технический, производственный потенциал станет существенно более значимой частью мирохозяйственных связей. И это решающим образом расширит и укрепит материальную базу всобъемлющей системы мира и международной безопасности. Также, кстати, еще один важнейший аспект перестройки, предназначенное ей место в судьбах современной цивилизации.

Влияние на объективные процессы в пользу мира будут оказывать классовая борьба, обострение проявления социальных противоречий.

Передовые силы рабочего движения ищут пути к подъему его политического уровня. Им приходится действовать в очень непростой, новой и меняющейся обстановке. Поэтому встали не только вопросы преодоления экономических бед и интересов масс, но и борьбы за демократию, в том числе — демократию на производстве. Например, нередко рабочим предлагают «партнерство», но такое, когда наглухо закрыт доступ в святая святых бизнеса и когда и речи не может быть о свободном выборе руководящего персонала.

Западный мир полон «теорий» о том, что рабочий класс исчезает, будто он уже совсем растворился в «среднем слое», социально перерождился и т. д. и т. п. Да, перемены в рабочем классе большие, существенные. Но напрасны классовый пафос ученых-ревизионистов, которые уверяют себя и пытаются дезориентировать, сбить с толку само рабочее движение. Рабочий класс, представляя теперь в своих новых социальных границах численно преобладающую силу, обладает потенциалом сыграть решающую роль, тем более на крутых поворотах.

Побудительные мотивы могут быть разные. И один из вероятных — безумная милитаризация экономики. Переход к новой фазе технологической революции на милитаристской основе — сильный катализатор, тем более, что это — путь к войне, а значит затрагивает все слои населения, расширяет рамки массового протеста за пределы экономических требований. Так что и тут правящему классу, властителям монополистического капитала придется делать выбор. Мы убеждены, — и наука это подтверждает, — что при нынешнем уровне технологии и организации производства реконверсия, демилитаризация экономики возможны. Одновременно это будет и выбор в пользу мира.

То же самое — с последствиями кризиса в отношениях между развитым и развивающимся миром. Если дело дойдет до грани взрыва и окажется невозможным далее пользоваться благами за счет эксплуатации «третьего мира», вопрос о неприемлемости и нетерпимости системы, не способной без этого существу растрат, может встать в политическую плоскость в очень остро. В общем, и с этой точки зрения капитализм перед жестким выбором: доводить дело до взрыва или считаться с законами взаимосвязанного и целостного мира, требующего баланса интересов на равноправной основе. И по ситуации, как она видится нам, это не только необходимо, но и возможно. Тем более, что в таком же направлении действуют силы в самом «третьем мире».

Принято говорить об упадке национально-освободительного движения. Но при этом, видимо, происходит подмена понятий, игнорирование новизны ситуации. Если имеют в виду освободительный импульс, тот, который действовал на этапе борьбы за политическую независимость, то он, конечно, ослабевает. И это естественно. Импульс же, необходимый для нового, нынешнего этапа развития «третьего мира» только-только еще формируется. И в этом надо ясно отдавать себе отчет и не впадать в пессимизм.

Факторы, из которых складывается этот импульс, разнообразны и неоднородны. Здесь и мощный экономический процесс, подчас принимающий парадоксальные формы. Например, некоторые страны, сохраняя черты слаборазвитости, выходят на уровень великих держав в мировой экономике и политике. Здесь и нарастание политической энергии в ходе формирования наций и упрочения в подлинном смысле национальных государств, среди которых определенное место занимают страны с революционными режимами. Здесь и гроздья гнева на почве кричащей поляризации бедности и богатства, контраста между возможностями и реальным положением.

В организациях, отражающих процессы межгосударственного консолидации развивающихся стран, все более выражено и активно выступает сила самобытности и самостоятельности. В большей или меньшей степени это характерно для всех организаций, а их немало: Организация африканского единства, Лига арабских стран, АСЕАН, Организация исламских государств, Латиноамериканская экономическая система, Южнотихоокеанский форум, Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, Организация Исламская конференция и в особенности — Движение неприсоединения.

Они отражают калейдоскоп противоречивых интересов, потребностей, запросов, идеологий, претензий и предрассудков именно данного этапа. Все они, хотя уже стали заметным фактором мировой политики, еще не раскрыли своих возможностей. Но потенциал тут колоссальный, и предсказать результаты даже на ближайшие полвека трудно.

Ясно одно — это целый мир, который ищет организационные формы своего действенного, равноправного участия в решении вопросов всего человечества. За ним лиз с половиной миллиарда человек. И можно предугадать, что семимильными шагами будет нарастать не только его воздействие на мировую политику, но и оригинальная роль в формировании мировой экономики будущего.

При всем могуществе транснационального капитала не он будет определять пути движения «третьего мира», а, скорее, сам вынужден будет приспособиться к независимому выбору, который сделали или сделают сами народы. А они и организации, их представляющие, жизненно заинтересованы в новом мировом экономическом порядке.

И еще один немаловажный момент. В рамках собственно капиталистического мира развитие в последние десятилетия вызвало к жизни новые формы общественных противоречий и движений. Это — движения против ядерной угрозы, в защиту природной среды, против расовой дискриминации, против политики, раскалывающей общество на удачливых и обреченных, против бедствий в целых промышленных зонах, ставших жертвой новой капиталистической модернизации. В этих движениях участвуют миллионы, вдохновителями и лидерами их становятся видные деятели науки и культуры, авторитеты национального и международного масштаба.

Устойчиво важную роль в политическом процессе ряда стран продолжают играть, а кое-где нарастающий свое влияние социал-демократические, социалистические, лейбористские партии и идеологические им или связанные с ними массовые организации.

Так что, по всем параметрам — экономическим, политическим, общественным — мы можем видеть, как в современном мире повсеместно оправдывается положение, которое Ленин считал одним из самых глубоких в марксизме: в истории вместе с основательностью исторического действия будет расти и объем массы, делом которой оно является. А это всегда — самый верный признак и самый мощный фактор социального прогресса, а значит и мира.

Действительно, величие и новизна нашего времени в том, что народы все более явно и открыто присутствуют на авансцене истории. У них теперь такие позиции, которые позволяют заставлять с собой считаться не в конечном итоге, а непосредственно. Тем самым высвечивается тоже новая история: для движения истории на рубеже XX—XXI веков более характерным становится постоянный выбор. А правильность его зависит от того, как и насколько учитываются интересы и помыслы миллионов, сотен миллионов.

Отсюда — и ответственность политиков. Ибо реальная политика может быть такой только при учете этой новизны времени: теперь человеческий фактор выходит на политический уровень не как отдаленный и более или менее стихийный результат жизни и деятельности людских масс и их намерений. Он врывается в мировые дела напрямую. Вне понимания этого, иначе говоря, — вне нового мышления, опирающегося на современные реальности и волю народов, политика становится непредсказуемой импровизацией, рискованной и для собственной страны, и для других. У такой политики нет долговременной опоры.

III. Великий Октябрь и современный мир

Товарищи! Мир не был бы таким, каким мы его видим теперь, если бы не Великая революция в России. До этого поворота в мировой истории «право» сильного и богатого, как и захватнические войны, были привычной нормой международных отношений. Советская власть, первым законодательным актом которой был знаменитый Декрет о мире, повела борьбу против такого порядка вещей. Страна Советов внесла в международную практику то, что прежде находилось за пределами «большой политики»: здравый народный смысл и интересы трудящихся масс.

В те недолгие годы, когда советской внешней политикой руководил Ленин, он не только выработал ее отправные принципы, но и показал, как их применять в самой необычной и резко меняющейся обстановке. В самом деле, вопреки первоначальным ожиданиям, разрыв наиболее «слабого звена» капиталистической системы был не «последним решительным боем», а началом длительного и сложного процесса.

Величайшая заслуга основателя Советского государства состояла в том, что он своевременно увидел реальную перспективу, которая открывалась перед новой Россией в результате победоносного окончания гражданской войны. Страна сумела, по его мысли, получить не только «передышку», а нечто гораздо большее — «новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано». И Ленин решительно предложил курс — учиться и научиться длительному сосуществованию с ними. В противовес левому экстремизму он обосновал возможность мирного сосуществования государств с различным общественным устройством.

Всего полтора-два года после гражданской войны потребовалось, чтобы вывести рабоче-крестьянское государство из внешнеполитической изоляции. Заключены договоры с сопредельными странами, затем с Германией в Рапалло. Советскую Республику дипломатически признали Англия, Франция, Италия, Швеция, другие капиталистические государства. Сделаны были первые шаги в налаживании равноправных отношений с государствами Востока— Китаем, Турцией, Ираном, Афганистаном.

Все это — не просто первые победы ленинской внешней политики и дипломатии. Это был выход на принципиально новое международное развитие. Было проложено кардинальное направление в мировой политике, которое мы по праву называем ленинским курсом на мир, взаимовыгодное сотрудничество государств и дружбу народов.

Разумеется, не вся наша внешнеполитическая работа в последующем состояла из одних успехов и достижений. Были и просчеты. Не всегда и не во всем — и до, и после второй мировой войны — удавалось использовать открывавшиеся возможности. Огромный моральный авторитет, с которым вышел из войны Советский Союз, мы не смогли реализовать, чтобы консолидировать миролюбивые, демократические силы и остановить организаторов «холодной войны». Не всегда адекватной была наша реакция на провокационные действия империализма.

Да, что-то можно было сделать лучше, действовать более эффективно. Тем не менее в этот торжественный час мы можем сказать: принципиальная линия нашей политики не изменяла, держалась генерального направления, которое выработал и проложил Ленин, т. е. в соответствии с природой социализма, с его принципиальной ориентацией на мир. (Аплодисменты).

И в решающей степени именно благодаря этому удалось предотвратить развязывание ядерной войны, не дать империализму выиграть «холодную войну». Вместе со своими союзниками мы нанесли поражение империалистической стратегии «отбрасывания социализма». Империализму пришлось умерить свои притязания на мировое господство. На новом этапе именно на результаты своей миролюбивой политики мы смогли опереться, прорабатывая новые подходы в духе нового мышления.

Ленинская концепция мирного сосуществования, естественно, претерпевала изменения. Вначале оно обосновывалось прежде всего необходимостью создать минимальные внешние условия для строительства нового общества в стране социалистической революции. Но, являясь продолжением классовой политики пробившего пролетариата, мирное сосуществование в дальнейшем и особенно в ядерный век превратилось в условие выживания всего человечества.

Рубежом в развитии ленинской мысли и на этом направлении также стал апрельский Пленум ЦК КПСС 1985 года. В развернутом виде новую внешнеполитическую концепцию дал XXVII съезд. Исходной точкой ее, как известно, является следующая идея: несмотря на глубокую противоречивость современного мира и коренные различия государств, его составляющих, он взаимосвязан, взаимозависим и представляет собой определенную целостность.

Это обусловлено интернационализацией мирохозяйственных связей, всеохватывающим характером научно-технической революции, принципиально новой ролью средств информации и коммуникации, состоянием ресурсов планеты, общей экологической опасностью, кричащими социальными проблемами развивающегося мира, которые затрагивают всех. Но главное — возникновением проблемы выживания человеческого рода, ибо появление и угроза применения ядерного оружия поставили под вопрос само его существование.

Так ленинская идея приоритета интересов общественного развития обрела новый смысл и значение.

Начиная с апрельского Пленума, мы достаточно ясно сказали всем о том, как мы представляем себе движение к безопасному, прочному миру. Наши намерения и наша воля зафиксированы в решениях высшего политического форума партии — XXVII съезда, в новой редакции Программы КПСС, в программе ядерного разоружения, изложенной в заявлении от 15 января 1986 года, в Делийской декларации и других документах, официальных выступлениях руководящих деятелей Советского Союза.

Совместно со странами социалистического содружества мы выступили в Организации Объединенных Наций с рядом крупных инициатив, в том числе — с проектом создания всеобъемлющей системы международного мира и безопасности. Государства Варшавского Договора обратились к НАТО, ко всем европейским странам с предложением сократить вооруженные силы и вооружения до уровня разумной достаточности. Пригласили провести сопоставление военных доктрин обоих союзов с целью придания им исключительно оборонительной направленности. Выступили с конкретным планом и активно добиваются запрещения и ликвидации химического оружия. Проявили инициативу в области организации эффективных методов контроля за сокращением вооружений, включая инспекцию на местах.

Мы решительно выступили за укрепление авторитета ООН, за полноценное и действенное использование прав, врученных ей ее органам международным сообществом. Делаем все от нас зависящее, чтобы ООН — этот универсальный механизм — могла полномочно обсуждать и обеспечивать коллективный поиск баланса интересов всех государств, эффективно выполнять свои миротворческие функции.

Самое главное состоит в том, что наша концепция и твердая установка на мир нашли отражение в делах, во всем нашем поведении на международной арене, в самом стиле внешнеполитической и дипломатической работы, которая пронизана стремлением к диалогу — откровенному и честному, учитывающему взаимные озабоченности и выводы мировой науки, без попыток кого-то обыграть или обмануть. Так что, по прошествии этих двух с лишним лет мы с уверенностью говорим: новое политическое мышление — это не просто декларация и призыв, а философия действия, если угодно — философия жизни. Она продолжает развиваться вместе с ходом объективных процессов в мире. И она уже работает.

Среди событий нарождающегося нового этапа в международном развитии, которые в этот день заслуживают быть упомянутыми и останутся в истории, — встреча в Рейкьявике в октябре 1986 года. Она придала новому мышлению практическую энергию, позволила ему укрепиться в самых различных общественных и политических кругах, а международные политические контакты сделала более результативными.

Новое мышление с его общечеловеческими критериями, ориентацией на разум и открытость начало пробивать дорогу мировые дела, разрушая стереотипы антисоветизма и подозрительности к нашим инициативам и действиям.

Разумеется, если мерить масштабами задач, которые современному человечеству предстоит решить, чтобы обеспечить выживание, сделано еще очень, очень мало. Но начало положено, и первые признаки перемен налицо. Одним из убедительных тому подтверждений является договоренность с Соединенными Штатами Америки о заключении в ближайшее время соглашения по ракетам средней дальности и оперативно-тактическим ракетам.

Заключение этого соглашения имеет большое самостоятельное значение: будет впервые ликвидирован целый класс ядерных вооружений, сделан первый реальный шаг по пути уничтожения ядерных арсеналов, показано на деле, что можно двигаться в этом направлении, никому не нанося ущерба.

Это, безусловно, важный успех нового мышления, плоды нашей готовности, строго оберегая принцип равной безопасности, искать взаимоприемлемые развязки.

Однако вопрос об этом соглашении был в основном решен еще в Рейкьявике, на нашей второй встрече с президентом.

От третьей встречи на трех высших руководителей СССР и США в столь ответственный период мир ждет большего, чем просто формальная фиксация того, о чем договорились год назад, и не только продолжения дискуссии. Торопит и время, нарастающая опасность совершенствования оружия, которое может выйти из-под контроля.

Вот почему мы будем настойчиво добиваться на этих встречах ощутимого сдвига, конкретных результатов в ключевом вопросе устранения ядерной угрозы — в вопросе о сокращении стратегических наступательных средств и недопущении выхода оружия в космос.

Какие же все таки у нас основания для оптимизма, для того, чтобы считать всеобъемлющую безопасность действительно возможной? На этом стоит задержаться.

Отмечая 70-летие нашей революции, которая не победила бы, если бы не была подготовлена теоретически, мы и сейчас, на новом переломе всемирной истории, теоретически прорабатываем перспективы продвижения к устойчивому миру. С помощью нового мышления мы в основном обосновали потребность и возможность

ОКТЯБРЬ И ПЕРЕСТРОЙКА: РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Таковы основания для нашего оптимистического взгляда в будущее, на перспективы создания всеобъемлющей системы международной безопасности.

С этим вполне логично связана и наша позиция по вопросам обороны. Пока опасность войны сохраняется, пока социальный реванш остается стержнем стратегии и милитаристских программ Запада, мы и впредь будем делать все необходимое для поддержания оборонной мощи на уровне, исключающем военное превосходство империализма над социализмом. (Аплодисменты).

Товарищи! В эти торжественные дни мы по достоинству отмечаем заслуги международного коммунистического движения. В Октябрьской революции, сохраняющей и доныне свой международный импульс, — источник его жизнестойкости. Международное коммунистическое движение вырастает и развивается на почве своей страны, но есть нечто общее в самом облике коммуниста, к какой бы нации он ни принадлежал и в какой бы стране ни работал. Это — преданность идее лучшего, коммунистического общества, вернность трудящимся — прежде всего рабочему классу, борьба за их коренные интересы, за мир и демократию. (Аплодисменты).

Думаю, что в эту нашу годовщину заслуживает быть упомянутым и Третий, Коммунистический Интернационал. Еще предстоит восстановить всю правду о нем, написать подлинную и полную его историю. При всех недостатках и просчетах в его деятельности и как бы ни было горько напоминание о некоторых страницах его истории, Коминтерн — часть великого прошлого нашего движения. Рожденное Октябрем, оно не только стало школой интернационализма и революционного братства. Оно сделало интернационализм практическим оружием борьбы за интересы трудящихся, за социальный прогресс наций и народностей. Из его рядов вышли когорты подлинных рыцарей XX века, люди долга и чести, высокого полета и неугибаемого мужества, болевших болью миллионов угнетенных на всей планете, услышавших их зов и позвавших их на борьбу. (Аплодисменты).

Коммунисты первыми забили тревогу по поводу опасности фашизма, первыми поднялись на борьбу против него и были первыми его жертвами. Они первые — сьехавшись со всего мира — вступили в вооруженную схватку с фашизмом в Испании. Первые подняли знамя Сопротивления во имя свободы и национального достоинства своих народов. И именно коммунисты, прежде всего советские коммунисты, внесли решающий вклад в сокрушительный разгром фашизма во второй мировой войне. (Аплодисменты).

И потом, и сейчас с тои же непримиримою и отвагой коммунисты — в первых рядах против всякой реакции и всяческого мракобесия. Это — люди легендарного героизма и самоотдачи. И — не единицы, а сотни тысяч, организованных и сплоченных единой волей, железной дисциплиной и неподкупной идейностью.

Времена Коминтерна, Информбюро и даже времена обязывающих международных Совещаний прошли. Но международное коммунистическое движение существует. Все партии полностью и необратимо самостоятельны. Мы сказали об этом еще на XX съезде. Правда, освободились от старых привычек не сразу. Однако теперь это — непреложная реальность. В этом смысле XXVII съезд КПСС тоже стал рубежом окончательным и бесповоротным. Думаю, что мы это доказали на деле в своих отношениях с братскими партиями в ходе перестройки. (Аплодисменты).

Международное коммунистическое движение — на перевале, как и сам мировой прогресс, его движущие силы. Компартии ищут свое новое место в глубоких переменах на грани столетий. А их интернациональное движение обновляется, сплачивается уважением к тоже обновленным нормам доверия, равноправия и искренней солидарности. Оно открыто для диалога, для сотрудничества, для взаимодействия и для союза с любыми другими революционными, демократическими и прогрессивными силами.

КПСС не сомневается в будущем коммунистического движения — носителя альтернативы капитализму, движения самых отважных и последовательных борцов за мир, за независимость и прогресс своих стран, за дружбу между всеми народами Земли. (Аплодисменты).

Товарищи! Самая важная веха в послеоктябрьской мировой истории — возникновение мировой социалистической системы. Вот уже четыре десятилетия как социализм стал общей судьбой многих народов, важнейшим фактором современной цивилизации.

Наша партия, советский народ высоко ценят возможность взаимодействовать с друзьями, на которых теперь, вот уже несколько десятилетий, лежит, как и на нас, также и государственная ответственность за социализм, за его движение вперед. Все социалистические государства накопили много интересного и полезного в решении социальных, экономических и идеологических задач, в строительстве новой жизни.

Социалистическая система и проверенные ею на практике поиски и опыт имеют общечеловеческое значение. Она предложила миру свои ответы на основные вопросы человеческого бытия, апробировала свои гуманистические и коллективистские ценности, в центре которых — человек труда. Социалистический строй прививает ему чувство достоинства, хозяина страны, дает социальную защищенность, уверенность в будущем. Открывает простор к овладению знаниями, культурой, создает условия для реализации индивидуальных способностей и дарований.

Достигнутое народами социалистических стран является предметом нашей общей гордости. Тем более, что — это и результат многолетнего плодотворного сотрудничества, плоды невиданного по широте и открытости действительно братского общения их граждан — партийных и общественных организаций, производственных коллективов, творческих союзов и учреждений культуры, семейных и личных связей, совместного труда и учебы десятков тысяч людей.

С высоты пройденного многое виднее. Жизнь внесла поправки в наши представления о закономерностях и темпах перехода к социализму, в понимание роли социализма в мировом масштабе. Мы далеки от того, чтобы считать, будто все прогрессивные изменения, которые происходят в мире, обязаны только социализму. Но то, как поставлены самые важные для человечества проблемы и как идет поиск их решения, подтверждает неразрывную связь мирового прогресса с социализмом как силой международной. (Аплодисменты). Связь эта особенно видна в борьбе за предотвращение ядерной катастрофы и в наличии такого соотношения мировых сил, которое позволяет разным народам отстаивать с большим успехом свой социально-политический выбор.

Накопленный опыт позволяет лучше строить взаимоотношения между социалистическими странами на общепризнанных принципах. Это — безусловное и полное равенство. Это — ответственность правящей партии за дела в своем государстве, патриотическое служение своему народу. Это — забота об общем деле социализма. Это — уважение друг к другу, серьезное отношение к достигнутому и испробованному друзьями, добровольное многообразное сотрудничество. Это — строгое соблюдение всеми принципов мирного сосуществования. На это и опирается практика социалистического интернационализма.

Мир социализма предстает сегодня перед нами во всем своем национальном и социальном многообразии. И это хорошо и полезно. Мы убедились, что единство вовсе не означает тождества, единообразия. Убедились и в том, что у социализма нет и не может быть некоей «модели», на которую все равняются.

Критерием его развития на каждом этапе и в каждой стране являются совокупность и качество действительных успехов в переустройстве общества в интересах трудящихся. (Аплодисменты).

Знаем мы и об ущербе, который могут наносить ослабление интернационалистского начала во взаимоотношениях социалистических государств, отступления от принципа взаимной выгоды и взаимопомощи, невнимание к общим интересам социализма в деятельности на мировой арене.

Мы с удовлетворением констатируем, что за последнее время приобрели динамизм и совершенствуются наши отношения со всеми социалистическими государствами. И, конечно же, плодотворнее, деловитее стало сотрудничество в рамках Варшавского Договора и СЭВ, что, впрочем, никак принципиально не отделяет их участников от других социалистических стран.

XXVII съезд четко определил позицию КПСС: в политике и во всех других сферах нашего взаимодействия с каждой социалистической страной решающим является то, что обеспечивает сочетание обоюдного интереса с интересами социализма в целом. Укрепление дружбы и всемерное развитие сотрудничества с социалистическими странами — главный приоритет международной политики Советского Союза. Приветствуя сегодня делегации социалистических стран, мы в их лице приветствуем народы социалистических стран! (Аплодисменты).

Дорогие товарищи!
Уважаемые зарубежные гости!

Все наши помыслы и свершения вдохновлялись и вдохновляются животворной силой коммунистических идей. Эти идеи были начертаны на знамени революции, они поднимали на борьбу и трудовые свершения миллионы людей, которые свято поверили в них, восприняли как цель и смысл своей жизни.

Труд и борьба народа, его безмерное упорство в достижении свободно выбранной цели, его радости и страдания — все это воплотилось в реальность сегодняшнего социализма, идущего по пути революционной перестройки. И в этом — сила Октября, сила революции, которая продолжается. (Аплодисменты).

Все семьдесят лет во главе советского народа идет его испытанный авангард — ленинская партия. Партия и революция, партия и Октябрь неразделимы! (Аплодисменты).

Без партии, вооруженной марксистско-ленинской теорией, не было бы победы социалистической революции. Без партии, научившейся строить новое общество, не было бы социализма, не было бы нашей великой державы. Не было бы и той базы, на которой идет теперь обновление всех сторон общественной жизни, ускорение социально-экономического развития страны. Время требует, чтобы и в новых условиях партия шла во главе революционного обновления, настойчиво и последовательно повышала действенность своей политики, развертывала демократизацию по всем линиям и на всех уровнях общественной жизни.

Возрастание роли партии — закономерный процесс. Но меньше всего такая роль определяется словами или формальными ритуалами. Она — в глубине и честности анализа и оценок, в продуманности политики и решительности действий, в умении соизмерять частное и общее, личное и общественное, сегодняшнее и долговременное. Она — в повышении ответственности всех организаций партии и каждого коммуниста за ход дел в обществе.

В рядах нашей партии без малого двадцать миллионов коммунистов — десятая часть взрослого населения страны. Сила огромная. Но потенциал партийного влияния, партийного воздействия на перестройку еще не включен полностью. Серьезные импульсы для улучшения этой сложной и кропотливой работы должны дать подготовка и проведение XIX Всесоюзной партконференции.

Сегодня в наших руках судьба великого дела революции, великого ленинского дела. Мы вновь идем непроторенным путем. И это возлагает на партию, на всех нас особую ответственность. Говоря ленинскими словами, «время революции есть время действия, действия и сверху и снизу». Такова традиция партии нового типа с самых первых ее шагов. Таково требование к авангарду советского общества на нынешнем сложнейшем, но и вдохновляющем своей новизной этапе развития социализма.

Товарищи! Порог к подлинной истории человечество перешагнуло в 1917 году. Однако истекшие семьдесят лет, экономические потрясения и социальные катаклизмы, порожденные фашизм и вторую мировую войну, «холодную войну» и гонку вооружений, угрозу термоядерной катастрофы и глобальных кризисов, свидетельствуют о том, что прошлое все еще продолжает цепко держать значительную часть человечества. И все же время, в котором мы живем, рубеж XX и XXI столетий, мы вправе считать уникальным как по глубине социальных изменений, так и по глобальности задач, которые встали перед народами Земли.

Сегодня мы видим: человечество действительно не обречено вечно существовать так, как оно жило до Октября 1917 года. Социализм превратился в мощную, растущую, развивающуюся реальность. Именно Октябрь, именно социализм указывают человечеству маршруты, ведущие в будущее, новые сценарии истинно человеческих отношений. (Аплодисменты). Вместо эгоизма — коллективизм, вместо эксплуатации и угнетения — свобода и равенство. Вместо тирании меньшинства — подлинное народовластие. Вместо стихийной и жестокой игры общественных сил — растущая роль разума и гуманности. Вместо распрей, розни и войн — общечеловеческое единение и мир.

Нынешние поколения — и не только в нашей стране — ответственны за судьбу цивилизации и самой жизни на Земле. От них, в конечном счете, зависит: станет ли начало нового тысячелетия всемирной истории ее трагическим эпилогом или же вдохновляющим прологом в будущее.

До начала XXI века — всего 13 с небольшим лет. А в 2017 году наш народ, все прогрессивное человечество встретят столетие Великого Октября.

Каким будет мир, когда он перешагнет вековую отметку нашей революции, каким будет социализм, какой степени зрелости достигнет мировое сообщество государств и народов? Не будем гадать. Но обязаны помнить, что именно сегодня закладываются основы будущего. И наш долг — сохранить нашу непоторимую цивилизацию, саму жизнь на Земле, добиться торжества разума над ядерным безумием, создать все условия для свободного и всестороннего развития человека и человечества. (Продолжительные аплодисменты).

Мы видим: возможность бесконечного прогресса. Сознаем, что обеспечить его нелегко. Нас это не страшит. Напротив — вдохновляет, так как наполняет жизнь высокой гуманной целью, глубоким смыслом!

В Октябре 1917 года мы ушли от старого мира, бесповоротно отринув его. Мы идем к новому миру — миру коммунизма. С этого пути мы не свернем никогда! (Бурные, продолжительные аплодисменты).

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ ОКТЯБРЯ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Я СТР.

Что чувствует человек моего возраста и жизненного опыта в эти торжественные и радостные дни, обратился к участникам заседания член КПСС с 1917 года москвич К. П. Синозерский. Более всего — гордость. Гордость за стойкость, целеустремленность и героизм нашей ленинской партии и советского народа. Октябрь — это все мы, поколения советских людей, живая история страны. Октябрь — это преобразования сегодняшних дней.

Выверенный, точный взгляд на пройденный страной исторический путь, сказал участник штурма Зимнего, дан в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Продемонстрирован реализм оценок каждого периода строительства социализма. Без захваливания, но и без умаления силы нашего общества. Мне, как и всем ветеранам партии, радостно видеть, что возвращаются ленинский стиль руководства, ленинские традиции целеустремленности, реализма, опоры на творчество масс.

О высоком патриотизме советских людей, который помог выстоять в годину военных лихолетий, победить разруху, голод, восстановить народное хозяйство, достичь нынешних высоких рубежей во всех сферах жизни нашего общества, говорили руководитель бригады слесарей-сборщиков производственного объединения «Ленинградский металлический завод», дважды Герой Социалистического Труда В. С. Чичеров, президент Академии наук СССР Г. И. Марчук, бригадир комплексной бригады шахты «Молодогвардейская» производственного объединения «Краснодонуголь», Герой Социалистического Труда А. Я. Колесников, директор пляжевой средней школы Латвийской ССР Э. Я. Купчя. Ораторы рассказали о том, как сохраняют и приумножают традиции Великого Октября, участвуя в сегодняшних революционных преобразованиях, все поколения нашей многонациональной Отчизны. Демократизация, гласность, экономические методы управления, отмечали они, возвращают трудящимся реальное чувство хозяина страны.

Творческое освоение наследия Октября, подчеркивали выступавшие, позволит лучше использовать неисчерпаемые силы социалистического строя, теоретическое богатство научного коммунизма в решении сложных задач ускорения и перестройки.

Участников и гостей Торжественного заседания приветствовали Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Государственного совета ПНР Э. Ярузельский, Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонекер, Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак, Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Ж. Марше. В приветствиях отмечалось, что Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала коренной перелом в мировой истории, кардинальным образом повлияла на дальнейшее развитие человеческого общества, ускорила его прогресс. Сама Страна Советов за 70 лет превратилась в современную социалистическую державу с могучим экономическим и научно-техническим потенциалом, огромным международным авторитетом.

Подчеркивалось, что реализация ленинской идеи мирного сосуществования государств с различным социальным строем в наш ядерный век приобрела особое значение. Жизнь и безопасность народов сегодня все теснее связаны в мировом масштабе. Философия и этика нового мышления о мире, провозглашенная XXVII съездом КПСС, конструктивные советские инициативы находят у мирового общественного мнения все более широкий отклик. Человечество хочет, наконец, жить с чувством уверенности в завтрашнем дне, в мире, свободном от оружия массового уничтожения. Это — реальная цель. Первый шаг к ней уже сделан.

Поздравления советскому народу передал Президент Финляндской Республики М. Койвисто.

Под звуки марша в зал вносится флаг легендарного крейсера «Аврора» — священная реликвия нашей революции. Знамя Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Знамя Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, памятные знамена Центрального Комитета РКП(б) и ЦК КПСС. Участники Торжественного заседания пришли приветствовать представители советской молодежи и пионеры.

На трибуне — московский рабочий, член ЦК ВЛКСМ Н. Прохоров. Правда партии и правда народа — одна, неразделима, заявил он. И никто уже не согласится жить по-старому, а молодежь в особенности. Жить по-новому — это наука сложная, и мы обязаны ею овладеть: на производстве — работа на совесть, в учебе — старательность и даже одержимость, в семье — нравственная чистота, любовь к детям, к жене, к родителям. В гражданской позиции — патриотизм, честность и смелость.

Мы понимаем — право быть лидером молодежи не дается, его надо завоевывать своими поступками, своими делами. Только так можно стать опорой партии. Молодое поколение готово отдать энергию и жар своих сердец борьбе за осуществление исторических решений XXVII съезда партии. Позиция комсомола, всей советской молодежи однозначна: перестройка — это наша часть революции! Мы готовы, заявил молодой коммунист, продолжить подвиг ветеранов партии, участников гражданской и Великой Отечественной войн, всех поколений советских людей, превративших нашу страну в могучую социалистическую державу.

Пионеры вручили членам президиума Торжественного заседания цветы.

3 ноября заседание продолжало работу.

«МЫ — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ»

ГЛАЗ поневоли привыкает к этим темно-зеленым томам с золотым тиснением — таково оформление нового, третьего издания «Большой серии» знаменитой «Библиотеки поэта». Их пока немного. Но как бы ни выстроилась в будущем их шеренга, достойное место будет занимать в ней только что вышедший том под названием «Октябрь в советской поэзии».

Материал в этом томе (составление, подготовка текста, примечания и биографические справки И. Кудровой, Н. Кузнецовой, Л. Чащиной, вступительная статья Г. Филиппова) поистине богатейший. Конечно, здесь — Маяковский, его грохочовая «Ода революции»:

Тебе,
освистанная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъязвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над ругаемью реемой
оды торжественное
«О»!

И его же «Октябрь. 1917—1926». И всегда актуальное «Не юбилейте!». И отрывки из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо».

А рядом — «Скифы» и «Двенадцать» А. Блока, «Юрденская голубица» С. Есенина, «Проводы» Демьяна Бедного, стихи пролетарских поэтов М. Герасимова и Н. Полетаева, утонченного эрудита В. Брюсова, написанные по горячим следам событий «Декреты» А. Крайского и «высокое косноязычье» В. Хлебникова:

Вихрем разумным, вихрем единым
Все за богиней — туда!
Люди крылом лебединым
Знамя пронесут туда.

В этом большом сборнике оказываются плечом к плечу поэты, по-разному относившиеся друг к другу в жизни, по-разному оценивавшие творчество друг друга, но единые в своем восприятии великого обновления мира. Мы справедливо критиковали и критикуем стихи конъюнктурные, написанные равнодушным пером к той или иной дате, но разве можно отнести к их числу большое стихотворение Б. Пастернака «К Октябрьской годовщине» (1927), осмысливающее революцию на уровне высокой философии:

Однажды мы гостили в сфере
Преданий. Нас перевели
На четверть круга против зверя.
Мы — первая любовь земли.

Широко представлены в книге поэты народов СССР.

Мчись ураганом вперед,
дорогой борьбы, что к свободе ведет,—
революция!
К твоим ли приношу я
последнюю лепту
в борьбе сгорающей жизни:
все — от тебя,
все — для тебя!

— писал 13 мая 1919 года под Луцком эстонец Х. Пегельман. А в 1918 году сказал на молдавском «Марсельезы» свой «Марш свободы» таджик С. Айни:

О рабы! Подымайтесь из праха,
Красным знаменем мир озарю!
Сбросьте иго покорства и страха —
Засияла свободы заря.

В книге «Октябрь в советской поэзии» — пять разделов: 1917—1921, 1922—1940, 1941—1945, 1946—1966, 1967—1987. Такое построение помогает проследить, как жила и развивалась в советской поэзии октябрьская тема, как находило в ней каждое поколение свои, близкие ему грани.

«Авроры», залп!
Встают с дрожьльем села,
Но это ж началось в минуту ту,
Когда радищев обшлагом намокла
Утер слезу.
Увидев сироту,

— писал в 1959 году Е. Винокуров.

А. Твардовский и Я. Смеляков, И. Сельвинский и Л. Мартынов, Е. Евтушенко и А. Вознесенский, С. Нерис и А. Лахути, Максим Танк и Мустай Карим — невозможно перечислить все славные имена, представленные в этой книге, удачно иллюстрированной цветными и черно-белыми воспроизведениями революционных плакатов, «Окон РОСТА», афиш литературных вечеров. Может быть, стоит пожалеть о том, что тех или иных ярких поэтических строк не оказалось в ее составе. Или, наоборот, — что включение того или иного стихотворения не так уж обязательно. Но это естественно: тема революции в поэзии необъятна.

Ф. ИЛЬИН

ТВ 7×7

● КАКИЕ ТРИ ПЕРЕДАЧИ ПРОШЕДШЕЙ НЕДЕЛИ ЗАПОМНИЛИСЬ ВАМ ОСОБЕННО И ПОЧЕМУ!
● ЧТО ВЫЗВАЛО ВОЗРАЖЕНИЯ!

МНЕНИЯ писателей

Накануне 70-летия Великого Октября мы попросили оценить недельную программу Центрального телевидения «экспертов» из семи союзных республик нашей многонациональной Родины.

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ
(МИНСК)

● Ошеломил художественно-публицистический фильм «Риск» — удивительно все-таки действует на нас сегодня документ! Все наше общество необходимо «пропустить» через документы, включая документы трагических времен. Кадры этого фильма (например, лицо Сталина) сказали больше, чем многие книги.

Премьера фильма-спектакля по пьесе Михаила Шатрова «Так победим!» вызвала очень сложные ощущения. Спектакль сильный, но чувствуется, что сделан не сегодня. Не все в нем договорено. И все же... Я удивилась одиночеству Ленина, может быть, в этом — разгадка некоторых эпизодов нашей последующей истории...

Сергей БАРУЗДИН
(МОСКВА)

● Геройем недели стали пьеса Михаила Шатрова «Так победим!» в постановке Олега Ефремова и фильм Дмитрия Барщевского «Риск». Правда, последний принимаю с оговоркой: в нем ощущается некий исторический провал — с конца 1964 по начало 1985 года. В цикле «Революция продолжается», по-моему, лучший фильм — последний («Ответственность»), сценарист Геннадий Герасимов. В целом цикл — о перестройке, но, к сожалению, все более или менее позитивные сюжеты «доперестроечные». Кроме того, создается ощущение, что мы воздвигли за долгие годы такие прочные бюрократические стены, что они кажутся непреодолимыми. Удалась «Позиция» Генриха Боровика — «Еще раз об интернационализме».

● В фильме «Аукцион», дважды показанном на неделе по 1-й и 2-й программам, самое яркое и запоминающееся — это лошади...

Игорь ДЗЕВЕРИН
(КИЕВ)

● На этот раз буду предельно краток. С моей точки зрения (уверен, что не только с моей), бесспорным лидером среди телепередач минувшей недели является «Риск» — и как большой впечатляющей силы фильм-документ, и как чрезвычайно поучительный исторический фильм-обобщение.

Янис ПЕТЕРС
(РИГА)

● Телевизионная неделя была богата аргументами, выше которых нет ничего. — документами. Поэтому хочу в первую очередь выделить сериал «Революция продолжается». Документы вновь и вновь делают зрителя соучастником нашей истории, заставляют гордиться, восхищаться, удивляться сострадать, плакать и ужасаться. С другой стороны, становится страшно, как мы в известное время обращались с документами — ведь из нашего прошлого выбрасывались как целые события, так и личности. В результате целые поколения дожили до наших дней, опираясь на сомнительный исторический опыт. Хочется попросить ЦТ и все местные студии не ждать и показывать на экранах наше давнее и недавнее прошлое, которое уцелело от ножниц.

Еще большей остротой и актуальностью поразил фильм-спектакль «Так победим!». Документализм Шатрова «подведил» и на сей раз — творческому коллективу МХАТа удалось коснуться нервных центров нашего общества. Злободневно прозвучали тревога и заинтересованность творца и вождя революции по поводу национальных проблем, мысли о идее создания Союза Советских Социалистических Республик, где все будут «вместе и наравне», где «шовинизм, национализм — нищета духа».

На сей раз хочется похвалить и развлекательную программу «В субботу вечером». Современный ритм, цвет, богатая палитра участников.

Витаутас ПЕТКЯВИЧЮС
(ВИЛЬНЮС)

● К сожалению, не смог посмотреть документальные фильмы «Риск» и «Революция продолжается». Остановлюсь поэтому на воскресном выпуске «Прожектора перестройки», который мне показался весьма важным. У нас в Литве было всего несколько машин на душу населения. Я всегда удивлялся находчивости наших автолюбителей. Все едут, колеса крутятся, хотя запчастей ни в одном магазине нет. Я имею в виду — дефицитных, а не тех, которые устарели и никому не нужны. Но если все машины едут, значит, этих запчастей у нас все-таки достаточно! Не смогут ли работники «Прожектора перестройки» в следующей передаче ответить на вопрос: «Кто организует этот дефицит, кому он выгоден и почему все те, кто сидит за рулем, постоянно должны кому-то переплачивать?» Вот вопрос союзного автолюбителя.

Тимур ПУЛАТОВ
(ТАШКЕНТ)

● Фильмы «Риск» и «Революция продолжается» дополняют друг друга по теме «личность и эпоха». И если первая картина прослеживает преимущественно судьбы руководителей, то вторая больше повествует о простых, но не менее драматических судьбах, которым эпоха перестройки тоже уготовила место в истории... Мрачный и подозрительный Сталин по контрасту с ним живой, по-своему обаятельный Хрущев, который олицетворял собой начавшуюся было раскрепощенность нашего общества. И рядом с ним настороженная фигура Брежнева. Как точно характеризует время этот короткий эпизод с Гагариным! Хрущев, который после рапорта первого космонавта так искренне радовался победе, что даже невольно прослезился, что касается судьбы Королева, то в «Риске» вперемешку вооружений, угрозу термоядерной катастрофы и глобальных кризисов, свидетельствует о том, что прошлое все еще продолжает цепко держать значительную часть человечества. И все же время, в котором мы живем, рубеж XX и XXI столетий, мы вправе считать уникальным как по глубине социальных изменений, так и по глобальности задач, которые встали перед народами Земли.

Сегодня мы видим: человечество действительно не обречено вечно существовать так, как оно жило до Октября 1917 года. Социализм превратился в мощную, растущую, развивающуюся реальность. Именно Октябрь, именно социализм указывают человечеству маршруты, ведущие в будущее, новые сценарии истинно человеческих отношений. (Аплодисменты). Вместо эгоизма — коллективизм, вместо эксплуатации и угнетения — свобода и равенство. Вместо тирании меньшинства — подлинное народовластие. Вместо стихийной и жестокой игры общественных сил — растущая роль разума и гуманности. Вместо распрей, розни и войн — общечеловеческое единение и мир.

Нынешние поколения — и не только в нашей стране — ответственны за судьбу цивилизации и самой жизни на Земле. От них, в конечном счете, зависит: станет ли начало нового тысячелетия всемирной истории ее трагическим эпилогом или же вдохновляющим прологом в будущее.

До начала XXI века — всего 13 с небольшим лет. А в 2017 году наш народ, все прогрессивное человечество встретят столетие Великого Октября.

Каким будет мир, когда он перешагнет вековую отметку нашей революции, каким будет социализм, какой степени зрелости достигнет мировое сообщество государств и народов? Не будем гадать. Но обязаны помнить, что именно сегодня закладываются основы будущего. И наш долг — сохранить нашу непоторимую цивилизацию, саму жизнь на Земле, добиться торжества разума над ядерным безумием, создать все условия для свободного и всестороннего развития человека и человечества. (Продолжительные аплодисменты).

Мы видим: возможность бесконечного прогресса. Сознаем, что обеспечить его нелегко. Нас это не страшит. Напротив — вдохновляет, так как наполняет жизнь высокой гуманной целью, глубоким смыслом!

В Октябре 1917 года мы ушли от старого мира, бесповоротно отринув его. Мы идем к новому миру — миру коммунизма. С этого пути мы не свернем никогда! (Бурные, продолжительные аплодисменты).

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ ОКТЯБРЯ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Я СТР.

Что чувствует человек моего возраста и жизненного опыта в эти торжественные и радостные дни, обратился к участникам заседания член КПСС с 1917 года москвич К. П. Синозерский. Более всего — гордость. Гордость за стойкость, целеустремленность и героизм нашей ленинской партии и советского народа. Октябрь — это все мы, поколения советских людей, живая история страны. Октябрь — это преобразования сегодняшних дней.

Выверенный, точный взгляд на пройденный страной исторический путь, сказал участник штурма Зимнего, дан в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Продемонстрирован реализм оценок каждого периода строительства социализма. Без захваливания, но и без умаления силы нашего общества. Мне, как и всем ветеранам партии, радостно видеть, что возвращаются ленинский стиль руководства, ленинские традиции целеустремленности, реализма, опоры на творчество масс.

О высоком патриотизме советских людей, который помог выстоять в годину военных лихолетий, победить разруху, голод, восстановить народное хозяйство, достичь нынешних высоких рубежей во всех сферах жизни нашего общества, говорили руководитель бригады слесарей-сборщиков производственного объединения «Ленинградский металлический завод», дважды Герой Социалистического Труда В. С. Чичеров, президент Академии наук СССР Г. И. Марчук, бригадир комплексной бригады шахты «Молодогвардейская» производственного объединения «Краснодонуголь», Герой Социалистического Труда А. Я. Колесников, директор пляжевой средней школы Латвийской ССР Э. Я. Купчя. Ораторы рассказали о том, как сохраняют и приумножают традиции Великого Октября, участвуя в сегодняшних революционных преобразованиях, все поколения нашей многонациональной Отчизны. Демократизация, гласность, экономические методы управления, отмечали они, возвращают трудящимся реальное чувство хозяина страны.

Творческое освоение наследия Октября, подчеркивали выступавшие, позволит лучше использовать неисчерпаемые силы социалистического строя, теоретическое богатство научного коммунизма в решении сложных задач ускорения и перестройки.

Участников и гостей Торжественного заседания приветствовали Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Государственного совета ПНР Э. Ярузельский, Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонекер, Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак, Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Ж. Марше. В приветствиях отмечалось, что Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала коренной перелом в мировой истории, кардинальным образом повлияла на дальнейшее развитие человеческого общества, ускорила его прогресс. Сама Страна Советов за 70 лет превратилась в современную социалистическую державу с могучим экономическим и научно-техническим потенциалом, огромным международным авторитетом.

Подчеркивалось, что реализация ленинской идеи мирного сосуществования государств с различным социальным строем в наш ядерный век приобрела особое значение. Жизнь и безопасность народов сегодня все теснее связаны в мировом масштабе. Философия и этика нового мышления о мире, провозглашенная XXVII съездом КПСС, конструктивные советские инициативы находят у мирового общественного мнения все более широкий отклик. Человечество хочет, наконец, жить с чувством уверенности в завтрашнем дне, в мире, свободном от оружия массового уничтожения. Это — реальная цель. Первый шаг к ней уже сделан.

Поздравления советскому народу передал Президент Финляндской Республики М. Койвисто.

Под звуки марша в зал вносится флаг легендарного крейсера «Аврора» — священная реликвия нашей революции. Знамя Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Знамя Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, памятные знамена Центрального Комитета РКП(б) и ЦК КПСС. Участники Торжественного заседания пришли приветствовать представители советской молодежи и пионеры.

На трибуне — московский рабочий, член ЦК ВЛКСМ Н. Прохоров. Правда партии и правда народа — одна, неразделима, заявил он. И никто уже не согласится жить по-старому, а молодежь в особенности. Жить по-новому — это наука сложная, и мы обязаны ею овладеть: на производстве — работа на совесть, в учебе — старательность и даже одержимость, в семье — нравственная чистота, любовь к детям, к жене, к родителям. В гражданской позиции — патриотизм, честность и смелость.

Мы понимаем — право быть лидером молодежи не дается, его надо завоевывать своими поступками, своими делами. Только так можно стать опорой партии. Молодое поколение готово отдать энергию и жар своих сердец борьбе за осуществление исторических решений XXVII съезда партии. Позиция комсомола, всей советской молодежи однозначна: перестройка — это наша часть революции! Мы готовы, заявил молодой коммунист, продолжить подвиг ветеранов партии, участников гражданской и Великой Отечественной войн, всех поколений советских людей, превративших нашу страну в могучую социалистическую державу.

Пионеры вручили членам президиума Торжественного заседания цветы.

3 ноября заседание продолжало работу.

«МЫ — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ЗЕМЛИ»

ГЛАЗ поневоли привыкает к этим темно-зеленым томам с золотым тиснением — таково оформление нового, третьего издания «Большой серии» знаменитой «Библиотеки поэта». Их пока немного. Но как бы ни выстроилась в будущем их шеренга, достойное место будет занимать в ней только что вышедший том под названием «Октябрь в советской поэзии».

Материал в этом томе (составление, подготовка текста, примечания и биографические справки И. Кудровой, Н. Кузнецовой, Л. Чащиной, вступительная статья Г. Филиппова) поистине богатейший. Конечно, здесь — Маяковский, его грохочовая «Ода революции»:

Тебе,
освистанная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъязвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над ругаемью реемой
оды торжественное
«О»!

И его же «Октябрь. 1917—1926». И всегда актуальное «Не юбилейте!». И отрывки из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо».

А рядом — «Скифы» и «Двенадцать» А. Блока, «Юрденская голубица» С. Есенина, «Проводы» Демьяна Бедного, стихи пролетарских поэтов М. Герасимова и Н. Полетаева, утонченного эрудита В. Брюсова, написанные по горячим следам событий «Декреты» А. Крайского и «высокое косноязычье» В. Хлебникова:

Вихрем разумным, вихрем единым
Все за богиней — туда!
Люди крылом лебединым
Знамя пронесут туда.

В этом большом сборнике оказываются плечом к плечу поэты, по-разному относившиеся друг к другу в жизни, по-разному оценивавшие творчество друг друга, но единые в своем восприятии великого обновления мира. Мы справедливо критиковали и критикуем стихи конъюнктурные, написанные равнодушным пером к той или иной дате, но разве можно отнести к их числу большое стихотворение Б. Пастернака «К Октябрьской годовщине» (1927), осмысливающее революцию на уровне высокой философии:

Однажды мы гостили в сфере
Преданий. Нас перевели
На четверть круга против зверя.
Мы — первая любовь земли.

Широко представлены в книге поэты народов СССР.

Мчись ураганом вперед,
дорогой борьбы, что к свободе ведет,—
революция!
К твоим ли приношу я
последнюю лепту
в борьбе сгорающей жизни:
все — от тебя,
все — для тебя!

— писал 13 мая 1919 года под Луцком эстонец Х. Пегельман. А в 1918 году сказал на молдавском «Марсельезы» свой «Марш свободы» таджик С. Айни:

О рабы! Подымайтесь из праха,
Красным знаменем мир озарю!
Сбросьте иго покорства и страха —
Засияла свободы заря.

В книге «Октябрь в советской поэзии» — пять разделов: 1917—1921, 1922—1940, 1941—1945, 1946—1966, 1967—1987. Такое построение помогает проследить, как жила и развивалась в советской поэзии октябрьская тема, как находило в ней каждое поколение свои, близкие ему грани.

«Авроры», залп!
Встают с дрожьльем села,
Но это ж началось в минуту ту,
Когда радищев обшлагом намокла
Утер слезу.
Увидев сироту,

— писал в 1959 году Е. Винокуров.

А. Твардовский и Я. Смеляков, И. Сельвинский и Л. Мартынов, Е. Евтушенко и А. Вознесенский, С. Нерис и А. Лахути, Максим Танк и Мустай Карим — невозможно перечислить все славные имена, представленные в этой книге, удачно иллюстрированной цветными и черно-белыми воспроизведениями революционных плакатов, «Окон РОСТА», афиш литературных вечеров. Может быть, стоит пожалеть о том, что тех или иных ярких поэтических строк не оказалось в ее составе. Или, наоборот, — что включение того или иного стихотворения не так уж обязательно. Но это естественно: тема революции в поэзии необъятна.

Ф. ИЛЬИН

ТВ 7×7

● КАКИЕ ТРИ ПЕРЕДАЧИ ПРОШЕДШЕЙ НЕДЕЛИ ЗАПОМНИЛИСЬ ВАМ ОСОБЕННО И ПОЧЕМУ!
● ЧТО ВЫЗВАЛО ВОЗРАЖЕНИЯ!

МНЕНИЯ писателей

Накануне 70-летия Великого Октября мы попросили оценить недельную программу Центрального телевидения «экспертов» из семи союзных республик нашей многонациональной Родины.

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ
(МИНСК)

● Ошеломил художественно-публ

70 × 1917–1987

Что тебе снится, крейсер «Аврора»?..

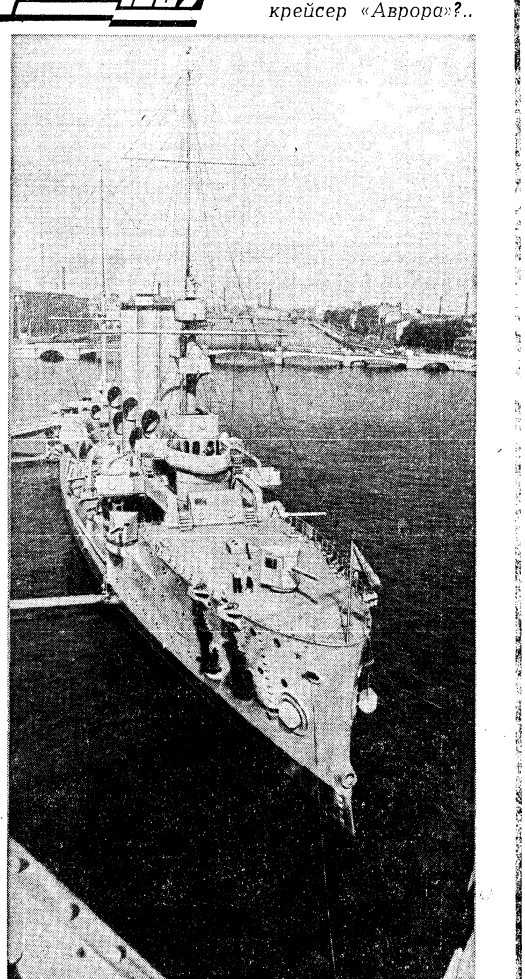


Фото В. ГОЛУБОВСКОГО

БЕСЕДА

за рабочим столом

Юрий ПОМПЕЕВ:

ИСТОРИК ДОЛЖЕН ЗНАТЬ...

«Казалось сначала, что речь в «Февральском вихре» идет о фактах достаточно известных. Однако глубина проникновения в материал, отделенный от нас многими десятилетиями, и редкая способность передать то таинственное и ускользающее, что весьма привлекательно именуется запахом времени, и свежесть взгляда и умение перешагнуть за привычные позволяют увидеть второй, третий слой, обнаружить новые и неожиданные свойства материала, который прежде казался хрестоматийно очевидным...» — такое письмо поступило от костромского историка Г. Голикова в адрес Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», выпустившего недавно в одной книге «диалогию о революционных событиях» Юрия Помпеева — «Февральский вихрь» и «Эти великие полгода». Теперь можно говорить уже о трилогии: журнал «Звезда» в девятом номере начал печатать новую работу известного литератора-документалиста — «романхронику» «Октябрь семнадцатого», публикация которого рассчитана до конца года — юбилейного, семидесятого — и уже семьдесят первого — года Великого Октября.

— Юрий Александрович, и в самом деле: что побудило вас, писателя, всегда занятого самыми жгучими проблемами современности, обратиться к этому материалу? Ведь об Октябре и его предыстории написано и впрямь немало. Был ли у вас какой-то особый повод, изначальный толчок?

— Был повод, был толчок. И, надо сказать, исходил он как раз от нашей современности, правда, теперь уже тоже ставшей историей — почти двадцать лет прошло. Я много занимался ленинградскими заводами: Кировским, Металлическим, Невским. В то время еще можно было встретить довольно много ветеранов, имевших касательство к заводской жизни революционных лет, — иные были детьми, подростками в рабочих семьях. Вы боргской стороны, Нарвской и Невской застав, иные — сами уже мастеровыми. И был взлет интереса к революционной истории питерского пролетариата — только что миновало пятидесятилетие Октября. Меня заинтересовали заводские «старики»: что уйдет с ними, что останется? Как формировались их судьбы, убеждения, характеры? И вообще: как все это было? Как происходила, в частности, национализация предприятий? Как формировалось и начинало действовать рабочее самоуправление? Как работали расценочные комиссии? Ответы на многие вопросы — или по крайней мере начатки ответов — я нашел в трехтомнике «Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы» (издательство «Наука», 1967). Этот орган существовал сравнительно недолго — с октября по начало декабря 1917 года, но документов от него осталось много. Нельзя было не удивиться тому, как великолепно в штормовых условиях тогдашнего времени было поставлено в комитете делопроизводство — не в бюрократическом, а в лучшем значении слова, от корня «дело». Аккуратно подшивались — и не просто подшивались, но осмысливались, рождали конкретные решения и меры — все донесения из районов города. Передо мной начинали вырисовываться контуры октябрьского восстания — не как стихийного взрыва, но как дела, творимого и направляемого. Недаром короткую историю Военно-революционного комитета следует, по моему глубокому убеждению, вести от 17 октября — дня, когда на квартире Д. А. Павлова Владимир Ильич Ленин встретится с Н. И. Подвойским, В. А. Антоновым-Овсеенко и В. И. Невским. Интерес к истории для меня — это интерес к личностям, действовавшим на ее сцене. Постепенно в моем сознании выкристаллизовались пять фигур, вызывавших наибольший интерес. Это упоминавшиеся Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко, а также П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко. И, конечно, прежде всего — грандиозная фигура Ленина.

— Но в первых двух частях вашей работы люди, о которых вы говорите — за исключением, разумеется, Ленина, — не занимают большого места...

— Естественно. Это — деятели Октября. Но в процессе работы я понял, что в октябрьских событиях невозможно разобраться без анализа событий предшествующих: без Февраля и того, что было непосредственно перед ним. Документы уводили меня все дальше в глубь истории. Так и получилось, что первая книга началась с события вроде бы эпизодического в общем ряду, но мне представляющегося ключевым: приезда в Петроград французского президента Пуанкаре и его встречи с Николаем II.

К книге и документам пришлось прочесть действительно много. Это прежде всего источник информации и доказательств, начиная, конечно, с ленинских трудов. Замечу, однако, что порой приходилось обращаться к первым изданиям Собрания сочинений В. И. Ленина, а не к последнему, пятому, в котором, при всех его достоинствах, кое-что отсутствует. Например, известное печатное выступление Зиновьева и Каменева, «прославившее» намечаемую дату октябрьского восстания, а также их заявление в ЦК от 16 октября 1917 года прежде публиковалось в разделе примечаний, а теперь — нет. Приходилось сверять по более ранним публикациям и некоторые мемуарные материалы. Например, известные воспоминания Эйно Рахьи о его пути вместе с Лениным от Сердобольской улицы в Смольный с каждым новым изданием все более стерилизовались. Куда-то исчезла даже конспиративная повязка под предлогом «больных зубов», которой воспользовался Ильич: считалось, очевидно, что такая деталь чем-то снижает великий образ.

Второй важный «класс» источников составили материалы, в изобилии публиковавшиеся у нас после революции. Это в известной мере и художественные произведения, порой незаслуженно забытые — такие, как роман А. Никулина «Адъютанты господа бога» (о Распутине и распутинщине), как «Накануне. 1917 год» С. Мстиславского, но в первую, конечно, очередь архивные материалы. Тогда ведь все партийные журналы широко давали публикации из архивов, существовал и специальный журнал «Красный архив». К сожалению, потом эта традиция прервалась, нынешний журнал «Советские архивы» в основном занимается глубоким прошлым и пробел явно не восполняет. А ведь публиковались там вещи поистине бесценные. К примеру, мне позарез понадобился однажды протокол бурного заседания ЦК 15 сентября 1917 года — того, где обсуждались ленинские письма «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». Есть сведения, что протоколы за февраль—сентябрь выходили особой брошюрой, но она практически была недоступна. А в «Красном архиве» за 1922 год нахожу то, что мне нужно. Совершенно свободно и доступно!

Вообще о доступности тех или иных публикаций надо сказать особо.

Вот, например, Милюков. Он ведь оставил мемуары, существуют они в разных редакциях. Для нас относительно доступны ранние публикации. А самые поздние страницы, написанные в 1943 году в Монтепле под Парижем и выпущенные, если не ошибаюсь, в пятьдесят шестом, наиболее самокритичные, наиболее поучительные, можно прочесть только за границей.

Разумеется, я назвал далеко не все источники, которыми пользовался. Хочу только заметить, что, кроме наших, советских хранилищ, мне удалось поработать в Финляндии, в Хельсинки, где финские товарищи весьма помогли мне.

— Несколько неожиданно на страницах ваших работ довольно большое место занимают имена людей, сравнительно мало известных широкому кругу читателей: А. Г. Шляпникова, чье имя нашему поколению запомнилось, пожалуй, только по списку одной из разгромленных оппозиций, профессора-железнодорожника Ю. В. Ломоносова.

— Не только в прошлом, но и в наше время существуют фигуры и события, обойденные вниманием историков. Причины порой сугубо житейские. Известно, например, что В. И. Ленин считал не вполне верным шагом провозглашение недолго просуществовавшей «Кронштадтской республики». А раз так—значит, нечего и заниматься ею и ее руководителем Семеном Рошалем, для диссертации материал не выигрышный. Шляпникова Ленин тоже критиковал. И немудрено: в те годы едва ли кто мог видеть так далеко и глубоко, как Ленин. А роль А. Г. Шляпникова, представителя Русского бюро ЦК, была тем не менее велика. Юрий Владимирович Ломоносов, в решающий час взяв на себя руководство движением на железных дорогах, не допустил императорский поезд в Царское Село, а воинским эшелонам генерала Иванова не дал продвинуться дальше Гатчины. Впоследствии профессор Ломоносов активно работал в советских учреждениях внутри страны и за рубежом. А его дневник, изданный в свое время в Берлине, я нашел в библиотеке Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта.

— Читал эти страницы и думал: вот увлекательнейший сюжет для исторической пьесы! Кстати, в подзаголовке ваших произведений вы пишете: роман-хроника. Почему «роман»? Значит ли это, что в ваших работах наряду с документом присутствует и домысел?

— Ни в коем случае! Слово «роман» в данном случае означает прежде всего сюжетность. Только сюжет здесь не придуманный, а выстроенный самой жизнью, историей. И еще: роман предполагает объемность, панорамность изображения, к чему я сознательно стремился.

— Но все-таки порой — хоть и очень редко — вы решаетесь воспроизводить, скажем, ход мысли Ленина. Или монолог, который явно не стенографировался...

— Все это так или иначе опирается на документальную основу. Не забудьте, что перед публикацией моя работа прошла положенную научную экспертизу в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Такая экспертиза безусловно необходима: слишком ответственна тема, чтобы допускать малейшую отсебятину.

Впрочем, процесс уточнения деталей продолжается и сейчас. Так, один читатель, военнослужащий, откликаясь на публикацию в «Звезде», подсказал мне, что М. И. Калинин был в свое время не председателем Лесновской думы, а председателем управы — своего рода исполкома. Мелочь, казалось бы: Лесновская дума была даже не районной, а подрайонной (районной считалась Выборгская), так ли уж важна такая подробность, как наименование выборной должности? Но я непременно внесу поправку в отдельное издание. В таком материале, как история нашей великой революции, 70-летие которой мы отмечаем, нет и не может быть мелочей.

Беседу вел И. СОНЯКОВ, соб. корр. «ЛГ» по Ленинграду

СТЕНОГРАММА «ЛГ»

Сегодня мы завершаем публикацию докладов, произнесенных на состоявшейся 1—3 октября с. г. в Ленинграде Всесоюзной творческой конференции «Великий Октябрь: социалистический интернационализм, советский патриотизм и современная литература». Напоминаем, что доклады публикуются в сокращении.

Игорь ДЗЕВЕРИН

ПРОБЛЕМА ПАРТИЙНОСТИ И ЛИТЕРАТУРА НАШИХ ДНЕЙ

Подчеркивая мысль о новаторском характере литературы, рожденной Октябрем, мы тем самым, разумеется, ни в коей мере не умаляем значения преемственной связи между нею и всем, что было создано художественным гением русского народа, других народов нашей страны, народов мира в досоциалистическую эпоху, и в первую очередь — великими завсеваниями «старого» реализма. Важно лишь до конца ясно понять, что советская литература выросла не просто на основе, как обычно говорится, «дальнейшего развития» традиций классики, но явилась, по сути, качественным скачком в художественной истории человечества, ибо она осваивает и перерабатывает эти традиции согласно известному ленинскому определению *«с точки зрения* мировоззрения марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры».

А отсюда со всей очевидностью следует, что началом начал советской литературы как литературы, реализм которой оплодотворен социалистической идеологией, является ее коммунистическая партийность. Ведь в пафосе партийности, пронизывающем произведения творцов этой литературы, в осознанной защите ими идей политического авангарда рабочего класса и находят свое конкретное проявление их марксистско-ленинские убеждения. И именно партийная позиция художников — социалистических реалистов наполняет качественно новым, существенно обогащенным смыслом те коренные понятия, которыми мы оперируем при характеристике и оценке заслуг прогрессивного искусства прошлого, такие, как правдивость, идейность, народность, гуманизм.

Вот почему и в наши дни, по прошествии свыше восьми десятков лет со времени появления статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» в которой был выдвинут и обоснован принцип коммунистической партийности художественного творчества, принцип этот остается главнейшим и надежнейшим идейно-эстетическим ориентиром для искусства социалистического реализма, искусства, на практике продемонстрировавшего свою поистине революционную силу.

Вот почему закономерен также тот повышенный интерес, который всегда вызывала и продолжает вызывать проблема партийности у советских, и не только советских, литературоведов и искусствоведов. Здесь можно было бы назвать не один десяток содержательных монографических исследований, тематических научных сборников, а также множество публикаций в периодической печати (что касается последней, правда, то журналы и газеты пишут о ленинском принципе партийности в основном лишь раз в пять лет — в дни круглых юбилеев статьи «Партийная организация и партийная литература», увидевшей свет, как известно, в 1905 г.). Среди новейших, появившихся в 80-е годы работ на эту тему, которые заслуживают быть отмеченными, книги и статьи Ю. Барабаша, Б. Воробьева, В. Дмитриева, Д. Донского, А. Деемова, А. Дубровина, А. Иезуитова, Г. Куницына, Г. Ломидзе, Ю. Лукина, Д. Маркова, П. Николаева, В. Новикова, Л. Новиченко, В. Озерова, Н. Потапова, Ю. Суровцева, Д. Урнова, И. Черноуцана, В. Щербины...

При всем том, однако, не может не тревожить одно обстоятельство, на которое обратил внимание в своем докладе на состоявшемся не так давно пленуме совета по критике и литературоведению СП СССР его председатель Ал. Михайлов: «Приходится слышать, что за последние годы критика упустила из поля зрения социологические критерии искусства, такие, как народность, партийность, социалистический реализм. Упрек надо принять. И в то же время необходимо сделать следующее разъяснение: по всем этим проблемам написаны многочисленные статьи и монографии, проводились дискуссии. В чем же дело? Дело в том, что образовался разрыв между теорией и литературно-критической практикой, который замечен и на который указывается справедливо». Да, справедливо. Есть все основания утверждать: в последнее время наша литературно-художественная критика (не в счет сейчас то, что входит в ее «актив», ее лучшие образцы) претендует на право обходиться в своих оценочных суждениях как раз без критерия партийности, подменяя его тоже очень важным, но отнюдь не столь же конкретным — и в историческом, и в теоретическом плане — критерием гражданственности. Имеется в виду вовсе не то, что в критической литературе, в частности, и в особенности в рецензиях, весьма и весьма редко встречается термин «партийность», хотя, вообще говоря, и это достаточно примечательно. Само содержание, к примеру, тех же рецензий мало проясняет либо совсем не проясняет, сколь отчетливо автор анализируемого произведения сознает и обнаруживает свою принадлежность не к чему иному, как к «общепролетарскому делу», то есть в какой мере поднимается он до наивысшего выражения истинной гражданственности — «открытой, честной, прямой, последовательной партийности...» (В. И. Ленин).

Впрочем, сказав, что критика нынче «претендует» на отказ от оценок художественных явлений под углом зрения партийности я выразился не совсем точно, так как нисколько не хотел приписать всем нашим исследователям современной литературы сознательное нежелание быть партийно четкими в своей деятельности, а исходил лишь из объективных результатов. В конечном же итоге речь идет о научно-теоретической безоружности критиков, что и не позволяет им предметно и доказательно говорить о партийности того или иного произведения, о степени проявления ее в этом произведении.

И, думается, наша эстетическая теория не становится тут подспорьем для критиков главным образом потому, что она недостаточно внимательно учитывает материал сегодняшней творческой практики советской литературы и искусства, художественной культуры других социалистических стран. В своих научных изысканиях, посвященных проблеме партийности, мы нередко продолжаем, от чего настойчиво предостерегал марксистов Ленин, «цепляться за теорию вчерашнего дня...».

Безусловно, на протяжении всей истории искусства социалистического реализма его идейно-эстетические принципы оставались неизменными в своей основе, четко очерченными в своем внутреннем содержании. Но они не превратились и в некие догматические, застывшие каноны, постоянно эволюционируя вместе с эволюцией самого эстетического самосознания социалистического общества. Это полностью относится и к принципу партийности. Факты показывают, что на каждом историческом этапе развития нашего общества особое значение приобретают, можно сказать, начинают жить новой жизнью определенные грани как партийности, так и других основных творческих принципов, исповедуемых советской литературой и искусством. Стало быть и к этим принципам необходим конкретно-исторический подход.

Сегодняшняя советская литература движима (что было определяющим для ее облика и всегда) творческим, соответствующим духу и запросам времени пониманием своего партийного долга. В этой связи и в первую голову надо сказать о следующем. Поиски коммунистической партийности литературы и искусства означает, по Ленину, их сознательное служение коренным интересам рабочего класса, с которыми совпадают и коренные интересы всех трудящихся. Но Ленин подчеркивал также, что «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата...» и что, следовательно, свою всемирно-историческую миссию пролетариат осуществляет лишь тогда, когда он осознает свои классовые цели и как цели **общечеловеческие.** Современная трактовка категории партийности предполагает акцентирование именно этой стороны дела, касающейся диалектики классового и общечеловеческого в искусстве. На встрече с участниками «Иссык-Кульского форума», состоявшейся в октябре прошлого года, М. С. Горбачев говорил: «В. И. Ленин в свое время высказал мысль колоссальной глубины — о приоритетности интересов общественного развития, общечеловеческих ценностей над интересами того или иного класса. Сегодня, в ракетно-ядерный век, значимость этой мысли ощущается особенно остро». Значимость этой ленинской мысли остро ощущается и нашей сегодняшней литературой.

Сейчас, как никогда прежде, писателя волнуют глобальные проблемы человеческого бытия, постоянно посещают думы о самом смысле жизни человека на земле, о его физической смертности и духовном бессмертии. Айтматовская «Плаха» — не единственный, хотя и очень показательный тому пример. А резкий поворот литературы наших дней к нравственно-психологической проблематике! Он тоже является приметой времени и тоже убедительно свидетельствует: и исследуя «родовую сущность человека» (Маркс), а не только непосредственно обращаясь к проблематике социальной, художник может действенно служить коммунистическим идеалам. Ведь даже пейзажная или интимная лирика не представляет собой некую зону, где царит искусство, свободное от каких-либо «наслоений» социальности. Конечно же, было бы явной вульгаризацией искать в произведениях подобного типа выражение не только общегуманистической, но именно и собственно партийной позиции их авторов. Однако не очевидно ли вместе с тем, что, воспевая красоту родной природы, утверждая моральную чистоту отношений между людьми и т. п., художник своим творчеством так или иначе способствует достижению той цели, которая является одной из программных для нашей партии,— воспитанию гармонично развитой личности?

Пафос защиты общих для всего человечества интересов и ценностей, с особенной силой звучащий ныне в советской литературе и искусстве, не должен тем не менее, это понятно, и в малейшей мере «заглушать» органично присущий им пафос последовательной классовости. Как не должна и наша критика отказываться когда бы то ни было от социально-классовой оценки художественных явлений.

Скажем, очень нужное и благородное это дело — ликвидация «белых пятен на карте отечественной литературы, введение в наш культурный оборот неоправданно изъятых из него имен и произведений. В частности, в условиях перестройки стало возможным приобщение читателей к творчеству тех писателей, которые, несмотря на противоречивость своих мировоззренческих позиций (а то и неприкрыто враждебное отношение к революции, к социализму), обогатили искусство слова несомненными эстетическими ценностями. Но далеко не всегда публикация произведений таких писателей сопровождается подлинно объективным анализом этих произведений, анализом, необходимо предполагающим, помимо всего прочего, выяснение того, взгляды какой социальной группы, какого класса отстаивает автор.

И еще на одном из моментов, характеризующих особенности функционирования принципа партийности художественного творчества в современных условиях, следует хотя бы кратко остановиться.

В ленинской статье «Партийная организация и партийная литература» со всей определенностью было сказано о том, что в литературном деле «безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию». И семидесятилетний исторический опыт советской литературы доказывает, что ей никогда не было свойственно, вопреки утверждениям буржуазной и ревизионистской эстетики, культивирование ни проблемно-тематического, ни формально-стилевого однообразия. Но в наше время писатель сталкивается с невиданно усложнившейся действительностью, с резко обострившимися противоречиями социального развития и имеет дело уже с широким читателем, который богат духовно, глубоко мыслит и тонко чувствует. А это диктует писателю необходимость поиска новых творческих средств и приемов для того, чтобы не только отобразить во всей сложности, многогранности окружающую жизнь, но также с предельной ясностью «высказать» свое отношение к отображаемому, то есть и необходимость поиска наиболее продуктивных форм выражения своей идейной, партийной позиции.

Казалось бы, сегодня на первый план в нашей литературе может выдвинуться по-этому публицистическое начало. Но «предельно ясное» изъявление автором своих убеждений — это отнюдь не обязательно его открытый разговор с читателем. С другой стороны, неправомерно было бы возводить в норму и объективный, внешне беспристрастный способ изображения жизни. Не говоря уж о том, что литература знает жанры, для которых характерно как раз непосредственное присутствие авторского голоса (это, например, гражданская лирика), публицистическое начало приобретает большой удельный вес в произведениях и тогда, когда автор как бы не может сдержать обуревающие его чувства и стремится немедленно заразить ими читателя.

С этой точки зрения представляются не всегда обоснованными бросаемые критикой ряду писателей, которые выступили в последние годы с острыми, затрагивающими болевые точки нашего существования произведениями, упреки в «излишней» публицистичности. Не могу безоговорочно согласиться и с выводом, сделанным в интересной статье И. Дедкова «Литература и новое мышление»: «Перевес публицистической мысли над художественной, обнаруженный критикой в некоторых популярных произведениях 1985—1986 годов, оказался не авторским просчетом, не временем, не литературного этапа, а скорее признаком какого-то смятения перед реальностью». Только ли «какое-то смятение перед реальностью», а не такое (если не прежде всего) возмущение, гнев, вызванные созерцанием зла, вольготно чувствующего себя в этой реальности, заставило, например, автора «Пожара» или автора «Печального детектива» обратиться к взволнованной публицистической речи?..

Таким образом, при рассмотрении вопроса о формах выражения исходной идейной позиции автора художественного произведения неправильно было бы отдавать предпочтение какой-либо одной из этих форм. В конечном же счете все тут зависит от целевой установки автора и манеры его письма.

Коммунистическая партийность... Понятие, которое изначально определяло и сегодня определяет путь развития советской литературы. И понятие, которое, что греха таить, нередко звучало и подчас звучит еще лишь как некий декларативно-риторичный лозунг, отчего оно словно бы потускнело в нашем сознании...

Не настало ли время «снять» заставить заново» это высокое понятие?

Ода Октябрю

Пройдённый путь
в свидетели беря,
Душевно молодею и яснею.
Я, как питомец эры Октября,
Горжусь
своим ровесничеством
с нею.

Октябрь,
Ты гений Ленина в борьбе
За нашу явь, впервые с сотворенья.
Ты узы братства
В людях и в себе
И круг забот
на жизненной арене.

Октябрь,
Ты всюду с нами и со мной,
Ты приобщенье
к самым дерзким планам.
И нам не нужно участи иной,
Чем стать страной примера
Всем землянам.

У ПОЛКИ НОВИНОК

Сергей СМИРНОВ

Мы знаем, что такое фронт и тыл,
Трудов и битв
итоги и детали.
Пусть будет космос
форумом светил,
А не средой
Для ядерных баталий.

Шагай, наш праздник,
щедрый, трудовой,
И славен будь в своей заглавной роли.
Ты стяг гостеприимства над Москвой
И жар страды
в любом цеху и поле.

И чтоб сюда
незвано не пошли
Недружелюбцы в агрессивном раже —
На страже
вся шестая часть Земли,
И сам Октябрь
Гвардействуют
на страже.

У нас
свой образ жизни,
Цель
И стать,
За все в ответе
Мы, отцы и дети.
И не дадим
людскому роду
стать
Последним поколеньем
На планете!

Магнит Подмосковья

Панфиловцам

Сказал таксисту:
«Прокати в бессмертье», —
И объяснил координаты все.
Сошел на сорок первом километре
У обелиска около шоссе.

Вот здесь
стояли насмерть мы когда-то
И вражью спесь сводили до нуля.
Отсюда с прахом нашего солдата
Ушел потом эскорт к стене Кремля.

Тут из земли взъяты бомбы, мины.
Обезопасен каждый дот и дзот.
И веет зноем,
пашней,
духом тмина
От полевых угодий и высот.

Здесь жаворонки
Славят мирозданье
И урожаем полнится причал...

Спасибо, Подмосковье,
за свиданье
С бессмертием
Моих однополчан!

Царь-пушка

Есть у нас в Кремле на видном плане
Пушка бесподобная одна.
Не грозит,
не бредит полем брани,
Не стремится властвовать она.

Неподвластна воле бомбардира,
Непричастна к бойству канонад.
Русская
Царь-пушка,
Пушка мира, —
Вековой
Наглядный экспонат!

Колокольцы-своевольцы

Конь, да сани,
да седая
Даль под высью голубой.
Колокольцы, дар Валдая,
Гомонят наперебой.
Мчусь,
где шествовал, бывало,
В чине гвардии стрелка.
Здесь исток облюбовала
Волга, матушка-река.

Здесь мы лезли сквозь болота,
Без дорог и даже троп.
Здесь крушили вражьи доты,
А врага
вгоняли в гроб.

Здесь находки и потери
В наступательном строю.
Здесь
обрел на Селигере
Я избранницу свою.

Ой, как трудно быть счастливым,
Грусто-печально
из сердца вон!..
Колокольцы
с переливом
Долго-долго
Держат звон.

В звоне удаль молодая.
Звону внемлешь не дыша.
Колокольцами Валдая
Очарована
Душа!

Бескрылая краса

Приручённые
черные лебеди,
Вас не манят маршруты на юг.
Вам —
в фонтанном и лиственном
лепете
Создают
Персональный уют.

Вас природа не мучает бедами,
Ибо домик похож на броню.
И полеты
вам стали неведомы
От избытка курортных меню.

Неужели вы небо оставили,
Украшеньем двора становясь?
Неужель
с быстрокрылыми стаями
Обрывается кровная связь?

Деко зовет вас
в сиянье и трепете
На раздолье озер и морей,
Приручённые
черные лебеди,
Улетайте как можно скорей!

От чистого сердца

Крестьянин Гавриил Яковлевич Бахаров был неизменным спутником поэта Н. А. Некрасова, когда тот приезжал в Ярославию на охоту. Ему посвящена поэма «Коробейники».

Следопыт деревни Шоды
Был с Некрасовым знаком
И в охотничьих походах
Звал напарника дружком,

За вниманье благодарен,
Изъяснялся в простоте:
«Дорогой ты мой боярин,
Ретивое рвется к те!»

Эти чувства и сегодня
Всем некрасовцам к лицу —
В ярославские угодья
Едем к русскому певцу.

Клокочи, огонь глагола,
Осеняй и радуй нас:
Мы — некрасовская школа,
Нам Карабиха — Парнас.

Тут стоянка для Пегасов,
Как на высшей высоте.
Дорогой ты наш Некрасов,
«Ретивые
рвутся к те!»

Рецензирует

«Я ВЕТВЬ МЕНЬШАЯ ОТ СТВОЛА РОССИИ...»

ЗНАКОМЫЕ с детства «Стихи о советском паспорте», открывающие этот сборник, послужили ему своеобразным развернутым эпиграфом. Однако это не означает, что в него включены лишь ораторски-публицистические стихи, чего можно было бы ожидать от книги, издание которой приурочено к 70-й годовщине Октября и рождения новой России. К чести издателей «Россиян», они поняли свою задачу достаточно широко и современно. Действительно, не каждому поэту «впору» жанр поэтической публицистики, не всем присущ почерк «агитатора, горлана-главаря» просто в силу индивидуальных свойств дарования. Большинство представленных в сборнике поэтов могло бы вслед за Александром Трифоновичем Твардовским если не вслух повторить, то по крайней мере мысленно произнести:

Не белоручка и не лодырь,
Своим ничащийся пером,—
Стыжусь торчать с дежурной одой
Перед твоим календарем.

По существу, перед нами поэтическая антология. И стихи в ней самые разные, нет среди них лишь «дежурных од». Есть здесь мысли о стране и ее судьбе, испытующе тревожный взгляд в историю в надежде через

В преддверии 70-летия Великого Октября мы попросили трех исполнителей роли В. И. Ленина в театре и кино поделиться своими мыслями о работе над великим образом. Сегодня на нашей полосе выступают:
Александр КАЛЯГИН,
Кирилл ЛАВРОВ,
Михаил УЛЬЯНОВ.

Так победим!

А. Калягин. Интересно, раньше кому-нибудь из вас приходила мысль — сыграть Ленина?

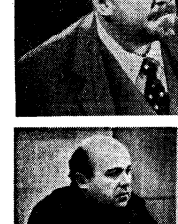
К. Лавров. Она возникла со стороны. Году в шестидесятом режиссер Анатолий Рыбаков, ныне покойный, ставил на «Мосфильме» картину «В начале века» — о первых годах революционной деятельности Ильича и пригласил меня на пробу. Гримировал Антон Иосифович Аджан.

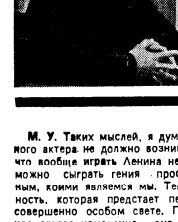
М. Ульянов. Знаменитый. Он еще со Щукиным работал.

К. Л. Да всех он гримировал... Аджан посадил меня в кресло, приложил бородку, усы: все в зале зашептались, заохали: «Похож, похож...» Я затрепетал весь: похож! Потом он сказал: «Теперь все уходите—буду работать». Часов шесть работал, и с каждой минутой я становился все меньше и меньше похож. Конечно, не утвердили... В роли молодого Владимира Ильича тогда впервые снялся Юрий Каюров. И я посчитал, что это для меня навсегда закрытая тема. Вот почему, когда Виктор Трегубович стал снимать «Доверие» и пригласил меня на пробы, я категорически отказался. Он долго уговаривал, наконец я сказал: хорошо, только пусть гример придет в театр, быстренько загримирует, фотограф щелкнет, и ты поймешь, что — бессмысленно. Так и сделали: приехал мальчик, «Как вас зовут?» — «Вадик». — «Вадик, имейте в виду: совершенно бесперспективное занятие. Давайте быстренько, раз я обещал». Он так и сделал, еще кисточкой поводил: чтоб парик не надевать, надели первую попавшуюся кепку: фотограф щелкнул... А через неделю я получил телеграмму Госкино с красным грифом: поздравляли с утверждением на роль.

Для меня это оказалось полной неожиданностью, к роли Ленина я не считал себя готовым и дико перепугался. Большим подспорьем, правда, было то, что с темой я в какой-то мере познакомился еще до того в нашем спектакле на Малой сцене — «Защитник Ульянов», где я играл молодого Владимира Ильича.

Так что, возвращаясь к вопросу: о роли Ленина я, конечно, не мечтал.





М. У. Таких мыслей, я думаю, ни у одного актера не должно возникать. Потому что вообще играть Ленина нельзя. Невозможно сыграть гения простым смертным, коими являемся мы. Тем более личность, которая предстает перед нами в совершенно особом свете. Гений — нечто другое измерение, оно нам неподвластно. А мы начинаем мерить его на свой мирской аршин. Иногда понимая, что мирской, а иногда считая «свой аршин» единственной мерой в искусстве. Что совсем уж глупо.

Но раз существуют драматургическая Лениниана и театральные версии знаменитых исторических дней и эпох, то, когда актеру поручают роль Ленина, он приступает к работе, хорошо понимая всю тщетность своих усилий. В этом смысле, подходя к великому образу со своим актерским мерилом, я лично ощущаю свою полную... я бы сказал так: полную растерянность перед тем, с чего начинать.

Как подойти к воплощению характера? Как отобразить величие Ленина, его ум, его стратегическую и тактическую гибкость, его пронзительное антидогматическое житие — вообще, в принципе? Я льщу себя надеждой отобразить лишь какую-то грань характера. Только грань.

К. Л. В работе над образом Владимира Ильича у всех были какие-то одинаковые этапы: чтение ленинских работ, воспоминаний о нем, посещение музеев. Но вот, скажем, такая простейшая вещь — фотографии. Всем известные, тысячу раз виденные. Я стал их рассматривать через увеличительное стекло. И такой элементарный, казалось бы, чисто механический процесс привел меня к большим открытиям: я увидел ниточки обшарпанных рукавов на пиджаке, пуговицу, которая держится на честном слове... И вдруг я почувствовал в нем живого человека. Не ретушированного, не заглаженного...

Смотрю опять на фото—и вижу удивительно раскованного человека. Тогда ведь процедура фотографирования была довольно сложной и утомительной. К тому же мы, каждый из нас, и сейчас-то, видя на себе объектив камеры, всегда как-то внутренне поджимаемся и стараемся быть красивей, чем есть на самом деле. А Ленин на снимках необычайно прост и свободен, что тоже говорит о каких-то чертах характера. Если он сидит и на спинке дивана лежит рука, она всегда очень легкая, свободная, не напряженная: нет испуганных, застывших глаз — даже с юмором наблюдает процесс съемки...

Современники вспоминают, что Владимир Ильич был необыкновенно контактен, как мы сказали бы сейчас, умел «разговорить» любого, и человек был с ним откровенен, потому что не ощущал своей неполноценности рядом с такой огромной фигурой.

Это простое качество, присущее любому интеллигентному человеку, для меня было очень важно, и его, так сказать, документально засвидетельствовали те же фотографии.

А. К. Вы оба можете сыграть все, но, глядя на вас, вспоминаешь о театральном амплуа «социальный герой». А я и выпускался как комик, и играл комические роли. Роль Ленина — такого даже присниться не могло. Больше того, когда во МХАТе зашел разговор о постановке пьесы Шатрова «Так победим!», я подумал, ну, там-то мне делать нечего, за время репетиции будет возможность сняться в фильме — я давно обещал. Потом все получилось случайно.

Я как-то стоял с приятелем на улице и «голосовал». Такси, понятно, нет. Вдруг останавливается машина, за рулем — Шатров. «Подвезти?» — «Если можно...» — «Подвезу, если вы сыграете Ленина в спектакле «Так победим!». Я опешил... Думаю, глупая шутка — как на нее отвечишь? «Что вы, что вы, Михаил Филиппович...» А потом начались длинные-длинные разговоры. Ефремов как-то пришел — долго говорил, потом завлит Смелянский — тоже очень долго, опять Шатров. Я долго отказывался. Во-первых, потому что не мое — по актерским данным. Во-вторых, боялся повториться — ведь были прекрасные исполнители: Щукин — один из моих любимых актеров, Штраух, Каюров, вы оба... Думаю: никогда я не сыграю. И опыта в таких политических ролях нет — не на что даже опереться. Ну хотя бы мало-мальски. И, повторяю, не мое — ни лица, ничего...

К. Л. А я вот на своем примере понял, что стремиться к фотографической похожести — гиблое дело. Невозможно добиться. Тем более что в таком случае не может быть и речи, чтобы что-то еще пытаться изобразить на лице, играть что-то, потому что все залеплено, вся чужое — только испуганные глаза торчат.

А. К. Но у меня — я говорю о себе — перед глазами стояла образ, созданный Щукиным: там-то Ромм добивался портретного сходства.

К. Л. Просто было более подходящее лицо. Но если откровенно, так он...

М. У. Тоже был не очень похож.

К. Л. Да никто фотографически точно не похож.

М. У. Больше всех — Каюров.

А. К. Он еще и по-новому сыграл.

К. Л. Что очень важно. Почему мне и кажется, что внешнее сходство — не главное. Если удается убедить, что Ильич мог быть таким и люди поверят — значит, удача, но зато тогда остается свобода маневра и возможность жить в образе, не обременяя себя тщетной надеждой добиться полного внешнего сходства. Поскольку и без того задача, которая вдруг встает перед тобой, давит до такой степени, что ты как актер лишаешься возможности свободно и самостоятельно мыслить и работать над ролью. Все время невольно перед глазами какой-то монументальный образ — в бронзе, мраморе, граните, и еще великие щукинскими образцы давят. А это сразу убивает творческую инициативу. Напрочь.

М. У. Мне думается, что Щукин выступил в роли Ленина в первых своих подходах — в «Человеке с ружьем» в театре и в «Ленине в Октябре» и в «Ленине в 1918 году» в кино — как великий актер. Он сыграл не столько, может быть, стратега и тактика, не столько, может быть, вождя, сколько пронзительно живого и обаятельного человека. Если приглядеться сейчас к работе Щукина, то мы увидим: в основном все построено на том, что он действительно живее всех живых, пронзительного обаяния, демократизма и какой-то необыкновенной человеческой светлости. Борис Васильевич сделал это гениально и вошел в историю как первый непревзойденный исполнитель роли Ленина. Беда в том, что последователи Щукина довели эту его линию до абсурда.

К. Л. В театральных и киноработах появилось отношение к Владимиру Ильичу как к божеству.

А. К. Что, кстати, культивировалось и всячески поощрялось.

М. У. Появились какое-то мещанское умиление, облизывание со всех сторон, какая-то сентиментальность, банальность, которые были заложены в драматургии и очень часто в исполнении. Не уважали, в лебезили. И Ильич получился во многих спектаклях и фильмах человеком, приятным во всех отношениях, что не имело ничего общего с реальным Лениным. С великим человеком, который перевернул Россию-матушку. Не мог возглавить революцию человек, приятный во всех отношениях. Ну, не мог! Доходило до абсурда: умилялись тому, что Ильич здоровался с людьми, и это выдавалось за верх демократизма. Хотя вежливость, она естественна для любого нормального человека, тем более для такого культурного и воспитанного в прекрасной демократической семье.

К. Л. Вот почему, вопреки такой традиции, в «Защитнике Ульянове» для меня было самым важным попытаться сыграть человека. Нормального. Не делая из него в житейском плане нечто сверхчеловеческое, не обожествляя. Представить его со своим характером, своими привычками, своим взглядом на вещи. То есть живым человеком.

М. У. У меня было иначе. Ленин — это ведь история. Хотя он и живее всех живых, но существовал-то в определенные годы, в конкретный период нашей советской и мировой истории... Я бы выразился так: в каждой работе я пробую ставить себе какие-то конкретные задачи. Ну, скажем, «Человек с ружьем» в Театре Вахтангова — первая моя работа. Пьеса написана в определенные годы, и многого нельзя было сыграть. Тем не менее — о чем там речь? Об Октябрьской революции. Сейчас мы не можем себе даже представить, какого напряжения всех сил потребовала революция. И не мог Ленин, находясь в гуще Смольного, занятый сотнями неотложных дел, оставаться «просто обаятельным». Это был человек смертельно усталый, нацеленный, как нож. Таким я и попробовал его играть.

«Штрихи к портрету Ленина» — четыре телефильма по сценарию Михаила Шатрова. К сожалению, если судить по многим нашим произведениям, у Ленина на все случаи жизни были готовые ответы. Это другие сомневались, искали какие-то пути, а Ильич, мол, всегда знал верное решение. Отнюдь нет. И ему приходилось искать. То был мучительный процесс размышлений о новой социальной формации, доселе невиданной. Чудовищная жизнь человека, постоянно ищущего выход из ежеминутно возникающих непредвиденных, самых запутанных ситуаций, которых теория предусмотреть не могла: хорошо понимающего, что все сразу не получится. И т. д.

Поэтому в «Штрихах...» для нас главным было показать этот процесс поиска путей, дорог, верных решений — как угодно назовите. Сам процесс поиска.

К. Л. В ВТО в 60-х годах собрали со всей страны актеров, игравших Ленина. В тот период к каждой дате выпускали спектакль, где обязательно должен был появиться Владимир Ильич. И играли его где угодно, кто угодно и сколько угодно. Многие и в ВТО копировали походку Ленина, его речь, картавили. Человек трита съехались. И, говорят, председатель-ствующий сказал, оглядев зал: «А Гамлет не в каждом театре есть...»

А. К. Понятно, как актер работает над ролью: все время, если заражен. Одевается, кушает, идет по улице, слушает радио, говорит с любимой, а думает об одном. С одной мыслью засыпает, с нею же встает. Так и я: бреюсь, смотрю на себя утром в зеркало — и так сделаешь, и так. Картавить пробовал «пластиночным» голосом, в «жилетные» позы вставал — не знал, с какого бока подступиться. Конечно, книги, фото, музеи, записи — все я тоже читал, видел, слышал. Но главным оказался один месяц работы. Было так.

Когда Шатров прочитал на труппе «Так победим!», начался так называемый застольный период. Почти весь ноябрь 1980 года мы просидели впятером в кабинете у Ефремова: Ефремов, помогавшая ему режиссер Сирота, Шатров, Смелянский и я. Каждый день с 11 до 3, иногда и вечерами с 7 до 10. Читалась пьеса буквально по фразам. Обычно во время застольного периода, вы знаете, актеры шутят, обсуждают, пробуют читать на голос, слушают... Здесь все было иначе.

Ефремов спорил с Шатровым, Шатров соглашался или нет, обижался, хлопал дверью, уходил, два дня не разговаривал, потом возвращался, потом они опять сорились из-за какой-то фразы, Смелянский то поддерживал Ефремова, то Шатрова, то мирил их. Скажем, Шатров говорил: «Эта фраза необходима, потому что если Троцкий ее не скажет, то... А здесь нужна фраза Ленина, если мы ее не вставим, будет неверно политически, потому что тогда он уже думал о...» Бывали дни, когда проходили по полстраницы.

Для меня это был удивительный политический урок, который я усваивал, видя, как работают люди, как спорят. Я могу себе представить: так работали в Совнаркоме — тогдашнем, времен революции. Так спорили люди, которые делали одно общее дело. Предлагали разные пути, но дело было одно и цель одна, потому что спорили единомышленники.

Это фантастически, это для меня незабываемо. Ведь, по сути, до работы над пьесой что я знал? На уровне школы. Вот — как Михаил Александрович говорил: «человек, приятный во всех отношениях». Ну и скучный. Надо быть человечным? Надо! Надо быть добрым? Надо! Надо гладить кошек? Надо! Все согласны? Все! Нет проблем? Нет! Так нас учили.

Что — нам долго рассказывали, как ему было трудно? Как случилось, что партийный съезд отверг его предложение перенести Сталина с поста Генерального секретаря? Как было одиноко в последний год жизни? Кто об этом говорил? Кто мог сказать? Кто бы разрешил?..

Но вот, скажите, сколько такой спектакль — «Так победим!» — может делаться?

К. Л. Вопрос ко мне? Но я-то знаю: три месяца.

А. К. Три. Включая «застольный».

Ефремов работал с ожесточением. Сидя за столом, играл за всех и текст проходил «кровью, мясом». Человек он очень социальный. А значит, слышит, что подсказывает жизнь, и знает точный адрес пьесы. В общем, в темпераменте Ефремова, в его ожесточении, в его «кровавых» глазах я почувствовал нервы роли. Хотя весь месяц, как в музее, сидел, молчал и только слушал. Иногда, правда, Ефремов кидал фразу: «Ну, тебе так удобно будет?» Я мямлил: «Вроде да...»

Я считаю, моя роль была сделана в этот месяц. Но помогло и еще одно: мне довелось прочитать книги тех, кто не принимал советскую систему. И когда после этого я перечитывал ленинские сочинения, то знал, «куда» вкладывать текст, — точный адрес знал. Эти книги включились в работу над образом и убедили меня в правоте слов Ленина.

После роли я стал, как сам заметил, агрессивным.

К. Л. То есть?

А. К. Как всем, мне приходится много ездить по стране, много видеть — и хорошего, и плохого. Когда натыкаешься на плохое, вспоминаешь, что по сходным поводам говорил Ленин, и... «накаляешься».

К. Л. А, это всем знакомо.

М. У. Поразительный был человек — может быть, один из самых гибких и реалистично мыслящих во всей истории. Но парадокс заключается в том, что его последователи почему-то стали страшными догматиками. Страшными, несворачиваемыми. И сейчас мы хлебнем из-за этого догматизма полной мерой — и в экономике, и в культуре, и в морально-нравственной сфере, и во всем прочем. Ленин спрашивал: как можно из-за обрывков книжки забыть действительность? Горький писал, что Ленин любил людей, в не идеи, что ломал и гнул идеи, когда этого требовали интересы народа. А вот поди ж ты — забывается...

Мы сейчас работаем над «Брестским миром» того же Шатрова. Ставит Роберт Стуруа, режиссер очень интересный, удивительно чувствующий пластически выразительную силу театра. История Брестского мира — мучительный и страшный сюжет в жизни Ленина. Момент, когда обстоятельства оказались сильнее прежних установок, когда надо было подчиниться обстоятельствам и принять гнусный, позорный мир, а не шествовать напролом, как бык, за догмой. То был трагический момент в жизни России — в пьесе Ленин прямо говорит: не заключаем мир — теряем революцию. То есть — все. Вот как стояла вопрос: жизнь или смерть.

Поразительна гибкость Ленина. Он говорит Бухарину: по-вашему, получается, что если революционная партия пошла на компромисс, то она перестает быть революционной. И речь в спектакле идет даже не столько о Брестском мире, сколько о творческом, гибком подходе к действительности. Вот что современно — на этом мы сейчас тоже очень скользим. Есть ведь такие, кто не может оторваться от веревочки, за которую держались 70 лет. От догмы. Хотя жизнь гораздо разнообразнее, чем любая догма.

И сегодня надо быть не столько верным каким-нибудь воззрениям, сколько умным. Не столько «железобетонным», сколько разумно понимающим, к чему мы пришли и что происходит.

Вот так — почти через 70 лет возникается один из заветов Ильича: «Поближе к жизни».

К. Л. Он действительно обладал этим потрясающим качеством — никогда не жил в плену догм. Была огромная внутренняя свобода маневра. Когда он, почувствовав, что жизнь гнет какую-то теорию, мог отказаться от нее. Брестский мир, замена продразверстки продналогом, нэп — только три примера, я их тыкаю.

Другое. Когда один из руководящих работников Архангельска назвал «нелепым распоряжение центральной Советской власти», Ленин по телеграфу объявил ему выговор и добавил: если мы учим «дисциплине рабочих и крестьян, то обязаны начать с самих себя.

М. У. О том же не раз говорил Горбачев. Но хотим мы того или нет, в история такая: секретарь райкома, горкома, обкома...

К. Л. Вне критики.

М. У. Вне критики. Много ли критических материалов в местных газетах? Ты же знаешь — с гулькин нос. Упаси боже в местной печати покритиковать местное начальство. Его если кто и критикует, то, как правило, центральная печать. Это мы здесь петушимся, защищенные званиями, положением и т. д. А там — ни-ни.

К. Л. Это постепенно уходит, но еле-еле медленно, черепашьим шагом, со скрипом.

А. К. Тормоза скрипят...

К. Л. Порой, верно, слова поперек невзыскательных ушей. Этого в горсовет или в облсовет — зачастую результат тот же.

Так работает механизм торможения — он самый.

Еще. Трое изобрели прибор, он ставится на грузовик и фиксирует все: количество израсходованного бензина, ездок, километров, пробега, тонн перевезенного груза. То есть прибор ловит и шоферов-жуликов, и начальников, которые с их помощью выполняют план и остаются не без «навара». Все инстанции, проверявшие прибор, дали ему очень высокую оценку. А внедрить невозможно: ни один директор крупной автобазы прибор не брал — понятно, почему. К кому я только не обращался... Лет 6—7 назад написал наконец в наш Ленинградский обком партии — до сих пор ответа нет. Из троих изобретателей двоих уже нет в живых. Кажется, в Австрии, уже после них, такой прибор внедрили на целом ряде крупных транспортных фирм. У нас же до него никому нет дела. Сразу и вспоминается, как Ленин отнесился к ученым, к изобретателям...

М. У. А потому, что мы больше цитируем, чем изучаем, чтобы понять. Вот в чем драматизм сегодняшнего нашего отношения к гигантскому ленинскому наследию. Потому что изучать — значит «через него» решать сегодняшние проблемы перестройки.

К. Л. Главным образом, мне кажется, надо учиться его способу жизни, что ли, мышления, его умению действовать. А то одни цитаты подбирали — что Сталин, что Брежнев. И оба были «верные ленинцы».

М. У. А что делали?

К. Л. Почему, кстати, «Штрихи к портрету В. И. Ленина» пролежали на полке 20 лет? Тебе хоть объяснили?

М. У. Ничего мне не объясняли. Причины могу назвать, но это мое мнение — я так думаю, я не утверждаю.

Шатров написал ведь документальные вещи — ленинские слова, известные исторические сюжеты. Но вот до чего мы докатились: даже слова Ленина в позиции Ленина стали казаться опасными. Он стал мешать нам жить «по-нашенски» — тихо, спокойно. Болотисто. Не ругаясь...

Так вот, первый фильм, «Поименное голосование» — о Брестском мире: Ленин в одиночестве, спорит с Бухариным, заявляет о возможности выхода из ЦК. «Да вы что! Да как можно!»

«Полтора часа в кабинете Ленина». Убит Мирбах, выступают левые эсеры. Ленин мечется, ищет решения. «Как это — Ленин не знает решения?! Да у него на все случаи жизни готово решение!»

А «Воздух Совнаркома» вообще попал в десятку. Там известный эпизод — первая прогулка Ленина после ранения, когда его снимали, чтоб убедиться, что Ильич жив. Чистая история. Известно, что Ленин был категорически против празднования своего 50-летия. И в картине активно выступает против юбилеев — работать надо. А ты же знаешь, что за время было — юбилеи оказались главными задачами каждого дня, мы все время кого-то поздравляли, кого-то награждали. Естественно, эта ленинская позиция оказалась «поперек» тем, кто пользовался властью и устраивал себе всякие «семейные» радости.

Наконец, «Коммуна ВХУТЕМАС». Тоже исторический факт: Ленин поехал навестить дочь Инессы Арманд, состоялся разговор. Со студентами о литературе и искусстве. Ленин сказал, между прочим, что не поклонник Маяковского: впрочем, Анатолий Васильевич лучше его знает... «Как это — Ленин не учит, что такое искусство?!»

Ну, все было «поперек» того времени. И вот результат: 20 лет лежали на полке картины. Ленинский!

Сейчас задают вопросы: кто допустил, кто виноват? Да кто — время...

А. К. У времени всегда есть фамилии, имена, отчества и должности. В то время тоже были люди...

М. У. Были. Шатров и другие не согласились переделывать картины. Их имена известны. И другие имена тоже не секрет — что говорить?

К. Л. Что ты хочешь, если и сами произведения Ленина было очень трудно достать: чтобы почитать тома его первого собрания сочинений, надо было не знаю какой иметь блат. Но я достал...

М. У. Пожалуйста — «Так победим!». Ты же знаешь, с каким мучительством проходил спектакль.

К. Л. Ну, Саша это знает лучше, только он молчит...

А. К. Слушаю... А проходил с мучительством, верно. Вначала Ефремову запрещали назначать меня на роль: «Тетка Чарлея играет Ленина! Да вы что?! Лаврова будет приезжать из Ленинграда...»

Ефремов все же убедил, пробив, это было удивительное время — весь театр был заражен, я никогда не видел такого подъема. Одна цель, единое дыхание. Ефремов понимал всю сложность прохождения пьесы и хотел убедить готовым спектаклем. Но все же получили мы и рецензию ИМЛ — страниц на 30. Жуткая, разгромную. Полвека назад после такой рецензии... Написал пьесу коммунист Шатров, ставит коммунист Ефремов, завлит — коммунист Смелянский. И всем «шьют политику».

Мы продолжали работать. По-моему, 16 февраля 1981-го состоялся первый прогон: в 8 вечера начали, где-то в первом часу ночи кончили, с остановкой. На другой день сдали худсовету, а через неделю открылся XXVI съезд партии. Надо было сдавать спектакль Министерству культуры СССР. «Придите, посмотрите». Никто не пришел.

Из ЦК звонили Ефремову, состоялся очень тяжелый разговор. Ефремову категорически запретили репетировать, на это он кричал: «Как я буду смотреть в глаза молодежи из школы-студии?! Мы подрываем у них веру!»

Запретили репетировать, продолжать работу. «Ну, хоть придите, посмотрите!» Опять никто не пришел...

Премьеру разрешили только в конце года. 19 декабря...

На этом спектакле я приобрел удивительное умение — различать публику. Ее интеллектуальный уровень, образованность, социальный, знаний материала. Я могу сыграть первый акт и уже точно сказать, кто сидит в зале — по реакциям на кульминации, на смешные реплики, на паузы. Бывает и совсем другое, с чем я столкнулся впервые.

Случается, играешь, словно в вату, — публика не принимает. Но были спектакли, когда я чувствовал: зритель меня ненавидит за текст, который я произношу. Он словно выталкивает меня со сцены. Эта пауза, которая повисает в зале, эти токи... Зрители ведь разные. Одни поражены — впервые слышат какие-то вещи. Другие возмущены — как допустили, чтоб со сцены... Чаще в зале люди, которые любят Ленина, и понимают его, и страдают вместе с ним, и плачут... Но ненависти зала не ощущал ни в одной роли. Это, по-моему, высокое ощущение...

М. У. У меня такого не было. На «Человеке с ружьем» никакой ненависти не будет. А реакция чиновников ясно проявилась в том, что «Штрихи...» 20 лет лежали на полке. Дело давнее... Но парадокс заключается в том, что я репетирую сейчас «Брестский мир» и побаиваюсь. Вот проклятье: сидит в нас...

К. Л. Внутренний редактор.

М. У. Мягко говоря. А проще говоря, страх сидит: Ленина вроде бы так никогда не показывали. Мы говорим «человеческий, человечный», а ведь это человеческих проявлений, по существу, в картинах нет. Все сводится в основном к одному: «Надя, налей чаю!». Это единственное, что ему позволяют авторы: чаю выпить. А ведь был он человек — живой, всякий. Мы обосновываем его в наших исполнениях, и вырваться из этих тенет, ой, как трудно.

К. Л. У нас в БДТ Георгий Александрович Товстоногов поставил «На дне». К 70-летию Октября! Тоже были разговоры — полушутя, полусерьезно: «Что это вы решили «На дне» ставить? Это что же значит — мы на дне находимся к 70-летию?!» Ходили такие слушки. Видно, крепко еще сидят рудименты прошлой психологии...

12 октября состоялась премьера, присутствовал Горбачев. А по окончании спектакля Горбачев, Сергевич пришел за кулисы и первое, что сказал: «Дорогие товарищи, огромное вам спасибо за прекрасный подарок к 70-летию Октября! Это замечательная классическая драматургия, прекрасное исполнение — великолепный образец настоящего театрального искусства».

Так что мы не боялись — и ты не бойся...

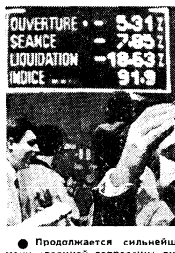
Запись диалога и фото Григория ЦИТРИНЯКА

СЕМЬ ДНЕЙ В НОЯБРЕ

ЭХО НЕДЕЛИ

● *Издательство политической литературы выпустило книгу М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира».*

«Я написал эту книгу с желанием обратиться к народам напрямую. К народам СССР, США, любой страны, говорится в обращении М. С. Горбачева к читателю. — С лидерами и другими деятелями многих государств, с представителями их общественности я встречался. Цель же этой книги — без посредников поделиться мыслями с гражданами всего мира по вопросам, касающимся всех без исключения».



● **Продолжается сильнейшая со времени «великой депрессии» лихорадка на биржах всех капиталистических стран. Курсы акций стремительно падают, тысячи людей становятся банкротами...**

Фото из журнала «Зуропео» (ИТАЛИЯ)

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ...

В Пекине осенью

Говорят, что октябрь в Пекине — лучшая пора года. Просторное небо, нежаркое солнце, высвечивающее летящие кроны затейливых китайских строений, вечерняя гладь прудов в парке Бэйхай, где уже отцвел лотос... И словно аккомпанемент к старинной картине — речь, напоминающая своим звуком дреанее мелодичное пение...

Китай поразил своей «спецификой» — здесь ставило кавычки, потому что нигде еще не нашла объяснения, что же все-таки кроется за этим загадочным словосочетанием — «китайская специфика». Наивно допытывалась у самих китайцев. Ответ прозвучал неожиданно: «Вот видите терпо?» (непременный атрибут каждого китайского дома). Снаружи холодный, а внутри — обжигает. Таков и китайский характер. Может быть, вы это имеете в виду?»

Что можно увидеть за семь дней? Что понять?

Колючие порывы ветра вдруг нарушили неподвижность воздуха — докучливо пустыня Гоби. Пекинские улицы заострели разноцветьем прозрачных шелковых платков — китайские женщины и дети укутывали лица. На руках велосипедистов появились перчатки. По Пекину гуляли сквозняки... А уже назавтра мы стягивали с себя теплые куртки и плащи. Пекинские контрасты.

И на только погодные.

Цзиньань — один из старинных районов Пекина. Узкие улочки-рукава с грудом пропускают поток велосипедистов. Впрочем, и пешеходу здесь приходится нелегко — плотная толпа сжимает со всех сторон. Нижние этажи невысоких (в основном двухэтажных) домов — сплошь магазинчики, лавки, харчевни. Гам, веселая суета, выкрики точильщика ножей, зазывный голос продавца брюк — вот он ловко натягивает их на себя, рекламируя дешевую ходовую продукцию, тут же идет бойкая торговля нехитрой снедью, приготовляемой прямо на ваших глазах... Старые эти улицы решено сохранить. Конечно, реставрация потребует немалых средств, но будет оправдана — ведь именно то и есть тот не похожий ни на один город мира Пекин — столица Китая.

А за чертой центра уже вырастает другой Пекин — многоэтажный и по-европейски респектабельный. Шикарные отели «Шератон», «Торонто», «Кунльунь», «Шангрила» поражают своей сверкающей роскошью.

В холле одного из отелей лежала пачка газет — недавно появившееся еженедельное приложение к известной «Чайна дейли». Газета пестрела объявлениями и рекламой.

«Организуются 45-дневные курсы для китайских менеджеров, работающих в иностранных фирмах», «Вводится международная маркировка на продовольственные товары, чтобы гарантировать их качество», «Крупная американская электронная компания приглашает на работу в качестве администратора иностранца со знанием китайского и английского языков», «Вышли из печати новые книги по коммерческой рекламе (теория и практическое использование)»...

В один из последних дней нашего пребывания в Пекине (а мы приехали сюда для участия в международной конференции русистов, точнее — редакторов журналов по русистике, она проходила в Пекинском институте иностранных языков) нас пригласили на встречу со студентами, изучающими русский. Старшекурсники выступали перед младшими. Говорили по-русски легко, свободно. Но дело в данном случае не в этом — в самом содержании выступлений. «Что делать?», «Что значит любить Родину?» — слова ребят звучали предельно искренне и даже чуть-чуть торжественно.

«Мы — строители будущего Китая. Нам нельзя быть безответственными — мы обязаны продумывать свои поступки, отвечать за свои действия. Нам нельзя быть безынициативными — мы должны искать новые пути процветания нашей страны. «Что делать?» — Родина требует от нас правильного ответа на этот важнейший вопрос».

В день нашего отъезда в Пекине открывался XIII съезд Коммунистической партии Китая.

Светлана СЕЛИВАНОВА

ПЕКИН — МОСКВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСУНОК

Художник **Р. МАК-ЛЕЯН** (США)

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Стало уже общим местом рассказывать о том огромном интересе, который вызывают за рубежом перестройка, гласность, наши революционные реформы. С ними связывают не только надежды на радикальные перемены внутри Советского Союза, но и на поворот в отношениях между Востоком и Западом. В этом я имел возможность еще раз убедиться во время своих встреч, лекций и бесед в США.

Американская печать, телевидение и радио внимательно следят буквально за каждым шагом руководства нашей страны, его внутренней и внешней политики, за каждым сколько-нибудь заметным выступлением советских писателей, ученых, журналистов. Никогда до этого я не встречался с таким уровнем информированности о наших делах. Никогда до этого я не встречался с таким благожелательным отношением американской общественности, представлявшей самые различные течения, к тому, что происходит в нашей стране.

И, конечно же, в центре всех обсуждений находился вопрос о предстоящем визите М. С. Горбачева в США, о встрече и диалоге с президентом Р. Рейганом, о заключении договора РСД — ОТР, о принципиальной договоренности по поводу возможных следующих шагов, прежде всего заключении соглашения о 50-процентном сокращении стратегических вооружений и укреплении режима ПРО. Во время бесед с сотрудниками Белого дома, которые занимаются вопросами советско-американских отношений, с экспертами и советниками сенаторов и Конгресса я имел возможность убедиться в большой заинтересованности официальных кругов США в визите М. С. Горбачева и заключении договора о «двойном нуле», как его нередко называют в этих кругах. Куда более сдержанную позицию проявляют здесь по поводу последующих шагов в советско-американских отношениях. И понадобятся немалые усилия для дальнейшего продвижения этого процесса вперед.

Широко обсуждается в США и вопрос о психологическом воздействии предстоящего визита на политическую элиту и все общественное мнение страны. В этом отношении весьма симптоматична выраженная в беседах со мной убежденность бывшего президента США Картера и одного из популярных кандидатов на выборах в президенты от демократической партии Гэрта в том, что визит и выступления в США Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, несомненно, окажут плодотворное влияние на политическое сознание в Америке. Это будет крупный успех на пути разрушения стереотипа «врага № 1» лице Советского Союза, в понимании нового мышления советского руководства. Быть может, именно потому наиболее реакционные деятели США не скрывают своих опасений в связи с предстоящей встречей на высшем уровне.

Ну, а самые умные и реалистически мыслящие люди в Америке не могут не задумываться и над ключевым вопросом: воспользуется ли Запад, а если воспользуется, то в каком мере и в каких формах, историческим шансом, который открывает новое мышление и новая политика Советской страны для коренного перелома в отношениях Запада с Востоком и другими странами социализма, в целом для продвижения человечества к лучшему будущему? И еще: станет ли «западный фактор» катализатором наших реформ или, напротив, воздвигнет определенные препятствия на пути их осуществления?

ЗАПАД: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР

Меня нередко спрашивали мои зарубежные коллеги: а что это значит — практически? Это значит многое. И резкое снижение, а потом ликвидация тяжкого бремени военных расходов, которое вынуждены нести Советский Союз в результате навязываемой ему гонки вооружений. И развитие — в масштабах, несоизмеримых с прежними — экономических отношений, обмена технологией между СССР, США, странами Западной Европы, Японией и многими другими странами. Это значит и развитие гуманитарных связей, широкий обмен объективной информацией, правда, и одна только правда, во взаимном освещении всех сторон жизни в средствах массовой информации. Это значит новое стремление к партнерству там, где есть взаимные интересы, к честному соперничеству там, где интересы не совпадают или сталкиваются. Это значит добросовестный, объективный и научный анализ на только разности наших социальных систем, но и наших историко-культурных цивилизаций, которые, однако, не могут не искать способа сосуществования и интеграции в эпоху технологической революции, со всеми ее великими достижениями и несмываемыми угрозами.

Среди некоторых политических экспертов, а также советологов я услышал формулу, которая звучала примерно так: поживем — увидим, нам некуда спешить. Увидим, какие практические результаты дадут экономические подробности реформы и демократизация в СССР, увидим, каковы гарантии необратимости этого процесса, увидим, не уйдут ли реформы в песок, как это было в 60-х годах, наконец, увидим, не является ли нынешняя внешняя политика советского руководства тактической уловкой, рассчитанной на «передышку», с тем чтобы еще крепче «взять за горло американский империализм».

В ответ на это я задавал простой вопрос своим оппонентам: что было бы, если бы Соединенные Штаты признали СССР не в 1933, а в 1921 году, когда Ленин начал политику нэпа и широкой демократизации? Что было бы, если бы западные страны вместо экономической блокады откликнулись на ленинский призыв о развитии торговли, международной кооперации, создании концессий с зарубежным капиталом? Что было бы, если бы нам уже тогда удалось достичь соглашения с Англией, Францией, США о совместной борьбе против возрождения германского милитаризма? По какому пути пошла бы европейская да и вся мировая история? Конечно, сейчас эти вопросы звучат риторически, но не следует забывать, что вся история отношений между странами Запада и СССР соткана из упущенных возможностей, ибо в любой период политические руководители стоят перед выбором, альтернативой.

Я говорил своим собеседникам — партнерам и оппонентам — о своем главном впечатлении в результате встреч и бесед во время поездки в США. Конечно, в общественном мнении этой страны произошел и углубляется сдвиг в сторону лучшего понимания планов, надежд, трудностей советского народа. Конечно, можно отметить усиление давления прогрессивной общественности на Белый дом.

И все же... Боюсь быть неточным, но мне кажется, что формула «поживем — увидим» все еще остается господствующей среди политической, да и идеологической элиты США. Это представляет собой разительный контраст с тем вдохновенным поиском новых путей и решений, которым живет наш народ. Главная причина подобной выжидательной позиции США и других стран Запада — консерватизм мышления, традиционализм и, если позволено будет использовать модную у нас сейчас терминологию, типичное бюрократический подход. Зачем спешить что-то делать, когда так легко воздержаться от действия?

Конечно, этот подход с течением времени будет сломан. И нет сомнений, что крупный вклад в это внесет предстоящая встреча советского и американского руководства на высшем уровне и практические шаги, направленные на поэтапную ликвидацию оружия массового уничтожения.

Федор БУРЛАЦКИЙ,
политический обозреватель «ЛГ»

АЛЛО, ВАРШАВА!

РЕФОРМА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Одним из главных вопросов, которые обсуждаю сегодня в польских средствах массовой информации, в рабочих коллективах, с друзьями, в кругу семьи, — это проведение в жизнь второго этапа экономической реформы. На одной из дискуссий с экономистами, где мне пришлось побывать, задавался такой вопрос: почему вдруг появилось понятие «второй этап», почему «первый этап реформы», начавшийся в начале 80-х годов, не достиг цели, не вывел страну из затяжного кризиса? Задолженность страны достигла 34 миллиардов долларов, по-прежнему сохраняются карточки на мясо и мясные изделия, шоколад, бензин. Жилищное строительство стоит на мертвой точке, ощущается нехватка качественных промышленных товаров.

Качество жизни в Польше довольно разнородно. В крупных и малых городах можно видеть самые последние марки западных и местных автомобилей, модно одетых людей. В деревнях строятся прекрасные двух- и трехэтажные семейные дома. Так живет преимущественно частный сектор, а вот рабочие, интеллигенция вынуждены порой ждать квартиры по 15—20 лет и, как говорится, жить от зарплаты до зарплаты. Почему сложилась такая ситуация в последние годы? Ответить нелегко. Тут и последствия кризисной экономической и политической ситуации, случившейся на рубеже 70—80-х годов, и экономические санкции западных стран в ответ на введение военного положения в 1981 году, апатия части общества к инициативам правительства, а главное — отсутствие мощных экономических рычагов, которые позволили бы развить инициативу предприятий, сельскохозяйственных кооперативов, госхозов и т. д.

Вот почему второй этап экономической реформы предусматривает создание такого хозяйственного механизма, который позволил бы высвободить инициативу людей начиная от рабочего и кончая директором, снести бюрократические барьеры, мешающие принципу «хорошо работаешь — больше получаешь». Что же предусматривает второй этап реформы?

Он предполагает — и это принципиально важно — отказаться от применявшейся ранее системы получения разрешений на ведение хозяйственной деятельности (касается только частного и общественного сектора). Вводится процедура простой юридической регистрации. Правом создания таких предприятий, кооперативов будет обладать не только центральная администрация, но и местные власти, банки, государственные организации, частные лица. Равноправие получат все секторы экономики — государственный, кооперативный и частный, — которые могут между собой кооперироваться. Появятся смешанные предприятия. Например, государство даст производственные площади, машины, оборудование, а деньги и рабочую силу — частные лица. Уже появились предприятия со смешанным заграничным капиталом, причем на втором этапе реформы условия для их развития становятся более выгодными и привлекательными.

К этим трем секторам экономики добавится четвертый, так называемый коммунальный. Суть его в том, что с начала нового года многие дела будут переданы в руки местных властей. Они будут владеть капиталом местных предприятий, участвовать в распределении прибыли, распространять среди населения облигации этих предприятий и т. д.

Изменится система заработной платы. На одном и том же предприятии люди будут получать в зависимости от продуктивности существенно различающуюся (даже в несколько раз!) зарплату. То есть исчезнет уравниловка, которая многие лет тормозила инициативу трудящихся, сдерживала научно-технический прогресс.

Снесение барьеров для деятельности всех секторов хозяйствования означает в конечном итоге децентрализацию управления народным хозяйством страны. В настоящее время идет реорганизация центра. Ликвидировано 16 министерств, вместо которых создано 8 новых. В новом составе главный груз в реализации экономической политики лежит на министерстве промышленности, министерстве финансов и комиссии планирования при Совете Министров.

Удастся ли эксперимент, как здесь говорят, «на живом, но больном организме»? Вопрос непростой. Есть и противники реформы, есть скептики, есть люди, которые держатся в стороне. Но большинство надеется на лучшее и поддерживает реформу.

На одной из последних пресс-конференций для иностранных журналистов уполномоченный правительства по печати Ежи Урбан сказал, что «второй этап реформы будет проводиться не ее противниками, а теми, кто полон решимости внедрить ее до конца — радикально и быстро. Ключевую роль в управлении столь глубоко реформируемой экономикой будут играть и такие активно учавствовавшие в создании концепции второго этапа реформы».

29 ноября в Польше состоится референдум, в ходе которого каждый взрослый поляк сможет высказаться, принимает он новые демократические и экономические преобразования в стране или желает жить по-старому. До этого времени в стране пройдет широкая дискуссия по вопросам реформы.

Олег СПИРИН,
корр. АПН — для «ЛГ»

Шри Ланка. Индийские солдаты с оружием, захваченным у тамильских террористов.

Фото из журнала «Шпигель» (ФРГ)

КТО БЫЛ КТО

ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО ИЗ ИХ ЗЕМЛЯЧЕСТВА

— Давайте, ваше высочество, побеседуем хоть пять минут! — упрашивал я молчавшую упрямо старуху. — Разве вам неинтересно поговорить *впервые* за много лет с гостем из Москвы? Или вы изрядно подзабыли русский язык? Тогда можем, ваше высочество, побеседовать по-английски, О'кей?

Таким маневром довелось мне однажды, посетив проездом город Шарлоттсвилл в штате Вирджиния, добиваться интервью с владелицей дома № 35 на улице Юниверсити-Серкл. На этой тихой окраинной улице нарядно-аккуратные коттеджи окружены ухоженными газонами с подстриженными кустами желтых и алых роз. Среди декоративной зелени и чистоты резко выделялся только одноэтажный дом с разноцветными пятнами грязи на белых некогда стенах. В окнах за мутными стеклами болтались вместо занавесок мятые и рваные куски коричневой оберточной бумаги. Палисадник перед домом зарос сорной травой и был замусорен кучами ржавых консервных банок, каких-то старых тряпок, обломками стульев и зловонной пылью. В ней копошились подлюжины шелудивых кошек. За уличной дверью рассматривала меня молча, в упор морщинистая старуха с воднистыми полубезумными глазами. Это была миссис Энн Мэнохен, она же — Анна Андерсон, она же — «царевна Анастасия», выдававшая себя долгие годы за младшую дочь последнего российского императора.

В ответ на мои расспросы старуха, привезенная сюда из Западной Германии, пробормотала, не открывая дверь, что-то невнятное по-немецки. Я расслышал лишь «нихт ферштейн». Не понимала, значит, ни слова по-русски! Интервью с нею даже в шутку не получилось. А вскоре она умерла. Но трагикомедия продолжается: на днях вспомнила вновь лжецаревну газета «Нью Йорк сити трибюн», прокляв заодно «большевистский режим» накануне 70-летия Октября. И тоже в преддверии нашего юбилея телекомпания Эн-би-си показала двухсерийную антисоветчину «Анастасия». А нью-йоркское книгоиздательство «Кнопф» выпустило приключенческий бестселлер «Красная лисица» с новой бедной о том, будто Анастасия все еще жива, скрывается теперь в канадском Торонто и ждет инкогнито наперекор всему своего звездного часа.

К юбилею Октября издательство Колумбийского университета опубликовало в Нью-Йорке для серьезных читателей толстенную книгу «советолога»-историка Ричарда Эбрахема под претенциозным названием «Александр Керенский: первый любимец революции». Мнимый «любимец», если верить полутысяче посвященных ему страниц, потерпел поражение от соратников Ленина потому, что был «мягче» их, «этичней», «нерасторопней», а посему не расправился с ними до конца во время июльского кризиса 1917 года. Тем самым октябрьская победа ленинцев провозглашается в очередной раз как бы роковой случайностью...

Верил тому, судя по книге его биографа, и Керенский до конца жизни. Но между тем совсем иное засвидетельствовал только что в нью-йоркских газетах близко знавший жившего здесь экс-премьера России университетский профессор Альберт Парри. Среди его студентов один вычитал, как в 1887 году отец Керенского, будучи директором Симбирской гимназии, мог исключить из нее гимназиста В. Ульянова вслед за покушением его старшего брата на царя. И потому американский студент спросил 72-летнего Керенского:

— Возможно, что ход российской истории был бы иным, если бы Ленина исключили?

«Видно было, что вопрос поразил Керенского, — вспоминает Парри. — И он уперся взглядом в пустое пространство». Затем после некоторого раздумья ответил:

— Ход истории неизбежен. Ленину было суждено победить.

Недавно пришлось мне столкнуться в Нью-Йорке с остатками осевшей тут части белоэмигрантов. Один из них, потомок знаменитого Пущина, позвонил на прошлой неделе и озадачил неожиданным вопросом:

— Подскажите, пожалуйста, каким образом во время предстоящего визита в США вашего высшего руководителя выказать ему приветствие от группы молодежи из нашей русской среды?..

Ход истории и неизбежен, и поразителен.

Иона АНДРОНОВ,
соб. корр. «ЛГ»

НЬЮ ЙОРК

ПАМЯТИ БОРЦА

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ

Джон Рид, 100-летие которого отмечалось накануне Октября, был человеком щедро одаренным. Очеркист, публицист, драматург, документалист. Первоклассный военный корреспондент. В последние годы жизни — опытный политический деятель, один из основателей Коммунистической партии США, крупный работник Коминтерна. И еще — поэт. Эта сторона его творчества, пожалуй, наименее известна и изучена. Лишь в 1985 году прогрессивный общественный деятель Корлисс Ламонт выпустил томик впервые собранных «Избранных стихов» Джона Рида, в который вошло 68 его произведений.

А между тем на вопрос, кем он себя считает, Рид не раз отвечал: «Поэтом».

Став журналистом, наряду с очерками печатал стихи. Среди написанного им на заре литературной деятельности выделяется поэма «День в Богемии, или Жизнь среди художников», посвященная Линкольну Стеффенсу, его духовному отцу. Это был остроумный, насыщенный живыми подробностями рассказ о себе и своих друзьях, поэтах, художниках, актерах, веселых бунтарях из Гринвич-Виллидж, не приемлющих буржуазной благопристойности. «В бунтарстве ищем мы покой», — писал в ту пору Рид. Его современник поэт Луис Антермейер свидетельствовал: «...Я помню его неисправимым романтиком; человеком, жадным с надеждой наступления того времени, когда поэты смогут бросить вызов миру и изменить его».

Он писал стихи урывками, отвлекаясь от журналистской работы. По дороге из революционного Петрограда на родину ранней весной 1918 года во время вынужденной остановки в Норвегии начал сочинять большую уитменовскую по манере автобиографическую поэму «Америка 1918», к сожалению, оставшуюся незавершенной.

Рид был поэтом по мироощущению, складу характера, хотя его стихотворное наследие и невелико. Но во всем, что писал Рид, ощущался его поэтический темперамент. Стихией, нервом его творчества была революция, порыв пробудившихся масс к лучшей доле. Революция, неотделимая от музыки, массовой песни, поэзии.

Вот почему песни органически входят, вплетаются в ткань его овеянной романтикой прозы. Звучат на страницах его произведений. И в очерке «Война в Патерсоне», повествующем о стачке текстильщиков. И в репортаже «Социальная революция перед судом», в котором словно бы оживает бунтарский дух Джо Хилла. И в книге «Восставшая Мексика», пропитанной народными песнями и балладами, сопровождавшими в боях и походах повстанцев Панчо Вильи. И, конечно же, в ридовском шедевре — «Десяти днях». На страницах, рассказывающих об историческом Втором Всероссийском съезде Советов, мы читаем: «Неожиданный и стихийный порыв поднял нас всех на ноги, и наши единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, седеющий солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо...» Так мог писать о революции только поэт. Поэт, глубоко осознавший ее движущие силы и разделявший ее идеалы.

Б. ГИЛЕНСОН,
профессор

Мы публикуем одно из лирических стихотворений Джона Рида, написанное незадолго до Октябрьской революции.

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Джон РИД

ЖЕНЩИНА С ФЕРМЫ

Он изогнулся тонкою дугой,
Тот терпеливый холм. Он каждый час
Глядит по-новому — то, как топал,
Бесцветен, то шершав, как мех сухой.
Но изможден и бледен всякий раз.
Его теребит фермер, есть за двоих,
Вовек тот холм с покоем не знаком.
Давно исчерпан сил его запас.
Не знает фермер, что хотя бы год
Хотят под паром отдохнуть поля.
Не знает фермер, как щедра земля,
Когда ей пахарь отдохнуть дает.
Промолвит ли она хоть иногда:
«И я была когда-то молода...»?

(Перевод А. КАЗАРНОВСКОГО)

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

Эмигрируют в ГДР

Впервые я услышал об этом в городе Вуппертале в фонде имени Маркса — Энгельса от своих собеседников — западногерманских коммунистов. Они рассказали мне о настоящей волне эмиграции из ФРГ в ГДР.

Через несколько дней я вновь наткнулся на эту проблему. Столичная газета «Генераль-анцайгер» посвятила ей целую статью, из которой следовало, что с 1983 года число западных немцев, желающих переселиться на постоянное место жительства в ГДР, неуклонно растет. Приводились официальные данные федерального статистического ведомства: 1983 год — выехали 1200 человек, 1984-й — 1500, 1985-й — 1900, 1986-й — 2500.

Конечно, этот процесс — не улица с односторонним движением, по-прежнему немало людей едет из ГДР в ФРГ. Но здесь, как свидетельствует та же статистика, процесс скорее обратный. В 1987 году эмигрантов из ГДР ожидается на 8 тысяч меньше, чем в прошлом.

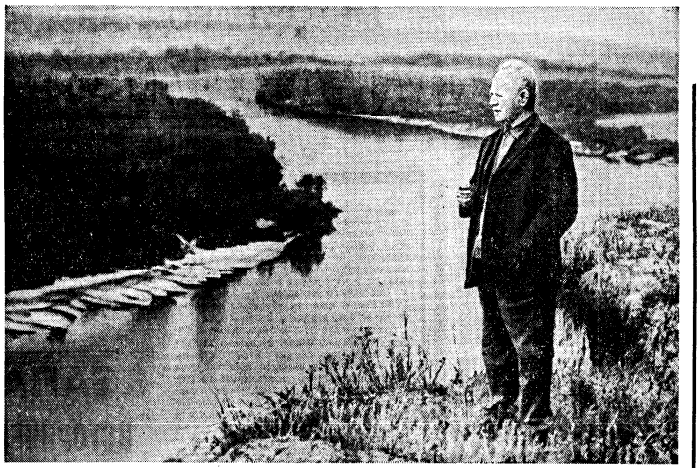
Долгие годы буржуазная пропаганда преподносила Федеративную Республику исключительно в привлекательной упаковке, как некий идеал современного общества. И вдруг такой конфуз. В Бонне обескуражены, пытаются разобраться в «странном феномене». Видимо, не случайно в нескольких номерах газеты «Вельт» появились результаты опроса общественного мнения институтом Инфратест под рубрикой «Немцы и их отечество». Целью шпрингеровского органа было, несомненно, в очередной раз бросить тень на ГДР (это слово иначе, как в кавычках, «Вельт» не употребляет). Вышло же иное. Оказалось, что авторитет Германской Демократической Республики в глазах западных немцев растет. А отсюда и стремление покинуть пусть процветающую экономически, но несравненно с ГДР бедную в духовном плане страну. Это, кстати, одна из причин выезда молодежи. Среди эмигрантов и бывшие граждане ГДР, решившие вернуться.

Буржуазная пресса потеряла бы, однако, свое лицо, если закончила бы всю историю на печальной для себя ноте. Поэтому газеты не упустили случая представить западногерманских эмигрантов в роли предателей, уклоняющихся от наказания, либо наивных простаков, которых ждут сети «восточных тайных служб». Быть может, несколько лет назад этот стереотипный прием и имел бы эффект. Сегодня же, когда ширятся контакты между Востоком и Западом и люди все лучше узнают что есть что, такие заявления выглядят по меньшей мере нелепо.

Валентин ЗАПЕВАЛОВ,
соб. корр. «ЛГ»

БОНН

ЗДЕСЬ ЖИЛ И РАБОТАЛ...



Один из первых редакторов «Тихого Дона», Ю. Лукин, рассказывает: «Как-то сидели мы в Вешках на веранде шолоховского дома за чаепитием. Была в сборе вся семья. В это время Михаилу Александровичу передали, что его спрашивает какой-то старик. Войти не соглашается, говорит: пришел «тільки побачити». Михаил Александрович вышел. Вернулся смущенный чрезвычайно. Спрашиваем: что такое, что за старик! Михаил Александрович упорно молчит. Наконец берет на себя смелость рассказать о разговоре с необычным гостем секретарь Шолохова. Оказывается, старик пришел пешком с Украины. Действительно «тільки побачити». Посмотрел и зашагал обратно, несмотря на приглашение и уговоры. В молодые годы он ходил в Ясную Поляну, видел Толстого, а теперь, на старости лет, пришел в Вешенскую».

ПРИГЛАШАЯ к разговору, главный редактор журнала «Дон» **В. Воронов** заметил, что вопрос, каким быть музею сегодня, выводит далеко за рамки привычных рассуждений о достоинствах и недостатках музейных экспозиций. Все очевидное, что в поле зрения нынешних музейщиков должны быть не только факты писательской биографии, не только документы, страницы рукописей и книг, но и та жизнь, которая стоит за ними. Хорошо, что воссоздаются мемориальные дома и подворья. Но от шолоховского музея-заповедника на Верхнем Дону мы также ждем усилий по экологической защите этого неповторимого края, ждем тщательного изучения и истолкования его истории, культуры и быта. С музеем связаны наши надежды на то, что содержательнее станет сама жизнь станиц и хуторов.

Сейчас был бы очень полезен обстоятельный историко-краеведческий очерк о Вешенской. Нужно переиздать лучшие сборники донского фольклора, которыми, кстати, пользовался Шолохов, когда работал над «Тихим Доном», энергичнее публиковать современные записи.

Н. Булавин, директор Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова. Однажды в разговоре Михаил Александрович напомнил мне старинное изречение: «Нет ничего крепче человека, но нет ничего и хрупче человека». Человек был символом его веры. И это нам завещано и нами воспринято. Все, что мы делаем, прямо обращено к людям, к их уму и сердцу.

Известно, что, за исключением хутора Татарского и Гремячего Лога, топонимика Верхнего Дона в романах Шолохова подлинная. Как бы самим писателем подсказаны и масштабы заповедника, и программа его развития.

В хуторе Кружилине на старый фундамент возвращен курень, с «низами», под камышовой крышей, в котором родился Шолохов. Завершается восстановление усадьбы. С прошлого года принимает посетителей дом в станице Каргинской, где в 20-е годы Шолохов писал «Донские рассказы», где созревал замысел «Тихого Дона». К мемориальным объектам со временем присоединится и здешний мельничный комплекс, и школа, в которой учился Шолохов. В Вешенской можно побывать в доме, где Шолохов жил с конца 20-х до середины 30-х годов, где шла работа над «Тихим Доном» и «Поднятой целиной». Центром заповедника, естественно, станет последний шолоховский дом, в котором прошли без малого четыре десятилетия жизни писателя.

Мы рассчитываем, что в состав заповедника войдет Подтелковский мемориал в хуторе Пономареве. Где, как не здесь, рассказать об эпохе гражданской войны на Дону! В станице Еланской, почти не изменившей свой прежний облик, предполагаем воссоздать хутор Татарский. В Лебяжьем покажем события, связанные с коллективизацией.

Заповедник охватывает большие пространства. Расстояния между станицами и хуторами достигают порой семидесяти километров. Их свяжут экскурсионные маршруты — пешие, автобусные, конные, водные.

Наша задача — способствовать тому, чтобы как можно шире распространялся великий гуманистический опыт жизни и творчества нашего земляка Михаила Шолохова.

С. Боровиков, главный редактор журнала «Волга». Не знаю, смогут ли писатели, литераторы чем-либо помочь в решении собственно музейных проблем. Но принять участие в изучении и пропаганде шолоховского наследия мы должны обязательно. Мне кажется, что имя Шолохова исподволь окружается глухим равнодушием. Во всяком случае, мы явно не воздаем ему того, чего он заслуживает как великий русский писатель XX века. Возьмите наш теоретический журнал «Вопросы литературы». Много ли вы найдете там серьезных публикаций о Шолохове?

А как могло случиться, что Шолохов не увидел при жизни комментированного собрания своих сочинений? Не хочу бросить тень на «огоньковские» восьмитомники, это были нужные и полезные массовые издания. Но научного, текстологически авторитетного собрания сочинений они заменить не могут.

О чем хочется попросить музейных работников? Давайте не забывать и малых писателей, которые никак не могут претендовать на персональные музеи. Пусть музеи классиков станут местом сосредоточения всех литературных архивов. Вспомним старый призыв беречь историю. Распространим его и на историю литературы.

Ф. Бирюков. За последние два-три года появился ряд публикаций, которые касаются той же тематики, что отражена в «Донских рассказах», «Тихом Доне», «Поднятой целине», главах из романа «Они сражались за Родину». И нередко при этом высказываются суждения и оценки, противоположные шолоховским. Проскальзывает мысль, что Октябрьская революция ликвидировала демократические институты, что коллективизация была неоправданной, что во время Отечественной войны у нас было больше неудач, чем действительных успехов. Подчеркивается все негативное, как будто не было в жизни нашего общества светлых сторон, будто, по существу, не было прогресса.

Противостоя этим тенденциям в освещении нашей истории, мы опираемся на произведения Шолохова, которые остаются на магистральном пути советской литературы, опираемся на жизненные принципы писателя. Михаил Александрович очень резко осуждал наши недостатки, но недостатки никогда не заслоняли от него наших достижений.

Я радуюсь тому, как энергично создается на Дону шолоховский заповедник. Но и в Москве нужен музей Шолохова. Конечно, бытовой музей организовать не удастся. Не о нем следует думать, а о музее литературном — с лекторием и кинозалом, где можно было бы посмотреть фильмы, снятые в разное время по произведениям Шолохова, послушать оперы «Тихий Дон» и «Поднятая целина», встретиться с людьми, которые знали Михаила Александровича.

В. Попов, главный редактор журнала «Подъем». Сегодня, когда слово «музей» чаще всего соотносится с литературными именами прошлого века, очень важен пример вешенцев, увековечивших память нашего современника, художника нашей эпохи.

Сколько писателей мы не отметили по достоинству! Есть ли у нас музей такого классика русской советской литературы, как Андрей Платонов? В Воронеже, на его родине, нет. В Москве тоже нет. Лишь самоотверженными усилиями писательской организации и местных энтузиастов удалось спасти от полного разрушения дом Виктора Кина в Борисоглебске. Полтора десятилетия продолжалась в Воронеже борьба за дом, в котором родился Бунин. К каким только ухищрениям не прибегали, чтобы снести его! Даже мемориальная доска была повешена по соседству, на здании современной постройки: мол, бунинский дом стоял на этом месте. Теперь наконец подлинный дом признали, но о музее пока нет и речи.

О чем это говорит? О нашем безразличии к своему культурному наследию. Как же можно столь яростно демонстрировать пренебрежение к тому, на чем мы выросли, на чем должны воспитываться те, кто идет за нами?!

Воронеж — родина многих писателей. Далеко не каждый из них может рассчитывать на собственный мемориал. Значит, нужно организовать коллективный литературный музей, который стал бы одним из центров духовной жизни города.

А. Обертынский, заведующий отделом критики журнала «Дон». В отличие от театров, кино, выставочных и концертных залов, куда ходят в основном местные жители, музеи привлекают прежде всего приезжих. Но если шолоховский заповедник сделает ставку на туристов, это будет музей не очень большой силы и значения. Нам нужно помнить о жизненной его необходимости для людей, которые рядом в округ.

Уже сегодня директора просят дать проект и объяснить, как раньше строили курени. Можно ли не поддержать тягу к старой казачьей архитектуре с ее идеальным учетом быта и климата? Это прямо связано с предстоящей мемориализацией вешенских улиц. Если мы просто оставим все как есть, то увековечим немало наносного, случайного и безобразного. Думаю, что сохранять надо лучшее, а худшее подтягивать до него.

Сейчас Вешенская похожа на сотни других районных поселков. В центре обязательные серебристые ели, ивы вавилонские, маньчжурский ясень. Здесь и туя, которая очень плохо приживается в степной полосе. Но почему нет исконно донских деревьев и кустарников, которые так прекрасно описаны Шолоховым? Помни те, как пламенеет осенью куст калины против мелеховского куреня? Пусть же в станице растут калина, вишенник, боярышник, шиповник, терн, дикие груши и яблони. Это и красиво, и биологически правильно, и мемориально.

С малых лет надо приобщать местную детвору к жизни музея. Почему бы, скажем, экскурсии в доме, где родился Шолохов, не доверить школьникам? Почему не проводить некоторые уроки в том классе, где учился писатель?

Собираются восстанавливать мельницу в станице Каргинской. Эту мельницу многие знают по «Тихому Дону». Уласи бог, если из нее сделают кафе! Нет, пусть она работает, как встарь, пусть люди привозят сюда на помол зерно. А рядом, в бывшем кинотеатре «Идеал», пусть идут немые фильмы, которые мог видеть здесь молодой Шолохов.

С музеем мы связываем надежды на оживление краеведения, фольклорного собирательства, художественной самодеятельности, на возрождение добрых народных нравов и обычаев.

В. Лукьянин, главный редактор журнала «Урал». Есть писатели, которых не читать нельзя, потому что в их творчестве сфокусировались важнейшие человеческие проблемы. Это Толстой, Чехов, Горький... Шолохов, бесспорно, принадлежит к их числу. Благодаря этим художникам человечество духовно взрослеет. И, вероятно, музеи существуют не только для того, чтобы увековечивать память, но и для того, чтобы увлекать книгами, этапными для духовного и художественного развития. И увлекать самый широкий круг людей. Пусть музей ориентируется не столько на приезжих, сколько на местных жителей. Но и приезжих, скажу я, должно быть как можно больше.

И сколь бы ни было трудно создать московский музей Шолохова, то, что люди придут сюда, а потом прочитают или поновому перечитают «Тихий Дон», оправдает любые усилия.

Мы на Урале чрезвычайно ценим творчество Мамина-Сибиряка и Бажова. В сказах Бажова Урал впервые увидел и осознал себя. Уральского характера, уральской земли без Бажова нет. Как нет Дона, Верхнего Дона, без Шолохова. Поэтому шолоховский заповедник должен по возможности представить всю жизнь этого края. Я бы хотел увидеть здесь, к примеру, этнографический музей донского казачества. Вчера мы ходили по вешенским улицам, безусловно искали курень. Наконец обратились к старожилам, и они с гордостью нам сообщили, что уж тут мы куреня не найдем. Но это же полное разочарование — побывать в Вешенской и не повидать куреня. Почему бы действительно не устроить здесь заповедник донской архитектуры?

На трудности с организацией музея Шолохова в Москве обратила внимание директор Государственного литературного музея Н. Шахалова. Прежде всего предстоит сформировать мемориальный фонд, обеспечить будущую экспозицию документами и материалами.

Идею московского музея Шолохова энергично отстаивал поэт Б. Куликов (Семикаракорск Ростовской области).

Нельзя мириться с тем, что нет в постоянной продаже книг Шолохова. Вдумайтесь в эту нелепость: даже в Вешенской нельзя купить ни «Тихий Дон», ни «Поднятую целину», ни сборник рассказов. Ничего нет. Как, впрочем, и в Москве. Что из того, что тиражи большие, если книг настолько не хватает? Значит, недостаточно большие.

А. Софронов. Прошло сорок девять лет с того дня, когда я впервые приехал в Вешенскую к Шолохову. Мне предложили написать сценарий двадцатиминутного фильма о нем. Мы стоим у крыльца старого деревянного дома, которого, к сожалению, уже нет, и Михаил Александрович говорит: «Ну зачем это?» Он был скромен по-настоящему, не напоказ.

Вспоминая наши встречи, я вижу, как интересно, как поучительно любое его замечание, любое слово. Вот приложением к «Огоньку» выходит шолоховское собрание сочинений. Мы выбираем иллюстрации и сходимся на Верейском.

Однажды мы сидели в столовой, вдруг вбегает Светлана с какой-то важной новостью. Михаил Александрович останавливает ее: «Подожди, дай договорить». А потом была ночь на Хопре, и утром, на зорьке, после долгого молчания Михаил Александрович сказал: «Вот смотрю на это все, а ведь меня давно уже могло не быть. В двадцатом году попал в плен к махновцам, чудом спасся».

Одна за другой стали одолевать его болезни, и я начал уговаривать Михаила Александровича переехать в Москву: там опытные врачи, современные лечебницы. «Нет, — ответил он, — не поеду. Вешенская, Дон — лучшие мои лечебницы». Но пришла самая тяжелая, последняя болезнь, и оказался он в московской больнице. За месяц до его смерти бросилась ко мне в больничном коридоре Мария Петровна: «Миша просится домой, хочет умереть на родной земле».

Надо, чтобы ни один эпизод из жизни Шолохова не был забыт. Нужно записывать воспоминания о нем, записывать вешенцев, записывать, что рассказывают о нем на Дону. Это ляжет в основу научной биографии Шолохова, придаст его музею обаяние подлинной человечности.

Т. Глушкова. Музей-заповедник на шолоховской земле — огромная культурная победа, которая имеет не местное — всероссийское значение. Все, что создано здесь, и за столь короткий срок, могло получиться лишь в силу дружного энтузиазма благодарных земляков великого писателя. Благодарность их понятна: ведь Шолохов своими произведениями придал донскому казачеству статус не сословия, а народа. И значение этого уникального творческого противостояния истребительным тенденциям времени нам предстоит осмыслять снова и снова.

Нет сомнений, что Вешенская — естественный центр, сердце заповедника — должна бы стать столицей культурной жизни Дона. Для этого многое надо еще сделать, а также переделать, как говорил А. Обертынский. Переделать, руководствуясь чувством конкретного патриотизма — гордостью историей края, его традиционной самобытностью, разумно сопротивляясь «прогрессивной» нивелировке шолоховских станиц. Архитектурные, озеленительные да и сами музейные решения, организация культурной жизни здесь должны расстаться с духовно бесперспективными идеалами «современного стандарта» и служить плодотворнешему — сохранению шолоховского воздуха: живых признаков той исторической стихии, которую воплотил писатель, беря ее с натуры, в своей бессмертной эпопее. Этот шолоховский воздух, который я назвала бы воздухом Тихого Дона — в том обобщенном образном смысле, в каком для многих пушкинский, например, воздух сопряжен с Михайловским, вдохновившим корневые главы «Онегина», — более ощутим в станице Каргинской, нежели в обезличенной нынче Вешенской... Своевременна и такая забота: как избежать стилизации, то есть другой, «благородного» толка, унификации, которая сопутствует обычно индустрии туризма? Эта индустрия и культурное движение — вещи, конечно, разные. Но у нас уже есть, к сожалению, проявления массовой культуры в жанре историко-литературного мемориала. Не избежало ляпповато-завлекательных черт и Михайловское: можно указать и на псевдопушкинский Арбат в Москве или «по-оперному» декорированный Андреевский спуск в Киеве, связанный с памятью М. Булгакова...

Грубое, шумное дыхание массовой культуры в своем роде коснулось уже и «Шолоховской весны». Речь о музыке, вторгшейся вдруг сюда, — пусть это была только капля в огромной, прекрасной чаше фольклорного праздника. Выступление детского танцевального ансамбля из Таганрога сопровождалось сладкой ресторанной мелодией зарубежной эстрады. Балетный номер другого молодежного коллектива шел под магнитофонную запись Аллы Пугачевой, чей «хозяйский» голос разносили усилители по всей казачьей округе... Кому пришло в голову внести в русский, донской фольклорный праздник эти диссонирующие ноты? Конечно же, не самим детям... Но эта бестактность, неуважение к характеру и задачам фольклорного праздника в Вешенской знаменательны. Они касаются, конечно, и отношения к Шолохову.

Г. Сухорученко, председатель правления Ростовской писательской организации. Мне близка высказанная здесь мысль о создании наряду с музеями одного писателя коллективных литературных музеев. Мы знаем музей Чехова в Таганроге, видим шолоховский заповедник, можем побывать в доме-музее Закруткина, а в станице Кочетовской... Но, объездив все писательские музеи Дона, мы так и не завершим в Ростове. Потому что в Ростове, где есть улицы, названные именами писателей, где есть посвященные им мемориальные доски, до сих пор нет музея, в котором можно было бы обстоятельно познакомиться с литературной жизнью области. А ведь нам есть о чем рассказать. С Ростовом связаны такие крупные писатели, как Серафимович, Тренев, Шагинян, Панова, Погодин... Здесь Фадеев писал «Разгром», здесь грузчиком в порту работал Горький, здесь бывал Есенин, неоднократно выступал Маяковский. Проезжал через Ростов Пушкин. Какой богатый и разнообразный материал для музея литературной жизни! Можно спорить, что для него важнее: самостоятельность или опека краеведческого музея? Но в том, что литературный музей нужен, сомнений нет. И общественность сейчас широко говорит об этом.

А от «именных» музеев, конечно, мы ждем заинтересованного внимания и к литературному окружению «своего» писателя, и к местной литературной жизни.

В. Карамазов (Минск). Недавно у нас вышел энциклопедический словарь, посвященный Янке Купале. В Москве издана Лермонтовская энциклопедия, на Украине — двухтомный Шевченковский словарь. Такой фундаментальный справочный труд необходим и по Шолохову. А почему бы не выпустить, скажем, словарь языка Шолохова? А словарь донского казачества?

Уходят из жизни сверстники Шолохова, его казаки, его друзья, те, с кем он рыбачил, с кем охотился, пел песни, с кем рядом жил. Надо успеть записать их живые голоса для литературы, для культуры, для истории. Привлечь к этому фирму «Мелодия», чтобы не только в музее, но и в любом доме можно было послушать эти песни, рассказы, воспоминания.

В. Куриков, доцент Ростовского государственного университета. Шолоховский музей не просто рассказывает о писателе, но и вводит в непоторимый творческий мир. Его приоткрывает уже само путешествие по заповедной степи из одной станицы в другую, из мемориала в мемориал, его высвечивают знакомство и общение с людьми, которые были свидетелями и участниками запечатленных Шолоховым событий, с людьми, которые несут в себе черты шолоховских героев, с людьми, которые с юных лет впитали шолоховское слово, живут им.

Мемориальность, подлинность — драгоценнейшее свойство музея. Но музей не только слепок быта, это еще и научное учреждение. И шолоховский заповедник должен стать центром научного освоения наследия писателя. Нужно показать то новое, что внес Шолохов в мировую литературу, в наше понимание мира, истории, человека, в трактовку гуманизма, социалистического гуманизма. Нужно показать борьбу Шолохова за своих героев, особенно за Григория Мелехова. Ведь Шолохов не поддался нажиму, ничего не изменил в своем произведении.

Хочу сообщить, что Ростовский университет готовит трехтомный Словарь языка Шолохова и ряд сопутствующих изданий. Среди них — этнографический сборник «Донская свадьба». Планируется также переиздание Словаря донских говоров.

Н. Скребов, член редколлегии журнала «Дон». Станица Вешенская всегда обладала особой притягательностью. Двадцать лет назад, когда в гости к Шолохову приезжали молодые писатели социалистических стран, мне впервые довелось быть свидетелем подлинно народного литературного праздника.

В скорбные дни прощания с Михаилом Александровичем тысячи людей прошли через траурный зал. Глядя на опечаленные лица земляков Шолохова и тех, кто приехал сюда издалека, я подумал о многучей объединяющей власти художника: горе было таким же всеобщим, как и радость минувших праздников...

Теперь, когда мы говорим о музее-заповеднике, меня больше всего заботит сохранение шолоховской атмосферы, объединявшей сердца людей и в радости, и в горе. Не должно быть в этих священных местах ни деляческой суеты, ни празднословия, ни безразличия, ни тем более тщеславного «вписывания» себя в престижный антураж.

Сегодня этого, к счастью, нет. Великолепный фольклорный праздник вернул меня к тем давним дням, когда в центре торжеств были Шолохов и Гагарин. Значит, жива деятельная народная память о великом художнике слова, увековеченная и в конкретных реалиях его жизни среди земляков, и в той высокой духовности, которую он завещал своим творческим и гражданским примером.

Писательский музей в условиях современной сельской жизни, на мой взгляд, непременно становится центром культурного развития станиц и хуторов, района, всего края. Поэтому и возникло при музее-заповеднике литературное объединение, которое возглавляет сотрудник музея Григорий Федорович Бычков. Мы с Борисом Куликовым познакомились со стихами юного вешенца, ныне студента Ростовского университета Юрия Карташова — это интересный, обнадеживающий литератор. Здесь, на шолоховской земле, пишут стихи, рассказы десятки людей — от ветеранов труда до учащихся педучилища. Среди авторов — сельский механизатор Николай Чукарин, учитель Валерий Муховиков, журналист Александр Крамсков... Наша областная писательская организация не может оставлять без внимания эту работу шолоховского музея-заповедника.

Н. Палькин (Саратов). Мне бы хотелось предвосхитить мысль о мировом значении шолоховского музея-заповедника. Я не сомневаюсь, что с годами Вешенская станет центром не только отечественной, но и мировой культуры, своеобразной литературной Меккой, куда будут стремиться люди со всех концов планеты, чтобы поклониться земле, давшей миру великого художника. А созданное человеком и природой великолепие, все эти станицы, хутора, сады, дороги, живая речь, живая казачья песня, сам дом с его историей и легендами будут еще больше оттенять самобытность и самоцветность шолоховского слова.

Руками земляков Шолохова, руками подвижников музейного дела создается светильник, достойный высокого огня, зажженного крупнейшим художником нашего века. Так пусть он разгорается все ярче, этот высокий огонь человеколюбия, противостоящий силам зла и разрушения.

«Я принадлежу к числу тех писателей, — подчеркивал М. Шолохов, — которые видят для себя высшую честь и высшую свободу в ничем не стесняемой возможности служить своим пером трудовому народу». Об уроках Шолохова, прежде всего о народности его творчества, говорил на встрече за «круглым столом» первый секретарь правления СП СССР В. Карпов. Известно, что в своих произведениях Шолохов обратился к узловым эпохам народной жизни. В судьбе человека открывались ему судьбы народные.

Одно из проявлений ответной всенародной любви к Шолохову — создающийся на его родине музей. Мы видим, что он стал делом жизни тех, кто здесь работает. Мы верим, что он станет событием в жизни тех, кого приведет сюда благодарная любовь к великому художнику слова.

В разговоре также приняли участие музейные работники Москвы и Ленинграда, сотрудники музея-заповедника М. А. Шолохова.

Беседу за «круглым столом» записал В. РАДЗИШЕВСКИЙ, спец. корр. «ЛГ»

ВСТРЕЧА В ВЕШЕНСКОЙ

В сознании многих читателей «Тихий Дон» давно стоит рядом с «Войной и миром». А ныне и Вешенская становится в один заповедный ряд с Ясной Поляной, самыми памятными литературными местами. О музейном деле, прежде всего о том, каким хотелось бы видеть Музей-заповедник М. А. Шолохова на Верхнем Дону, об освоении шолоховского творческого наследия шла речь в Вешенской за «круглым столом» «Писательский музей и современность».

Языком графики

Иллюстрации к «Тихому Дону»

О. ВЕРЕЙСКИЙ

Ю. РЕБРОВ

Альбом ЛГ

ВЫПУСК VII

1917-1987

Эта страница «Альбом «ЛГ» — итоговая, завершающая цикл фотопубликаций к 70-летию Великого Октября.

Из множества фотокадров, которые стали бесценными документами нашей истории, мы попытались выбрать наиболее характерные и малоизвестные снимки.

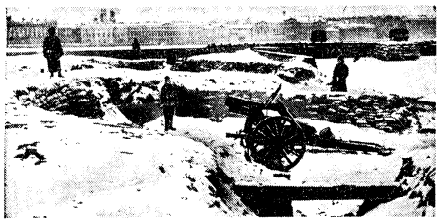
За каждой фотографией стоит автор — человек с фотокамерой. Каким мастерством, изобретательностью и мужеством нужно было обладать фотографам, чтобы запечатлеть на пленку многогранную деятельность Владимира Ильича Ленина, участников гражданской войны и тех, кто боролся с интервентами. Затем тех, кто строил Магнитку, создавал первые колхозы и прокладывал стальную магистраль Турксиба, наконец, показать на фотографиях перелет экипажа Валерия Чкалова в Америку, отважных папанинцев на дрейфующей льдине. Рядом с воинами Великой Отечественной пройти по дорогам войны, а потом продолжить фотолетопись мирных дней: восстановление разрушенных городов и сел, строительство заводов-гигантов, космические исследования, освоение целинных земель...

Фоторепортеры сегодняшних дней приняли эстафету от мастеров 20-х, 30-х, 40-х, 50-х... годов. Фотолетопись страны продолжается.

● В. И. Ленин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова на Красной площади во время парада войск Всевобуча (1919 г.)
Фото К. КУЗНЕЦОВА

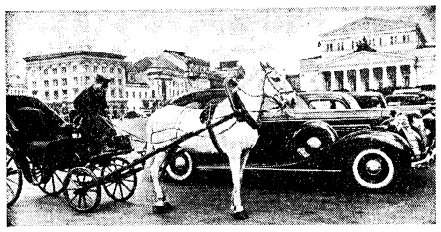
● Узбекистан. Земельно-водная реформа (20-е годы)
Фото Г. ЗЕЛЬМЫ

● М. И. Калинин и С. М. Киров на Свирьстрое (1927 г.)
Фото В. БУЛЛЫ



● Оборона Петрограда против наступления Юденича (1919 г.)
Фото В. БУЛЛЫ

● К. С. Станиславский с труппой МХАТа после спектакля
Фото Я. ХАЛИПА



● Встреча «поколений» на площади Революции в Москве (1936 г.)
Фото А. ШАЙХЕТА

● На Красную площадь (1934 г.)
Фото К. ШАГИНА

● Война народная
Автор снимка неизвестен

● Сохранен на века. После снятия блокады Ленинграда
Фото Д. ТРАХТЕНБЕРГА

● Космонавты Кубы, ГДР, ЧССР, ПНР, НРБ, ВНР, МНР в павильоне «Космос» на ВДНХ (снимок наших дней)
Фото А. ПУШКАРЕВА

● Юрий Гагарин в Хельсинки (1962 г.)
Фото С. КОСЫРЕВА

● Целинники (70-е годы)
Фото Т. БАНЕНОВА

● Праздник на Красной площади (снимок сегодняшних дней)
Фото Е. ФЕДОРОВСКОГО

Выпуск подготовили: Л. УХТОМСКАЯ («Советское фото»), Ю. РОСТ, Н. НОВИКОВ, Е. ФЕДОРОВСКИЙ

70 1917–1987

Глазами детей

● *Матрос-большевик с «Авроры».*
● *Демонстрация Всероссийского Земского Союза (ВЗС).*
● *Автомобиль с революционными солдатами.*

В КОЛЛЕКЦИИ Государственного исторического музея хранится необычный комплекс графических материалов. Это рисунки московских детей, очевидцев двух российских революций и первых послереволюционных лет. Приблизительно половина из них, в всего в коллекции около 2 тысяч листов, относится к периоду первой мировой войны, другая — к 1917—1918 гг.

Можно без конца рассматривать картины маленьких художников, поражаясь остроте их взгляда, меткости деталей. Перед тобою встает эпоха, увиденная наблюдательными детскими глазами. Изображения документальны, с надписями, названиями, лозунгами на знаменах, плакатах. Иногда рисунки отражают классовые позиции семей, к которым принадлежали юные художники, что представляет дополнительный интерес для всех, кто соприкоснется с этим удивительным источником.

Такая коллекция не могла сформироваться случайно. Если теперь есть дома детского творчества, где собирают и хранят лучшие работы, то от прежних времен детские рисунки приходят в музеи редко. История данного собрания представляет большой интерес и проливает свет на характер самих изображений.

Рисунок ребенка обычно отражает ближайшее окружение или мир фантазии, сказки. Каким же образом глаза целого коллектива детей были направлены на наблюдение общественной жизни?

Всю коллекцию передал в Исторический музей в 1919 году В. Воронов (1887—1940), человек, убежденный в эстетической значимости и ценности этого материала. Он хорошо известен всем, кто когда-либо серьезно интересовался русским народным творчеством. Его книга «Крестьянское искусство» является первым научным исследованием, систематизировавшим все предыдущие работы по этой теме.

С 1919 по 1936 год Воронов работал в Историческом музее, последние годы жизни — в Научно-исследовательском институте художественной промышленности. Но была и другая, мало кому известная сторона деятельности: еще учась в Строгановском училище, он начал преподавать рисование детям и так увлекся, что не оставлял этого занятия многие годы. Он был пионером и теоретиком нового отношения к детскому творчеству и его задачам.

В 1919 году в статье «О детском рисунке», опубликованной в сдвоенном (№№ 13—14) выпуске журнала «Народное просвещение», В. С. Воронов, рассматривая психологическую основу творческого процесса ребенка, объявил детский рисунок искусством без всяких оговорок и ограничений. «Это особый мир, — писал он, — где единство художественного изображения и острое обобщения являются следствием непосредственного отражения действительности ребенком; это не имеет ничего общего с поисками художественной примитивизации в современном искусстве. Синтетически обобщенная линия, органически свойственная ребенку, обладает четкостью, уверенностью, даже резкостью; но она не является плодом долгих и трудных художественных исканий зрелых мастеров. Весь видимый ребенку мир окрашен в цельные и яркие цвета». Литературное наследие Воронова по вопросам детского творчества и преподавания художественных дисциплин не потеряло своей ценности. Переиздание его статей, заметок, книг по этим вопросам принесло бы немалую пользу современной педагогике. Предложение данное. К сожалению, оно так и не нашло поддержки ни со стороны Академии педагогических наук, ни со стороны Министерства просвещения, ни со стороны издательства «Просвещение».

По надписи на обороте одного из листов ГИМовской коллекции удалось определить учебное заведение, где Воронов проводил свою экспериментальную работу с детьми в революционном 1917-м. Это реальное училище Александрова на Большой Дмитровке (ныне улица Пушкинская), дом 28.

Учитель предлагал темы лишь в самой общей форме. Установка была на свободное самовыражение. Отсюда многообразие запечатленных событий, лиц, вошедших в историю, и, увы, не сохранившихся уголков столицы, таких, как, например, Красные ворота, многие дома, улицы.

Младшим ученикам, детям девяти-, десятилетнего возраста давалось задание рисовать одиночные фигуры — типовые портреты.

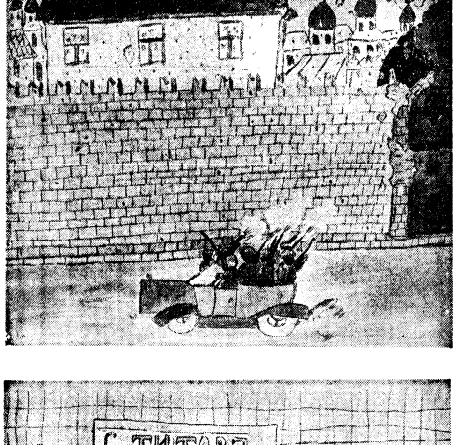
Дети постарше, третьего, четвертого года школьного обучения, рисовали многофигурные композиции, сцены уличной жизни: митинги, демонстрации, уличные бои осенью 1917-го, признаки разваливающегося быта, разрухи, наконец, ростки новой жизни.

Точность детского видения такова, что почти всегда можно определить и время, и место событий. Работы заслуживают не только специальной публикации (издательство «Советская Россия» в этом году уже выпускает книгу «Москва. 1917 год. Рисуют дети — очевидцы событий»), но и специальной постоянной экспозиции.

Мы ничего не знаем о судьбах юных художников, может быть, кто-нибудь из них и откликнется на эту публикацию. В. С. Воронову удалось воспитать в детях способность к вдумчивому наблюдению, умение видеть, обращать внимание на самый широкий спектр общественной жизни. Знакомство с рисунками вызывает искреннее волнение: это подлинные документы великой эпохи.

И. ГОНЧАРОВА, А. НЕНАРОКОВ

● *Большевик идет на митинг.*
● *Бой на Кремле.*
● *Очередь в магазин Титова.*



● *Осада дома (Октябрьские дни в Москве).*

Люди революции

ИДУЩИМ ВОСЛЕД

Зорий БАЛАЯН

14 СЕНТЯБРЯ 1896 года Степану Шаумяну не было даже восемнадцати. В тот день он писал: «С сегодняшнего дня я начинаю «действовать» на моем скромном ученическом поприще. До сих пор жизнь моя была довольно серой и скучной, потому что... она не была приправлена живой деятельностью, которая стала для меня совершенно необходимой».

«Действовать» для него означало давать уроки на русском языке, писать политические статьи на армянском, выступать с речами на грузинском, читать произведения Маркса и Энгельса в подлиннике. Он уже признался самому себе, что «период предрассудков прошел». Уже выяснил для себя, что «один видит счастье жизни в том, чтобы работать и даже отдавать жизнь за людей-братьев, а другой в том, чтобы их грабить, пить их кровь».

...Трудно было в дореволюционном Тифлисе найти более богатого человека, чем известный нефтепромышленник Манташев. И пожалуй, трудно было найти студента беднее, чем Шаумян. И надо ж было случиться, что в красивого, большеглазого юношу влюбилась именно дочь мультимиллионера. Была названа даже сумма приданого — двести тысяч рублей, которые позволили бы не только закончить образование, но и впоследствии стать полноправным компаньоном нефтепромышленника. Но Степан женился на любимой девушке Кетеван из бедной семьи, узнав, что учеба в Риге обойдется дешевле, переехал туда и поступил в политехнический институт.

Всюду возил с собой ящики с книгами. Всегда перечитывал Толстого и Достоевского. Мало кто знает, что Степан Шаумян одним из первых переводил Горького на армянский язык. Признавался друзьям, что революционером его сделала прежде всего литература. В двадцать лет был тесно связан с социал-демократами Тифлиса и Петербурга. В двадцать один год организовал в Армении первый марксистский кружок. В двадцать два в Риге вступил в члены РСДРП. И на протяжении всех этих лет он регулярно выступал в печати в качестве литературного критика, переводил русскую классику на армянский язык. В двадцать три года написал обращение «К армянскому народу», в котором было сказано: «Что хочет обрести хлеб и свободу, дом и родину, кому дорого будущее детей и внуков, судьба народа, тот должен объединиться с русскими тружениками, вместе готовить революцию. Сыновья Кавказа, армяне, грузины, татары, объединяйтесь под знаменем грядущей русской революции».

Я читал письма Степана Шаумяна, изданные отдельной книгой. Читал монографии о нем. Избранные произведения в двух томах. Страница за страницей проходила перед моими глазами история жизни удивительного человека, который сотворил из себя борца. Мне даже казалось, что я точно определил, когда и где произошло рождение революционера, имеющего программу действий.

Это было 19 мая 1902 года. Тифлис. Общественность чествует видного армянского писателя Газароса Агаяна. Отмечает сорокалетие общественной и литературной деятельности писателя-демократа. На юбилейных торжествах выступил двадцатитрехлетний Степан Шаумян. Говорят, юбиляр, получив потом текст речи Шаумяна, подчеркнул собственноручно два места: «Вы составили прекрасные учебники, красивым языком написали занимательные сказки, — но где же то поколение, которое по Вашим учебникам обучалось родному языку, которое росло и воспитывалось на Ваших произведениях?» И: «Нет такого сильного врага, с которым невозможно было бы бороться, нет такого насилия, такой несправедливости, против которых было бы бессмысленно протестовать. Борец вступает в борьбу не только в том случае, когда он уверен в победе, борется не только затем, чтобы победить. Он борется потому, что не может не бороться; он борется, иногда, — чтобы умереть».

Шаумян с трепетом относился к поэзии Ованеса Туманяна. Поднупал в поэте истинный интернационалиэм. Предлагал перенести на поэтический язык предание о братьях Хайосе и Картлосе, прародителях армян и грузин. Любил повторять, что жену можно выбирать, выбирать можно и соседа даже. Но брата не выбирают. Братом гордятся. Вековую дружбу между грузинами и армянами считал феноменом, требующим не только научного исследования, но и поэтического постижения. Очень пришлась ему по душе формула, выведенная Ованесом Туманяном: «Каждый грузин — поэт. Поэт-грузин — дважды поэт». Шаумян считал, что революция для грузин и армян — дело общее, одинаково спасительное. И борьба может быть только совместной. Не случайно в марте 1903 года на Первом съезде закавказских социал-демократических организаций было решено объединить грузинскую газету «Брдзола» и созданную с участием Шаумяна армянскую газету «Пролетариат» в один орган под общим названием «Борьба пролетариата».

Вступая в открытую полемику с литераторами, которые изменяли революции, Шаумян писал, что «литература — это храм, куда можно входить лишь с чистой совестью и благородными стремлениями.

Когда же люди подходят к этому храму с мелкими честолюбивыми стремлениями, корыстолюбивыми целями и со склонностью ко лжи — это величайшее преступление, совершаемое против народа». Одной из сверхзадач литературы считал, что она не только призывает бороться за человека на земле, не только жить с достоинством, но и умереть с достоинством.

О подвиге Бакинской коммуны написаны монографии, книги, брошюры, сняты фильмы, сложены легенды, сказания, песни. Известно около четырехсот ленинских трудов, работ, статей и документов, в которых вождь революции касается событий на Кавказе, рассматривает историю его народов, анализирует развитие экономики, классовых и национальных отношений, культуры. Многие из них имеют непосредственное отношение к деятельности Бакинской коммуны. И чем глубже знакомишься с фактическим материалом, тем явственнее чувствуешь (именно чувствуешь) трагедию не только самой коммуны в целом, но и каждой человеческой судьбы в отдельности. Кольцо смерти сжималось вокруг коммуны так безжалостно, что только слепой и глухой, могли предвидеть ее неминуемой гибели. Зная о том, что борьба предстоит неравная, Шаумян писал в те дни: «Нам предстоит или победить и продвинуться вперед, чтобы утвердить власть, или пасть в неравной борьбе».

Германия, Англия, Франция и Турция уже вплотную приступили к реализации совместного плана захвата Закавказья, бакинской нефти. Премьер-министр Англии Ллойд Джордж напишет потом о событиях тех дней в Баку: «Мы в это время не сидели сложа руки». 20 мая Шаумян даст телеграмму в Москву: «...Все сообщения из Тифлиса говорят о готовящемся походе со стороны турок...» А через несколько дней немецкие войска выступят в Грузию, турецкие — в Армению. Вскоре В. И. Ленин напишет в Астрахань: «Положение в Баку для меня все же не ясно. Кто у власти? Где Шаумян?.. действуйте по соображениям всех обстоятельств. Вы знаете, что я доверяю полностью Шаумяну. Отсюда нельзя разобраться в положении и нет возможности помочь быстро». К тому времени Бакинский Совнарком уже подал в отставку. Многие историки и исследователи впоследствии напишут о том, что Шаумян и его соратники имели возможность спасти себя.

Это правда. Такую возможность они имели. И не единожды. Руководители большевистских организаций при активном содействии рабочих делали все, чтобы спасти Шаумяна и его друзей. Однако для комиссаров, по их убеждению, на карту была поставлена честь партии.

В «Бакинском рабочем» 11 августа 1918 года, за пять дней до ареста, Степан Георгиевич писал о том, как в дикой траве народных комиссаров время потеряли самообладание. Их печать, подчеркивал Шаумян, «старается направить на меня лично темные заблуждающиеся массы и добиться самосуда надо мной. Это нетрудное дело. Это, может быть, удастся вам, но это не поможет вам, господа. Суд сознательных рабочих, суд истории гораздо важнее для нас, и он будет гораздо страшнее для вас, чем самосуд толпы, к которому вы призываете».

Еще было время. Еще можно было спастись. Член Бакинского комитета М. Варначев писал в эти дни: «Мы, группа большевиков, близких к т. Шаумяну, стали его уговаривать немедленно выехать в Астрахань, а потом в Москву, но тов. Шаумян категорически отказался, заявив, «Что мне скажут Бакинская организация и все рабочие, когда мы вернемся в Баку, если я теперь брошу их на произвол турок и англичан?»

Так говорил отец четверых маленьких детей.

Спастись можно было и в самый канун трагедии. А. И. Микоян пишет в своих мемуарах, опубликованных в «Юности»: «Когда пароход «Туркмен» удачно отошелся от каравана судов Центрокаспия и взял курс на Астрахань, бакинские комиссары — если бы они и на этот раз (?! — З. Б.) в ущерб собственной безопасности, не оказались в плену чувств гуманности — имели реальные шансы силой оружия заставить команду подчиниться и идти в Астрахань. Это могло привести к некоторым жертвам, но, конечно, не к таким, как трагическая гибель 26 комиссаров».

Тут я позволю себе не согласиться с Анастасом Ивановичем. В том-то и дело, что Шаумян, подобно Достоевскому, не мог жертвовать хотя бы одним ребенком ради спасения даже двадцати шести комиссаров. Для него это была слишком великая цена. Да и вряд ли при реализации «реального шанса» были бы всего лишь «некоторые жертвы». В вышеназванной радиограмме диктатуре Центрокаспия подчеркивалось, что на пароходе «Туркмен» было «до 800 человек, преимущественно женщин и детей, севших совсем без провизии». Слишком как видим, велик был риск. И неизвестно, чем бы кончилась для пассажиров попытка Шаумяна и других комиссаров спасти себя. Не мог рисковать жизнью детей человек, для которого революция изначально была понятием нравственным. Человек, который в минуту самой гибели бросил клич: «Коммунисты не выкинут белого флага».

На известной картине Н. Н. Бродского «Расстрел двадцати шести бакинских комиссаров» хорошо видны лишь три двадцать большевиков. Правда, на переднем плане показаны тела группы расстрелянных, рядом с которыми возятся мародеры. Картина написана в 1925 году. Член Реввоенсовета Туркестанского фронта В. В. Куйбышев телеграфировал в президиум ВЦИК, что обнаружено место гибели бакинских комиссаров: «Между станциями Перевальная и Ахча-Куйма в Закаспии, на днях взятыми нашими войсками, находится место, где зарыты предательски расстрелянные товарищи Шаумян, Джапаридзе, Петров и другие бакинские товарищи... Уже останки героев перевезены в Баку, где день похорон, 8 сентября 1920 года, был объявлен днем траура. Уже состоялся суд над многими участниками злодейского преступления. И. Бродский, конечно же, знал, что в ночь с девятнадцатого на двадцатое сентября, а точнее — в два часа ночи с бакинскими комиссарами остановился на 207-й версте в сторону Ашхабада между телеграфными столбами №№ 117 и 118 и что первую группу большевиков в количестве тридцатьти человек вывели из вагона. Их обманули. Сказали, что везут в ашхабадскую тюрьму. И поэтому они взяли с собой свои вещи. Их отвели шагов на семьдесят пять — сто по левую сторону от вагонов. Послышались выстрелы. И вторая группа вышла из поезда уже без вещей. У Шаумяна и его соратников не было сомнений в участи, которая их ожидает через несколько минут.

Вторую группу подвели к тому месту, где слышны были стоны умирающих, которых бандиты добивали штыками. Художники показали на гребне бархана стоящих в шеренгу комиссаров в самый последний миг их жизни. Напротив выстроился взвод бандитов, взявших винтовки на прицел. Говорят, современники спорили о картине. Считали, что по документам было не так, как изображено на полотне. Но, думается, художник-реалист не мог натуралистически придерживаться одной только документалистики: «Пьяные палачи выводили комиссаров на гребень песчаного бархана и расстреливали их из пистолетов и винтовок, рубили шашками, убивали штыками и прикладами. Озверевшие бандиты дробили черепа, руки, ноги, отрубали головы своим жертвам».

...Так уж вышло что два тома «Избранных произведений» С. Г. Шаумяна я прочитал сразу после «Жития Месропа Маштоца» Корюна, в котором воспевается подвиг создателя армянского алфавита. И я подумал, что в любом подвиге, совершенном во имя будущего народа, всегда есть революционное начало. И совершается он для тех, кто придет вослед. Именно так писал полтора тысячелетия назад историк о своем герое: «И обо всем этом он, благоговеет не ради похвалы и славы, но чтобы это служило примером и правилом идущим вослед».

ЕРЕВАН

Охватившая мир в последние десятилетия научно-техническая революция повлекла коренную переоценку ценностей. На передний план выдвинулась сама человеческая мысль, облеченная то в форму технического решения насущной для человечества задачи, то в форму кардинальной научной идеи. Не нефть, не газ, не руды и минералы становятся ныне главным достоянием государства, а новые идеи — порождения раскрепощенных от каждодневной смертельной борьбы за выживание человеческих умов. Идеи продаются и покупаются, на внутренних и международных рынках ценятся дороже золота. Ведь именно этим нематериальным «топливом» заправляет человечество двигатель своего прогресса.

Идеи... Где их брать? Как культивировать их в нашей стране? Как эффективнее использовать огромный интеллектуальный потенциал населения? Как отобрать лучшие, чтобы можно было и самим пустить их в дело, и заработать на них столь необходимую экономике страны твердую валюту? Эти непростые вопросы обсуждают сегодня участники нашего «круглого стола».

Круглый стол "ЛГ"

ДОРОЖЕ ЖЕМЧУГА И ЗЛАТА

Рисунок Ю. МИХАЙЛОВА.

КОГДА МЫ НАЧНЕМ ПРОДАВАТЬ... ИДЕИ?

С. Ушанов, специальный корреспондент «ЛГ». Подобно знаменитому герою романа в стихах, «философу в осьмнадцать лет», каждый из нас умеет судить о том, что государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему. Когда *простой продукт* имеет.

Однако два века, истекшие со времен Адама Смита, существенно поменяли наши представления об этом самом продукте, который для государства куда дороже золота. В эпоху интенсивного научно-технического прогресса на первый план выходит уже не столько овеществленный труд человеческих рук, сколько в той или иной степени материализованные (а то и просто «голые») идеи, знания, умения, знаменитые «ноу-хау». И чем выше стоит современное государство в своем экономическом и научно-техническом развитии, тем весомее «идейная» часть производимого им продукта.

Новые научные, технические, технологические идеи — это, по сути дела, самый надежный капитал, дающий при умелом его использовании постоянную колоссальную прибыль. Сегодня перед нашей страной стоит непростая задача: нам нужно пробудить свои ав многом еще дремлющие интеллектуальные силы, научиться эффективно вырабатывать, собирать и применять ценные идеи на практике. И не только использовать их внутри страны, но и выходить с ними на широкий международный рынок, где такой «идейный» товар находит все больший и больший спрос.

Чего нам для этого не хватает?

В. Иванов, начальник отдела лицензий Госкомизобретений. Согласен с вами: успешно торговать на мировом рынке, то есть зарабатывать твердую валюту лишь исключительно старыми способами — продавая нефть, газ, лес и т. д., — давно уж стало неразумно. Во-первых, природные ресурсы страны не безграничны. Во-вторых, относительная ценность «грубых» природных продуктов несравненно ниже: ведь научно-технические идеи порой так меняют жизнь, что даже дефицитное натуральное сырье теряет свою незаменимость. Вспомните, например, как успехи органической химии изменили состав многих промышленных изделий.

Поэтому в последних партийных документах было сказано: нам пора переходить к широкой продаже результатов интеллектуального труда. Подчеркивалась важность экспорта новых идей в области машиностроения как самых «умственноемких». (Тут имеется в виду и собственно машиностроение, и приборостроение, и электротехника, и электроника, и многое другое.)

Вы спрашиваете, чего не хватает. Если ответить кратко, то не хватает нам прежде всего высококачественных технических решений. Госкомизобретений часто критикуют за то, что он «зажимает» изобретателей. Между тем число ежегодно регистрируемых изобретений у нас самое высокое в мире. Плохо другое: внедряются они очень долго и вообще до практики доходит едва ли треть. Думаю, что это не только из-за косности администраторов, но и по причине недостаточного качества предложенных технических решений. Кстати, «бумажная» разработка почти никогда не может считаться высококачественной, ведь только слово в оценке идеи всегда остается за практикой. Вот почему «голые» идеи не в цене. А уж если мы вознамеримся продать такую идею капиталисту, очень хорошо умеющему считать свои деньги, он потребует с нас трижды подтвержденных практикой гарантий. Кота в мешке не купит никто!..

Г. Вакс, председатель ИКЦ (Изобретательского кооперативного центра). Чтобы продавать внутри страны или на международном рынке «голые» идеи или до мелочей разработанные технические решения, их прежде всего нужно иметь. Боюсь, что при нынешней постановке дела у любого изобретателя, говоря шире — новатора, вскоре вообще пропадет охота придумывать что-то новое.

Я думаю, что присутствующие здесь в все читатели газеты не раз слышали о проблемах изобретательства. Изобрести, придумать по обязанности нельзя. Но есть и всегда были люди, которым в голову постоянно приходят оригинальные идеи — это своего рода божий дар, а может быть, наказание божье. Мысль точит такого человека, не дает ему покоя, заставляет стучаться во все двери, чтобы как-то пристроиться в жизнь. Таково уж устройство его головы.

Сегодня перед подобным новатором два пути. Он может просить авторское свидетельство, закрепляющее его авторство, но передающее государству исключительное право использования изобретения. Либо изобретатель, уверенный в себе и в своих идеях, хочет сохранить за собой большую степень контроля. Тогда он просит выдать ему патент.

Что такое патент? В других странах патентная система организована весьма логично. Автор помещает описание своего изобретения в патентное бюро и платит ежегодную пошлину — за то, что государство охраняет его авторские права. А соберись кто-то использовать предложенную новинку, прежде он будет обязан испросить авторского согласия и договориться о разделе ожидаемой прибыли.

Каждому ясно, что если человек за хранение описания своей идеи платит деньги, и деньги не такие уж малые, значит, идея стоит этих расходов. Поэтому никто, кроме наших патентных экспертов, не изводит патентовладельца лишними предварительными условиями. Вы можете беспрепятственно запатентовать, скажем, в США, совершенно неперспективную вещь — ну, какой-нибудь гроб, запирающийся изнутри, — и вам слова обидного не скажут. Только аккуратно платите каждый год пошлину! Ведь простой и естественный денежный самоконтроль во много раз эффективнее любых бюрократических ограничений. Если вам хочется платить деньги ни за что, государство не отказывает своему гражданину в этом скромном удовольствии.

У нас в стране все обстоит почему-то совершенно иначе. Вся логика как бы поставлена с ног на голову. Даже когда изобретатель желает получить патент, чтобы потом регулярно платить государству за охрану его прав на использование идеи, с него самым серьезным образом требуют доказательств работоспособности и даже «целесообразности» предложенной новинки. Можно подумать, что не новатор собирается платить деньги патентному ведомству, а само государство выдает денежный кредит ненадежному просителю и хочет удостовериться в каких-то гарантиях. Походит-походит новатор по бюрократическим кабинетам, пообивает пороги да и плюнет разом на все — и на патент, и на авторское свидетельство, и на само изобретение.

Дело даже не в низкой квалификации иных экспертов (хотя встречается и такое), не в жульнических наклонностях (хотя бывало, что одной рукой он пишет отказ, а другой уже составляет свою заявку на сходную тему) дело в том, что эксперт оказался «лишним» неустановимым, лязгающий, бездушной бюрократической машины, для которой отказать изобретателю всегда проще и безопаснее, чем согласиться с его доводами и вникать в утомительные технические детали.

А результат хорошо известен. Инициатива подавлена. Изобретения, сделанные некогда у нас, прекрасно внедряются за рубежом, и мы не только не зарабатываем валюту продажей своих технических и научных идей — нет, мы платим эту валюту за приходящие к нам с Запада конкретные их воплощения, без которых, как запоздало выясняется, у нас прогресс не идет.

Перед нами поставлена задача: продавать идеи на международном рынке, где требования к качеству разработок очень жесткие. Можно ли надеяться на это, если мы не изменим прежнего пагубного подхода к самому генератору идей?

Кстати сказать, наша патентная экспертиза составила о себе специфическое впечатление и за рубежами страны. Недавно вообщалось, что японцы просят продать им забракованные экспертизой заявки — мусорную корзину Госкомизобретений, так сказать, — надеясь, и, видимо, не без основания, отыскать там немало жемчужных зерен. Вот как нужно ценить идеи, — плод игры ума!

И. Харичев, старший научный сотрудник ВНИИстром. Я хочу расширить рамки нашего обсуждения. По заданию редакции «Литературной газеты» я собирал материал о «блуждающих» и часто не находящих материального воплощения идеях. Идеи нужно рассматривать во всех их видах — научные, технические, социальные и т. д. Ничем не следует пренебрегать, потому что, как показывает практика, неразумно заранее превозносить ценность какого-то одного вида, пренебрегая остальными.

Думаю, что не требует доказательства утверждение: люди, грубо говоря, делятся на тех, кто идеи генерирует, и тех, кто в основном воплощает (исполнителей). Никакого унижения тут нет. Исполнители столь же нужны, как и генераторы, так что обижаться на подобное деление не стоит (есть, ведь, скажем, мужчины и женщины — неужели и это кому-то обидно?). А специфика генератора идей такова, что часто у него нет и времени, и желания, и умения довести оригинальную мысль до результата, который можно пощупать руками. Это известно давно, вот почему на Западе существуют многочисленные способы, как от таких людей их ценные выдумки взять. В Японии, например, и в США очень распространены творческие конкурсы для молодежи, для детей. Фирмы тратят на это большие деньги. Значит, дело в принципе такие затраты окупает.

У нас подобных возможностей пока почти что нет. Если человек сам не умеет работать руками, не знающ в технических тонкостях, не способен довести свою идею до такого вида, когда ее не стыдно будет показать специалистам, то идея чаще всего просто гибнет. Однажды я завел разговор об этом с руководителями Госкомизобретений. Может быть, выгоднее разделить труд: один дает главную идею изобретения, кто-то другой разрабатывает техническое решение, кто-то третий специально занимается, может быть, проблемой внедрения в практику и т. д.? Отношение к такой теории оказалось более чем прохладным. «Защищать автора «голых» идей — это фактически потакать лентяю, — вот как мне ответили. — Почему кто-то должен делать все ЗА него?»

Странная позиция! В конце концов именно так и ведется испокон веку. Вот, например, физик теоретик предсказал какой-то новый эффект. Экспериментаторы сделали свою часть работы, обнаружили эффект и изучили. После инженер начинает приспосабливать его к практике, в промышленник налаживает выпуск изделий, в которых новый эффект используется. Мы с вами покупаем товар, знать не знаем про всю эту длинную цепочку. Но что случилось бы, если бы мы заставили «ленивого» теоретика трудиться за всех? Товара бы у нас просто не было.

И не следует пренебрегать идеями, которые на первый взгляд кажутся бросовыми, поскольку для них не требуется сложных специальных знаний. Такие идеи рождаются в головах домохозяек, детей, подростков (в детей, между прочим, творческие способности самые сильные). Окиньте взглядом то, что вас окружает. Вся эта удобная новая техника, электроника, бытовые машины, светотехника, вплоть до электробритв — почти все это пришло к нам с Запада. Неужели у нас никому не пришло в голову сделать ну, к примеру, вибрационную бритву? Уверен, что пришло, да и не одному человеку, наверное. Но вот довести это до металла, сделать надежно, удобно, прочно, красиво, умело подать покупателю — этого мы совсем не умеем.

Даже пустяк: возьмите хотя бы ту самую роликовую доску, на которой сейчас катаются все дети,— ее ведь тоже придумал кто-то, причем для этого не требовалось никакого специального образования. А какой массовый, многомиллионный сбыт! Или знаменитый пример с кубиком Рубика, принесшим изобретателю и его стране огромные деньги. Это ведь посложнее, требующая определенного математического мышления, но в основе — все то же простая идея. Кто бы мог предположить, что детская игрушка принесет такой громадный доход! Валютный доход — вот что важно.

Говоря об этом примере, нельзя не упомянуть о венгерском инновационном банке. Это тот самый банк, который заинтересован в собирании, отборе, воплощении ценных идей. И интерес этот отнюдь не «по обязанности» и не альтруистически: работает прибыль, деньги — исходя и гарантия совсем иного, чем у нас, отношения к «бродячему» генератору идей.

Как уже сообщалось в печати, американская корпорация изобретателей тоже немало делает в этом направлении. Она пошла даже на то, что оплачивает любому желающему телефонный звонок из любой точки страны, если звонящий хочет высказать какую-то идею. Специалисты оценивают обрисованное в общих чертах предложение и, если оно вызвало у них интерес, заключают с автором договор, оказывают помощь, по сути дела, «дотягивают» идею до реального, дающего прибыль технического решения. Конечно, часть прибыли от реализации достается им.

Несколько лет назад некто, купаясь в ванне, подумал: неплохо бы сделать кусок мыла плавающим. Он позвонил этим собирателям идей, они схватились за простую мысль — и вот, пожалуйста, сейчас вы можете купить в американских магазинах легкое пористое мыло, не тонущее в воде. Вы скажете — пустяк? Но он дает большую прибыль, поскольку привлекает внимание покупателя. Говорят, что на вопрос одной американской газеты какой-то английский турист ответил: в американском отеле его больше всего поразило плавающее в ванне мыло.

Между прочим, эта идея не такая уж новая. Перечитывая как-то раз «Детство Никиты» Алексея Толстого, я с удивлением упоминания о том, что тогда, еще тогда, в России продавалось плавающее мыло. Потом об этих милых пустяках мы забыли, занятые историческими свершениями, но идея возродилась вновь, и теперь нам уж впору покупать этот холодной продукт за полновесную валюту.

Особенно важна, как мне кажется, гибкость отношений венгерского инновационного банка или этой американской корпорации с автором идеи. С ним заключают договор, определяющий, на что он может рассчитывать. Ему могут предложить разовое вознаграждение, как бы купить идею. Можно участвовать в разработке и получить свою долю будущей прибыли, но и нести, конечно, часть коммерческого риска. Он сам выбирает подходящий вариант на собственный вкус, и, уж разумеется, никто не обязывает его кому-то что-то доказывать, убеждать, просить. Новатор во всем чувствует свою ценность для людей, его дар уважают, ему готовы помочь. И он творит, в не отчаивается, как у нас.

В. Рассохин, старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР. Разделяю ваше беспокойство за судьбу именно идей. На Западе фирмы просто гоняются за идеями. Потому что техническое решение действительно высокого уровня, которое сегодня только и можно выгодно продать, способно появиться лишь на основе новой идеи. Переживыванием старого уже ничего не достигнешь. В мире ощущается нехватка принципиально новых идей. Их мало, словно золота, словно урана, они тоже чрезвычайно редкий благородный «материал».

Техническая культура накопила горы информации, спроектировать и изготовить сейчас можно очень многое — была бы в основе оригинальная идея. А их, идей, вечный дефицит.

Мы только недавно начали понимать это. Был издан ряд постановлений, узаконивающих творческие конкурсы по выработке ценных идей решения важных технических, да и нетехнических проблем. У нас пока все впереди, и есть резон присмотреться к опыту других стран.

На Западе сегодня уделяется огромное внимание так называемому мелкому бизнесу. Это малые коллективы, сплотившиеся вокруг автора главной идеи, лидера. Сам лидер зачастую не может довести идею до материального воплощения; у него совсем другая голова, у него другие руки, у него иной подход к жизни. Он, как принято говорить у нас, не в состоянии «пробить». И для продвижения его мысли к практике возникла даже особая фигура посредника, называемого по-английски idea champion (это не «чемпион идеи», а, скорее, ходатай, борец за идею, поборитель, «пробивальщик»).

В подобном разделении труда немалый смысл. Если свои идеи начинает защищать сам автор, то и у нас, и на Западе он чаще всего их губит. Повинна в этом и его психика, и вообще неприспособленность такого человека к упорной коммерческой борьбе. Вот и нам пора искать формы создания таких микроколлективов, целых небольших организмов, в которых каждый орган выполняет именно ту функцию, к какой он предназначен самой природой. Это не значит, что все НИИ и КБ должны стать маленькими. Пусть будут большие организации, однако внутри они должны содержать такие «идейное ядро», новаторский коллектив.

Использованием сходной структуры и были обусловлены, на мой взгляд, успехи знаменитой фирмы «Факел», успехи, предопределившие и гибель этого начинания. Мало того, что работающие по-новому люди создавали неудобный прецедент, колющий глаза хозяйственникам, они еще и стали реальными конкурентами традиционным НИИ и КБ, решающим те же технические проблемы за твердый оклад.

Л. Флекер, руководитель патентного отдела ИКЦ. Хочу проиллюстрировать вашу мысль, сославшись на пример нашего кооперативного центра. Мы являемся именно той организацией единомышленников, которая кровно заинтересована в идеях любого «фрондера» новатора, даже, может быть, целого коллектива. Мы готовы каждого выслушать и, если это покажется нам интересным, заключить с ним договор, помочь ему довести «голую» идею до практического результата. Может, не нужно будет и доводить, достаточно лишь подсказать автору, стоит ли вообще заниматься этой темой или такая работа совершенно бесперспективна.

Мы освобождаем автора-мыслителя от множества забот. За плату мы оказываем ему разнообразные услуги, в том числе и по оформлению авторского свидетельства. По просьбе изобретателя мы можем, например, провести широкий патентный поиск, привлекая высококвалифицированных специалистов со стороны. Наш кооператив, кроме того, заинтересован в том, чтобы кажущиеся нам перспективными для реализации идеи не гибли, в попадали на доработку к нам. И мы станем курировать развитие идеи на всех этапах вплоть до продажи готового изделия.

Такая новая форма самодеятельной организации, прототипом которой стал наш кооперативный центр, может послужить хорошей моделью для будущего развития. Здесь есть все, о чем вы говорили: есть генератор идей, есть те, кто его консультирует, доводит идею до металла, есть люди, которые ее «пробивают». Естественно, все на хозрасчетной основе. Мы делаем это не по обязанности и не из альтруизма. Вы ведь, наверное, давно заметили: как только заводят речь об обязанностях, так дело на делается. Мы тоже, вероятно, станем со временем конкурентами каких-то предприятий. У нас тоже будет немало трудностей, но мы надеемся все-таки выжить. Другие ведь времена!

С. Ушанов. И как же вы собираетесь выходить со своими разработками на мировой рынок?

Г. Вакс. Во-первых, мы уменьшим утечку валюты, что будет равносильно ее притоку. Ситуации часто складываются так, что погибшие, не доведенные, как говорится, до ума советские изобретения быстро подхватываются за границей, и потом нам приходится платить огромные деньги за готовые изделия. Второе. Мы надеемся действительно представлять свои разработки на мировой рынок.

К сожалению, пока советский автор не может по своему желанию патентовать свое изобретение за рубежом. Власть решать этот вопрос целиком отдана какому-то чиновнику, который делает это опять-таки по обязанности и к тому же за государственный счет. То есть ни особых стимулов надрываться на работу у него нет, ни финансового контроля со стороны своего кармана. Поэтому изобретатель встретит тут еще большие препятствия, чем при оформлении патента внутри страны.

Приведу пример. У меня есть изобретение — простенькое устройство, которое я назвал флиппером. Оно спасает от повреждения спущенную шину автомобиля. Я отлично понимаю, что, например, в США — стране автомобилистов — оно будет пользоваться огромным спросом. Если его там не запатентовать, мы окажемся незащищенными: ловкие фирмачи увидят всего один раз у нас такое изделие и тут же наладят его массовый выпуск. И будут спокойно грести прибыли, не заплатив ни нашему государству, ни мне как автору изобретения ни гроша. Заработают, уверяю вас, миллионы.

Чтобы мне запатентовать изобретение в США, сейчас я должен пойти в Госкомвы, люди наши ничуть не хуже. Хуже условия, в которые они поставлены. Так давайте эти ненужные тормоза снимать.

В. Иванов. Вы говорите, что вам мешают патентовать за границей, мешают контролирующие вас сотрудники Госкомизобретений. Вам не нравится контроль. Но дело это необходимое. Ведь валютные средства на патентование идут из государственного, из нашего с вами бюджета, это нам с вами, с великим скрипом выделяет Минфин, и мы вынуждены относиться к их расходованию чрезвычайно осмотрительно.

Я в корне не согласен с тем, что изобретателю трудно «пробиться через чиновников». Наоборот, Госкомизобретений постоянно стремится к расширению объема патентования советских изобретений за границей. Мы патентуем семьсот-восемьсот мало! Из 80 тысяч признанных авторских свидетельств мы ежегодно патентуем не больше тысячи. И почти весь наш «экспорт идей» — 70 процентов продаваемых лицензий — патентами не защищен. Чем это объясняется? Да только тем, что мало, слишком мало предложений о патентовании, вносимых организациями, предприятиями. Сейчас, когда расходы несет бюджет, и то не хотят патентовать. Что же будет, если перевести, как предлагает товарищ Вакс, эту процедуру «на хозрасчет»?

Известные постановления дали недавно право нескольким десяткам министерств и предприятий самостоятельно проводить экспортно-импортные операции. При успешном ведении дел на их счетах должна будет скапливаться валюта. Вот тогда-то пусть и патентуют за свой собственный счет за границей. Валюты у государства мало, и безгранично расширять ассигнования на получение патентов никто не станет. Пусть ИКЦ добывается собственных валютных поступлений и тогда уж тратит их с риском или без...

С. Ушанов. Складывается впечатление, что наши государственные органы очень уж опасаются риска. Конечно, спокойнее жить в мире, полностью определенном рамками инструкций и уложений. Но, похоже, время, когда это еще было допустимо, прошло. Кто не рискует, тот не выигрывает — этими словами выражается суть живых явлений экономики. Тот, кто лениво сидит на печи, давно уж не просто лишает себя шанса вырваться в лидеры — нет, он неизбежно отстает, порой отстает необратимо от все быстрее и быстрее бегущего мимо него остального мира.

Что значит «рисковать»? Кто из рулеточных игроков находится в более выгодном положении: швыряющий без счета деньги на ставки или самый прижимистый, выбирающий со вздохом мелкие купюры? Ответ: ни тот, ни другой. В любых ситуациях с элементами случайности — в игре ли в рулетку, в карты, в реальной ли экономике — максимальный выигрыш получит только тот, кто умеет понять закономерности развития событий, предсказать вчерне результат и на основании статистического анализа определить, стоит делать ставки или нет. Поразительно, что до сих пор мы воспринимаем эти азбучные истины с долей удивления. Нам все еще кажется, что если поменьше расходовать, то побольше останется в кошельке. Не ведь это дело, как! Недаром говорится: скупой платит дважды.

В заключение хочу попросить присутствующего здесь правоведа подвести некий итог нашему обсуждению.

В. Рассохин. Тут не раз упоминали венгерский инновационный банк. Прекрасная идея, обретшая реальные формы. Может быть, и у нас, в Москве например, учредить какой-то подобный фонд ускорения научно-технического прогресса? Именно для финансирования технической разработки принципиально новых, я бы сказал, даже альтернативных по отношению к официально признанным идей. Конечно, не стоит немного на надежда обойтись вовсе без риска. Риск будет немалый.

Такой фонд станет опорой, хозяйственной базой для создания и временных научно-технических коллективов, и инженерных центров, и кооперативных организаций вроде ИКЦ, которые смогут тогда быть совершенно независимыми — в финансовом и административном смысле — от давно уже доказавших свою неспособность скомпрометировавших себя традиционных форм организации науки и техники.

Правда, хочу предостеречь от распространенной и пагубной ошибки, которую мы уже не раз совершали в прошлом. Не однажды, заметив появление на мысленном горизонте некоего нового типа учреждения, новой формы организации исследований и т. п., мы радостно кричали: «Вот оно, искомое, долгожданное!» И стремились поскорее заменить все старые формы этой якобы идеальной новой. А потом, увы, оказывалось, что новинку мы поспешно несколько переоценили. Или еще того хуже: лишенная нашими стараниями естественных конкурентов, освобожденная от борьбы за выживание новая форма удивительным образом сама перерождалась, хирела на глазах, проявляя все худшие черты своих предшественников.

Не отменять все старое, разрушая его до основания, а эволюционно вытеснять ненужное, естественным образом заменять его лучшим и новым. Глупо было бы взять и потребовать закрытия всех изобретений, если ИКЦ согласится принять на себя функции по патентованию изобретений за границей. Нет уж, пусть разные формы сосуществуют и конкурируют — тогда по прошествии времени сразу будет видно, кто был прав, какая структура оказалась более жизнеспособной, более выгодной для государства, то есть для всех нас, его граждан.

Говоря с точки зрения юриста, замечу, что необходимые преобразования должны быть, видимо, связаны с изменением законодательства об изобретательской деятельности. Тенденции, как я вижу, таковы, что постепенно мы придем к тому, что можно назвать новым патентным законом. В нем должны найти отражение все особенности современного развития изобретательского дела: и появление кооперативных или хозрасчетных государственных организаций помощи генераторам идей, и учет условий деятельности изобретателя (работает ли он по служебным заданиям или является вольным автором), и, может быть, признание самой новой деятельности полноправной профессией со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Над этим предстоит серьезно думать многим людям, ведь впервые мы столкнулись с тем, что такой малозаметный в прошлом на фоне тяжкого физического труда труд умственный, причем не рутинный, а самый что ни на есть творческий, выходит, фактически сам и вышел на передний план. И рассмотренные нами кратко проблемы технического творчества — лишь предвестники новой эпохи интеллектуализации всей человеческой жизни.

Сегодня, в дни 70-й годовщины Великого Октября, внимание мира сосредоточено прежде всего на нашей перестройке. Думая о ней, сознавая ее корни и значение революции и не заглядывая в будущее — планеты. Этому мы посвящаем сегодня наши страницы.

Станислав САХНИН
(ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО)

С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ...

С Станиславом Сахни, известным журналистом-международником, я встречался во время конференции между писателями Востока и Запада — в Ташкенте, в тяжелый момент, когда перестройка, ее необходимость, ее цели и ее пределы еще не были ясны. Теперь, спустя почти два года, мы встретились в Москве. Я не могу сказать, что за это время произошло с грандиозными переменами, которые стали известны в культурном мире, но уверен, что сам Сахни, как и многие другие, кто в Ташкенте, в Москве, в своей стране и за ее пределами, в трудные дни, в трудные минуты, в дни, когда, казалось, что все — и сама перестройка, и ее цели, и ее пределы — все еще в тумане, в дыму, в пыли, в Москве, в Ташкенте, в Варшаве

ЛИСТАЯ БЫЛЫЕ СТРАНИЦЫ...

Более полувека существует «Литературная газета». За это время произошло немало важных событий и в жизни страны, и в литературе. И почти на все эти события «ЛГ» откликалась, не оставаясь в то же время чуждой сатире и юмору. На ее страницах не раз появлялись яркие сатирические и просто острые произведения тех, кто уже тогда был классиком, и тех, кто классиком стал потом, и тех, кто просто вошел в литературу.

Сегодня, в преддверии 70-летия Великого Октября, мы хотим обратиться к истокам, к первым номерам, к первым годам существования газеты, выходившей тогда без участия «Клуба 12 стульев», который открылся только в 1967 году.

Предлагаем вниманию наших сегодняшних читателей во многом, на наш взгляд, не потерявшие актуальности произведения Александра Архангельского, Николая Асеева, Виктора Шкловского.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Электричество и темы старых газет

В этом отношении любопытны старые газеты.

Если вы будете просматривать старые комплекты «Московского Листка» или «Петербургской Газеты», то вам покажется, что мир не изменялся.

Темы живут десятилетиями.

Темы скучные, привычные. Новое появляется незамеченным и долго не может пройти в сознание газетчика.

В быту старое держится крепко.

Почти неощутимо было введение электричества. Его приняли, не заметив.

Однажды в газете появляется следующее изумительное сообщение:

«Экспертная комиссия по электрическому освещению кругом храма Христа Спасителя и Большого Каменного моста несколько ночей сряду производила опыты упомянутого освещения и, наконец, в ночь на 3 февраля нашла его неудобным, о чем и составила протокол» («Московский Листок», № 34, 1883).

Между тем электрическое освещение в Москве в это время уже существовало и даже вызывало восторг.

Вот как были описаны улицы накануне нового, 1883 года:

«Как заколдованный чертог сияла среди площади манеж с его электрическим освещением... Уныло мерцал тусклыми фонарями своими Артистический кружок» («Московский Листок», № 1, 1883).

Унылое мерцание продолжалось довольно долго. В 1912 году в Москве газовых фонарей было 8723, электрических — 158, а керосиновых — 14 077.

Здесь есть идиотизм сопротивления.

Не только искусство, но и газеты чрезвычайно туго воспринимают новое, не имея метода его оформления...

(«ЛГ», № 8, 1929)

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ПАРОДИЯ

Лубок

(Н. ЗАБОЛОЦКИЙ)

На берегу игривой Невки —
Она вилась то вверх, то вниз —
Сидели мраморные девки,
Явив невинности каприз.
Они вставали, вновь сидели,
Пока совсем не обалдели.
А в глубине картонных вод
Плыл вверх ногами пароход.
А там различные девчонки
Плясали танец фокс и трот,
Надев кратчайшие юбчонки,
А может быть, наоборот.
Мужчины тоже все плясали
И гребнем лысины чесали.
Вот Макс и Морис, шалуны,
Как знамя, подняли штаны.
Выходит капитан Лебядкин —
Весьма классический поэт, —
Читает девкам по тетрадке
Стихов прелестнейший куплет.
Девчонки в хохот ударяли.
Увы, увы — они на знали
Свои ужасные концы!
К ним приближался столбцы,
Не то пехотный, не то флотский
Пришел мужчина Заболоцкий
И, на Обводный сев канал,
Стихами девок доконал.

(«ЛГ», № 30, 1929)

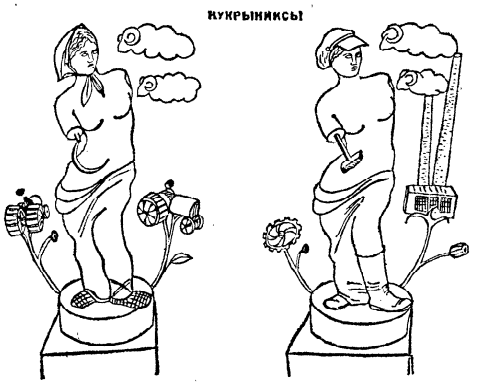
Беседа

ЧИТАТЕЛЬ. Писателю хвала и честь!
ПИСАТЕЛЬ. Читателю мое почтенье!
Ч. Что нового?
П. Новинки есть.
Ч. Приятное я предвкушаю чтенье.
Надеюсь, это не стихи!
П. Конечно, нет.
Сплошная проза.
Как говорится, от сохи.
Ведь я недавно из колхоза.
Ч. Вы тоже ездили!
П. Угу.
Ч. Бригадой!
П. Нет, единолично.
Я как-то, право, не могу
Работать скопом.
Непривычно.
Да. Пробыл там недели две.
Отлично прожил, ерать не стену,
Но то что здесь, у нас, в Москве.
Пил молоко и ел сметану.
Прибавился на пять кило,
Хотя полнеть мне не годится.
Ч. Колхоз — деревня мль село!
П. Не помню.
Кажется, станица.
Для творчества, скажу вам, клад.
Другого не сыскать местечка.
Один сплошной зеленый склад!
Направо — лес, налево — речка.
В лесу — грибы, на речке — пляж.
И вообще, скажу вам прямо,
Куда не плюнете — пейзаж,
Одна сплошная панорама.
Представьте. В небе облака
Плывут, как белые барашки,
Внизу — зеркальная река.
За речкой — луг. На нем ромашки.
Да я бы, красками владей...
Ч. Простите, я верну вас к прозе,
А как дела насчет людей!
П. Ну да, и люди есть в колхозе,
Каких там типов только нет!
Занятные, в различном вкусе.
Жаль, я прозаик, не поэт,
И о колхознице Марусе
Сказать стихами не могу.
А взять Марусю для примера. —
Поверьте слову, не солгу.
Она — колхозная Венера.
Какие плечи, ноги, стан!
Хоть в общем девка дура дурой,
Но я включил ее в роман
Почти центральною фигурой.
Я сделал так. Колхоз. Весна.
Веселый трактористе Ерема
Влюблен в Марусю. Но она
Ужасно любит агронома.
Ну-с, вот. А этот агроном
В любви не смыслит ни бельмеса.
Сухой сухарь. Колхозный гном.
Энтузиаст земли и лесе.
Переживанья этих лиц
Весьма, весьма необычайны!
В романе триста пять страниц.
Ч. Цветут поля! Гудят комбайны!
П. Да, да. Конечно. Ну с, так вот,
Намеченной добившись цели,
Я переехал на завод,
Где прожил полторы недели.
Ну, там, конечно, промфинплан,
Прорывы, домны и вагранки.
Я написал второй роман.
Хотите, покажу вам гранки!
Я сделал так. Завод. Васка.
Ударник. Дочка инженера,
Зовут Марусей, и она —
Индустриальная Венера.
В нее влюблен прядитель-спец.
Плюгавый. Жаба вместо сердца.
Ну-с, вот. А инженер-отец
Похож на инженера Мерца.
Переживанья этих лиц...
Ч. Весьма, весьма необычайны!
В романе триста пять страниц!
Цветут станки! Поют комбайны!
Поют станки!
Цветет завод!
Довольно! Сыт!
Наелся вволю!
Одно и то ж из года в год!
П. Позвольте...
Ч. Хватит!
Не позволю!!

(«ЛГ», № 52, 1930)

Рисунки КУКРЫНИНИКОВ

КУКРЫНИНИКЫ



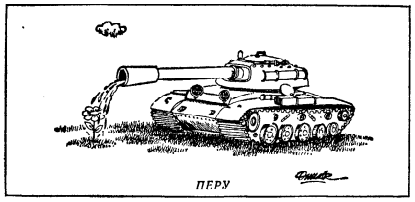
КОЛХОЗНАЯ ВЕНЕРА — ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ВЕНЕРА

Ник. АСЕЕВ

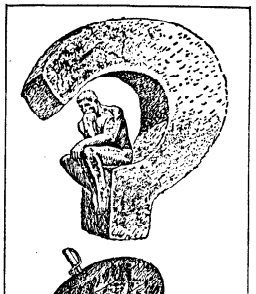
Разговор по душам

Привет ударнику в литературе.
Товарищ! Дай пять!
Надеюсь, ты скажешь ей, брови нахмуря.
Довольно!
Кончай спать!
Пора.
Давно пропущены сроки;
Вставай, с пейзажных полян
положим конец полемической склоке
борьбой за промфинплан.
Ты вымолвишь это веское слово,
в котором каждая буква прямая;
в писатель повернется и снова
давай дремать.
Потому:
неизвестно, как бороться
каждому из своего огорода,
ведь писатель — спец в душевном рытье —
давным-давно уже стал раньше.
Экономике обучаясь, уже
из нас понимают многие,
что не психология определяет бюджет,
а бюджет — психологию.
А в литературе, психологией ядра
мечь,
философы некоторые скромничают
прячут свой адрес
от фининспектора.
Прямо
двоятся по ходу действия,
живут в Москве,
а прописаны в Одессе.
А есть и такие,
кто, став к станку,
продолжают грести
в Госиздате деньги,
Глаз на таком «рабиоре» не тешьте,
в такой не ходил
Толстой прозодежде.
Чтоб положить конец самотеку
страстей раскаленных,
утишить жжение,
нужно упорядочить
эту сумятоху,
урегулировать спрос и предложение.
Чтоб
и читатель знал,
чего он хочет,
и писателю
было б верней,
нужно автора
орабочить,
орабочить до самых корней.
Чтоб чтение книги
было желанно,
чтоб был писатель
к строительству рьян,
товарищ ударник!
часть общего плана
строй —
литературный промфинплан.

(«ЛГ», № 49, 1930)



ПЕРУ



КИТАЙ

Алексей ПЬЯНОВ

СЕН-ЖЮСТ-ЛЕ-МАРТЕЛЬ: ВЕСЕЛЫЙ ДИАЛОГ О СЕРЬЕЗНЫХ ВЕЩАХ

Признаться, я подумал, что французы слегка пижонят, когда читал приглашение принять участие в международном фестивале карикатуры. Сейчас вы поймете — почему.

В первых строках своего письма организаторы выставки призывали:

«В Лондоне. Брюсселе. Милане и даже Париже берите карту и находите на ней Сен-Жюст-ле-Мартель». Хотя в тот момент я находился «и даже не в Париже», а у себя дома, в Москве, карт Франции отыскалось. На ней были четко обозначены Лион и Тулуза, Ним и Монпельье. Легко нашлись Сен-Жиль-Круа-де-Ви, Сент-Эньян, Сент-Сесиль, Сент-Йор, Сен - Жиром - ви - Марансен. И даже, представьте себе, Коньяк! Однако вышеозначенного населенного пункта, который, как писали авторы пространного послания, вот уже шестой год подряд становится местом встречи художников десятков стран, — этого самого Сен-Жюст-ле-Мартеля на карте не было.

И тогда я стал читать письмо дальше.

«Сен-Жюст - ле-Мартель — небольшая деревушка...»

Тут и закралась мысль о некотором пижонстве. Международный фестиваль — в деревне?! Вы когда-нибудь слыхали о таком? Я лично — нет. А может быть, все-таки виноват карта? Ведь известно же из литературы (правда, юмористической), что на одном из географических атласов отсутствовал даже Берингов пролив...

Впрочем, дальнейшее изучение письма кое-что прояснило. Сен-Жюст приязали к более крупным географическим координатам. А именно к городу Лиможу. Тут, как говорится, стало теплее. О Лиможе, центре провинции Лимузен, мы кое-что знаем. Ну хотя бы то, что по Франции его называют «красным городом». Нет, не за красоту древних улиц и площадей, а за то, что здесь весьма ощутимо влияние коммунистов. Потом и имел возможность сам убедиться в этом, познакомившись с людьми, которые гордятся своей принадлежностью к этой партии, много делают для того, чтобы наши народы были добрыми друзьями. Можно было бы рассказать о Даниэле Россандере, преподавателе русского языка в местном лицее, и его коллегах, увлеченно, я бы сказал, вдохновенно пропагандирующих нашу литературу и культуру среди юных своих воспитанников, ведущих борьбу за права трудящихся, за благополучие своего края...

А какой теплой, какой искренней была встреча в редакции коммунистической газеты «Эхо»! Град вопросов о перестройке обрушился на меня. Чувствовалось, что моим коллегам хочется побольше знать о нашей сегодняшней жизни из первых рук, и вовсе не из любопытства. Им это важно и нужно.

А трогательный прием в местном отделении общества «Франция — СССР»! Надо было видеть этих людей, их искренние улыбки, слышать восторженные воспоминания о поездках в нашу страну, чтобы понять: здесь, в «красном» Лиможе, да и во всей Франции у нас много настоящих друзей...

А еще всемирно известен этот город своим знаменитым фарфором. Округа — породистыми коровами. Они — своеобразный символ Лимузена. Их увлеченно рисуют взрослые и дети — и в шутку, и всерьез. О лиможских парнокопытных рассказывают забавные истории и бесчисленные анекдоты...

Впрочем, я отвлекся. Пора возвращаться к письму, которое и привело меня в загадочный поначалу Сен-Жюст-ле-Мартель.

На одной из страниц сообщалось, что фестиваль карикатуры, проходящий в деревушке с населением менее 1600 человек, в настоящее время стал наиболее популярным во Франции. Что проводят его местные энтузиасты-добровольцы, как сказали бы у нас, на общественных началах. Правда, салон юмористов и сатириков поддерживают весьма солидные «конторы»: министерство культуры, министерство по делам молодежи и спорта, региональный совет провинции Лимузен, пресса, телевидение... Но главная движущая сила этого большого и интересного дела — энтузиасты во главе с президентом местной общественной организации «Культурный досуг» Жераром Ванденбруком.

Ну вот, я опять забежал вперед, ибо ничего такого Жерар в письме своем в редакцию «Крокодила» не сообщал. Тем более о себе. Он просто очень хотел, чтобы представитель нашей страны обязательно побывал в Сен-Жюсте, увидел этот необычный и — теперь я могу смело сказать — неповторимый и ни на какие другие непохожий фестиваль сатирических и юмористических рисунков. Более того, Жерар, его друзья и коллеги сделали все, чтобы показать свою подлинную деревушку, жизнь, дела и заботы ее обитателей, познакомить с традициями и обычаями французской глубинки. Почти неделю прожил я в гостеприимном доме Ванденбруков. От меня не скрывали забот и проблем. И своих, семейных, и деревенских, и департаментских. А их хватает. В городе много безработных. Закрываются предприятия. Роботы вытесняют человека. Деревня стареет. Жизнь дорожает. Но...

Но французы есть французы! Они полны оптимизма. Вот и фестиваль этот замышен прежде всего на оптимизме, на желании вдохнуть свежую струю в жизнь Лимузена, привлечь к нему внимание, способствовать развитию края. На зов лимузенцев откликаются крупнейшие художники Англии, Бельгии, Италии, Болгарии, Японии, Алжира, Египта, Турции... Здесь знают работы наших мастеров, сатириков Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии, Китая...

Ну, в теперь о самом салоне журнальных и юмористических рисунков, уже шестом по счету. Где отыскать для него подходящее место в маленькой деревеньке, раскинувшейся на приречных холмах? Два мощных трейлера привезли огромные цветастые шапито — и проблема была решена. В просторных ангарах разместилось более тысячи рисунков из 36 стран, книжная ярмарка, различные аттракционы. Веселый шут зазывал людей. Звучала шарманка, наигрывая старинные мелодии. Ловко жонглировал теннисными мячами фокусник. Дама в воздушном платье и невероятных размеров шляпе вежливо провожала гостей к стендам. Лучшие художники Франции в поте лица трудились у мольбертов, изображая каждого, кто решился увековечить себя в карикатуре. На столах лежали горы бумаги — посетители выставки могли рисовать, что им вздумается. К концу дня эти творения занимали место на специальном стенде.

Автобусы везли сюда школьников со всего Лимузена. Вход для них бесплатный. Каждому на память — открытки с эмблемой фестиваля, альбомчики, журналы. А по деревне, весело позванивая в медный колокол, бодро бегал маленький паровозик на автомобильных колесах с тремя вагончиками, облепленными детворой и взрослыми, решившими посмотреть этот чудной Сен-Жюст...

За круглым, квадратными и прочими столами шли дискуссии, симпозиумы, пресс-конференции, беседы по проблемам жанра, сотрудничества художников разных стран в борьбе за мир, сотрудничество, сохранение окружающей среды.

А в это время на зеленой лужайке умельцы готовили к запуску огромный, яркий воздушный шар — монгольфьер. Толпы мальчишек с замиранием сердца следили за этим таинственным мероприятием, не обращая внимания на изредка пролетающие над Сен-Жюстом реактивные самолеты...

Вот таким был салон в деревне Сен-Жюст-ле-Мартель. Веселым и серьезным. Праздничным и деловым. Свой вклад в его успех внесли и наши художники, Советские стенды привлекали большое внимание посетителей. Многие здесь впервые увидели работы наших юмористов. И любители, и профессионалы отдавали должное произведениям В. Дубова и О. Теслера И. Кособукина и В. Розанцева, И. Смирнова и Г. Басырова, К. Казанцева и С. Нечаева... За их оригинальность, остроту, искренний юмор, мастерство.

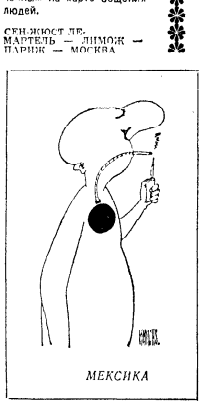
Эти же качества отличали и лучшие работы мастеров из других стран. Увы, не обошлось в салоне без стереотипов. Ах, как живучи они — эти клишированные представления о социализме, о нашей стране, о нас с вами! Правда, тон становится иным — наша перестройка дает себя знать и далеко за пределами СССР. Уходят предвзятость и недоброжелательство, но старые клише пока еще остаются. Затертые, банальные. «Русским медведем» кое-кто еще пытается пугать людей. По инерции. Но они, судя по посетителям салона, уже не пугаются, а чаще улыбаются. Может быть, вспоминают нашего олимпийского Мишку...

Вот и эта выставка, щедро представившая советских сатириков, помогла французам увидеть нас собственными глазами. В них светилось любопытство. А ведь с него многое начинается...

Заканчивая этот беглый репортаж, я беру назад свои слова о пижонстве, в котором чуть было не обвинил устроителей салона. Они делают доброе дело в своем маленьком, уютном, гостеприимном, грудолюбивом Сен-Жюст-ле-Мартеле, который заслужил право быть помеченным на карте общения людей.

СЕН-ЖЮСТ-ЛЕ-МАРТЕЛЬ — ЛИМОЖ — ПАРИЖ — МОСКВА

ИТАЛИЯ



МЕКСИКА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва, К-45, Костянский пер., 13; ДЛЯ ПИСЕМ: 103654 ГСП, Москва, К-51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200-24-17.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ, Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Ю. ИЗЮМОВ (первый зам. главного редактора), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, В. МОЕВ (отв. секретарь), Л. НОВИЧЕНКО, Ю. ПОРОЙКОВ (зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А—01412 Номер подписан к печати 2/XI-87 г. Типография «Литературной газеты»; Москва, Ц., Цветной бульвар, 30 Зак. 1034 ИНДЕКС 50067